

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1

2019

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по
научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор
кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
федеральный университет»

Билалов Мустафа Исаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий
кафедрой онтологии и теории познания ФГБОУ ВО «Дагестанский государст-
венный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Даге-
станский государственный педагогический университет»

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профес-
сор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Виноградов Борис Витальевич, доктор исторических наук, профессор, профес-
сор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук профессор,
профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биозтики Пятигорского ме-
дикко-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский госу-
дарственный медицинский университет Минздрава России»

Горобец Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор
кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории преподавания ФГБОУ ВО «Арма-
ви́рский государственный педагогический университет»

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профес-
сор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Ар-
мави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования
Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой технологии и дизайна преподавания ФГБОУ ВО «Армави́р-
ский государственный педагогический университет»

Игропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального обра-
зования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Казаров Саркис Суренович, доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры археологии и истории древнего мира ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения
и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профес-
сор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО
«Белгородский государственный институт искусств и культуры»

«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2019 г.

№ 1

Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский край

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail: vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК-378
ББК-74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX-XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Мозгот Валерий Георгиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор, кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Скрипник Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Спирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракелянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Тупичкина Елена Александровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой общей педагогики ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ответственные редакторы
 Гладченко Виктория Евгеньевна
 Лоба Всеволод Евгеньевич

Технический редактор
 Зданевич Лилия Владиславовна

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ветров Ю.П., Дегтярева Е.А., Ширина Л.В.

Общая характеристика инноваций в современных образовательных школах 5

Ветров Ю.П., Турсунбаев С.У.

Проектная деятельность как фактор развития одаренности у детей и подростков 17

Зуев В.А.

Образование в процессе цивилизационного выбора 25

Чубатов А.А.

О преобразованиях структур (систем и совокупностей) предикатов и их свойствах 35

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Билалов М.И.

Роль философии в национально-государственном строительстве и развитии региона 44

Исмаилов Н.О.

К вопросу о роли философии в совершенствовании системы высшего профессионального образования 55

Котлярова В.В., Руденко А.М.

Характеристики процесса аксиологизации постнеклассической науки 63

Кулакова Б.Э.

Межрелигиозный диалог христианской и мусульманской культур 74

Понарина Н.Н.

Глобализации в ракурсе социально-исторических и культурных условий ... 84

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Гурова Е.А., Высоцкий А.А., Клоков А.Н.

Комкор РККА на службе Вермахта (от защитника Армавира до врага народа) 94

Дударев С.А.

Объективно изучать этническую историю народов Северного Кавказа 106

Панарина Е.В.

Многофакторный характер решения материально-бытовых проблем на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 117

Тлячев А.А.

Проблема переселения западных адыгов-мхаджиров в Османскую империю во второй половине XIX века 126

Филонович С.А.

История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов 135

Хлудова Л.Н., Цыбульникова А.А.

К вопросу о формировании и эволюции в XVIII–XIX веках европейского и российского гетеростереотипов о черкешенках 145

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 156

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник

Армавирского государственного педагогического университета» 162

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

Vetrov Yu.P., Degtyareva E.A., Shirina L.V. General Characteristics of Innovations in Modern Schools	5
Vetrov Yu.P., Tursunbayev S.U. Project Activity as a Factor of the Development of Endowments in Children and Teenagers	17
Zuev V.A. Education in the Process of Civilization Choice	25
Chubatov A.A. About Transformations of Structures (Systems and Unions) Predicates and Their Properties	35

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Bilalov M.I. The Role of Philosophy in National-state Construction and Development of the Region	44
Ismailov N.O. To the Question of the Role of Philosophy in Improving the System of Higher Professional Education	55
Kotlyarova V.V., Rudenko A.M. Characteristics of the Process of Axiologization of Post-nonclassical Science ...	63
Kulakova B.E. Interreligious Dialogue Between Christian and Muslim Cultures	74
Ponarina N.N. Globalization in the Perspective of Socio-historical and Cultural Conditions	84

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Gurova E.A., Vysotsky A.A., Klovov A.N. Red Army Corps Commander in the Service of Wehrmacht (From the Defender of Armavir to the Enemy of the People)	94
Dudarev S.L. Learning the Ethnic History of Peoples of North Caucasus Objectively	106
Panarina E.V. The Multiple-factor Nature of the Solution of Material and Household Problems in the North Caucasus During the Great Patriotic War	117
Tlyachev A.A. The Problem of Resettlement of the West Circassians-muhajirs to the Ottoman Empire in the Second Half of the XIX Century	126
Filonovich S.A. The History of the Settlement of the Central Black Earth Region in the Area of Russian-Ukrainian Contacts	135
Khludova L.N., Tsybulnikova A.A. On the Formation and Evolution of European and Russian Heterostereotypes About Circassian Women in XVIII–XIX Centuries	145
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	156
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	162

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК-371.08

Ветров Юрий Павлович

доктор педагогических наук,
профессор, проректор по научно-
исследовательской и инновационной
деятельности ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Vetrov Yury Pavlovich

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Vice-rector for Research
and Innovative Activity, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

Дегтярева Елена Александровна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социально-
гуманитарных дисциплин филиала
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»
(г. Тихорецк)

Degtyareva Elena Aleksandrovna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the
Department of Social and
Humanitarian Disciplines, Kuban
State University (branch in
Tikhoretsk)

Ширина Лидия Васильевна

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Shirina Lidiya Vasilyevna

post-graduate student, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ**

Аннотация:

*В статье дается общая
характеристика инноваций в
современных образовательных
школах, на основе анализа
широкого круга научных
исследований. Особое место
занимает анализ ориентиров в
построении инновационного
образовательного пространства.
Дано определение понятия
«инноватика».*

**GENERAL CHARACTERISTICS
OF INNOVATIONS IN MODERN
SCHOOLS**

Abstract:

*The article gives a general
description of innovations in
modern schools basing on the
analysis of a wide range of
scientific studies. A special place
is occupied by the analysis of
landmarks in the construction of
an innovative educational space.
The definition of the concept of
"innovatics" is given.*

Ключевые слова:

инновации, инновационное образовательное пространство, парадигма, функционирование, развитие, система, внедрение.

Keywords:

innovation, innovative educational space, paradigm, functioning, development, system, implementation.

Особенностью современного этапа становления цивилизации является обострение ключевых проблем общественного развития в комплексе. Экономическая, экологическая, энергетическая составляющая кризиса дополняется нарастанием конфликтов социального и национального генеза. Технологичный тип культуры, на первых этапах своего существования способствовавший общественному прогрессу, сегодня содействует порождению средств уничтожения человеческой цивилизации.

Трансформирующиеся в связи с этим интересы человека, связанные с выживанием как биологического вида и социального субъекта, изменяют требования к уровню научной грамотности и образованности каждого. Поэтому во всем мире актуализировался поиск систем образования, характеризующихся большей демократичностью, диверсифицированностью и результативностью с позиции интересов личности и общества. Всё мировое сообщество стремится к преодолению в образовании профессиональной замкнутости и культурной ограниченности, ориентируясь на широкую и целостную личность.

На фоне таких глубоких социальных перемен российское образование находится в стадии реформирования еще с начала девяностых годов прошлого века. Необходимость данных реформ связана с тем, что школа по ряду направлений не соответствует глобальным потребностям общества. Существует разрыв между объективными запросами современности и общим недостаточным уровнем образованности участников образовательного процесса; между интенсивно изменяющейся профессиональной ориентацией молодежи и ее потребностью в удовлетворении разнообразных познавательных интересов и неготовностью системы школьного образования обеспечить соответствующую базу; между новаторскими методологическими подходами к развитым наукам и методам их трансляции обучающимся и архаическими стилями их преподавания в вузе.

Чтобы быть творцом и организатором в социальной жизни, человеку необходимо в процессе образования сформировать способности к проективному взгляду на будущее. Как отмечал президент Римского клуба А. Печчеи, только инновационное образование сможет решить такие задачи [9].

Сами понятия – «инновационное образование» и «традиционное образование», их альтернативность были сформулированы в докладе Римскому клубу в 1978 году учеными, обратившими внимание мировой научной общественности на существование принципов традиционного образования, неадекватных потребностям современного общества к человеку и к развитию его познавательных возможностей. Инновационный тип образования, по мнению авторов, ориентирован на развитие у обучающегося готовности к жизнедеятельности в условиях быстро наступающих перемен в обществе, готовности к действию в неопределенном будущем за счет развития способности к творчеству, разнообразных форм мышления, способностей к сотрудничеству и диалогу с другими людьми [6].

Сформированная на сегодняшний день новая образовательная парадигма школьного образования в качестве приоритета обозначает ориентацию на личностные интересы обучающихся, которые актуализированы современными тенденциями развития социума.

Главные гуманистические смыслы социального развития в современных условиях связаны с отношением к человеку как высшей ценности бытия, со слиянием общественных и личных интересов, с созданием условий для свободного развития каждого субъекта [15].

Интересы человека являются самоцелью развития, своеобразным критерием социального прогресса, гуманистическим идеалом происходящих в нашей стране реформ. Поступательное движение в направлении этого идеала соответствует требованиям гуманизации жизни в обществе, в центре которых находятся нужды, интересы, потребности каждого отдельного человека.

Поэтому очевидно, что в основу новых функций и нового содержания школьного образования должны быть положены основные принципы инновационного образования. Новая парадигма образования делает его социально и личностно значимым фактором, обладающим огромным содержательным, познавательным, мировоззренческим и методологическим потенциалом.

Для новой парадигмы образования характерен выход на качественно иной уровень современного образования, обладающий признаками целостности. Однако принцип целостности детерминирует противоречивые тенденции во всей образовательной системе. С одной стороны, образование должно быть гибким и динамично адаптирующимся к происходящим социально-экономическим и политическим преобразованиям, с другой, образование должно быть по возможности стабильным по своим психолого-педагогическим основаниям. С одной стороны образовательная система должна опираться на обновляющиеся научные парадигмы и доктрины, циклично сменяющие друг друга, а с другой – она должна характеризоваться прогностичностью, готовностью проектировать будущее, поскольку выпускники будут жить и работать в условиях, значительно отличающихся от тех условий, в которых они обучаются.

Данные тенденции влекут за собой значительные изменения в содержании и методическом обеспечении обучающего процесса. Однако в реальности зачастую происходят стихийные внедрения образовательных инноваций, что увеличивает риск осложнить образовательный процесс, поскольку методологически и научно не обоснованный метод обучения в аспекте его применения в новых условиях непродуктивен.

Некоторые исследователи представляют инновационные процессы в образовании как систему, активно откликающуюся на «вызовы социокультурной реальности», которая, «не отвергая существующих традиций», принципиально изменяет обучение, воспитание и развитие личности. Инновационные процессы преобразуют не только саму педагогическую деятельность, свойственные ей средства и механизмы, но и существенно перестраивают систему целевых установок и ценностных ориентаций субъектов. Инновационные процессы открыты для культуры и общества, а также позволяют раскрывать своё «Я», рефлексивно осознавать собственный внутренний мир [14, 5]. С этой точки зрения обоснован тезис о том, что инновационная деятельность не только расширяет границы образовательной деятельности в плане содержания и технологического обеспечения, но и создает условия и для развития личности преподавателя, предоставляя ему возможность использовать право на индивидуальный творческий вклад, на личностную инициативу, на свободу саморазвития.

Термин «инновация» имеет в современных условиях широчайшее распространение, причем не всегда точно отражающее его специфический смысл. Инновация (латинское «innovato», английское «innovation» – 'нововведение') – явление культуры, которое не наблюдалось на предшествующих стадиях её развития, но которое родилось на этой стадии и получило в ней признание («социализировалось»); закрепившееся (зафиксированное) в знаковой форме и (или) в деятельности за счет изменения способов, механизмов, результатов, содержания самой деятельности.

В других случаях чаще используется понятие «нововведение», которое выражает его сущность в понятиях «инновационная деятельность» и «инновационный процесс» (если учитывается процесс сопряженных изменений в среде). Содержание нововведения представляется в виде комплексного процесса создания, распространения и использования нестандартного практического средства (новшества) с целью удовлетворения человеческих потребностей, изменяющихся под воздействием развивающихся социокультурных систем и объектов [10].

Требования инновационной организации деятельности (в противовес спонтанному новшеству) ставят мир в качественно новые, постиндустриальные условия развития. Инноватика – это, прежде всего, создание, освоение и распространение различного типа новшеств.

А.И. Пригожин как один из авторов синергетического обоснования развития систем говорит о том, что инновационная деятельность в различных сферах жизни имеет общие черты и закономерности [11]. Почти всегда возникают последствия – желаемые и вредные, предвиденные и неожиданные. Любое нововведение в чем-то принципиальном похоже на любое другое, где бы оно ни реализовывалось. Нововведение как организационный механизм, как особая деятельность есть во многих целеориентированных изменениях.

Различается два типа изменений: изменение как функционирование и изменение как развитие.

В.И. Столяровым они разделяются по следующему основанию: «если изменение первого типа не приводит к появлению качественно нового по отношению к предмету, то в результате изменения второго типа возникает

нечто качественно новое, ранее не существовавшее по отношению к этому предмету [14].

Теория развития раскрывает функционирование в виде развития в одной плоскости (циклического воспроизведения). Такое развитие (в одной плоскости) не расширяет значительно возможности системы, но при этом имеет место некоторый их рост, повышение жизнеспособности системы. Абсолютного циклического воспроизведения системы не бывает, любое повторение происходит с изменениями, возникающими под воздействием разнообразных случайных факторов [8].

Развитие как специфический тип процесса изменения очень часто рассматривается в научной литературе. Развитие как изменение состояний, происходящее при условии сохранения их основы, т. е. какого-то исходного состояния, порождающего новые. Сохранность исходного состояния или основы делает возможным реализацию закономерностей развития [16].

Конкретная целостная система имеет одну природу, одно интегративное качество, иначе она перестает быть системой. Как считает В.И. Столяров, изменение произойдет только тогда, когда наряду с исчезновением некоторых качеств предмета, появлением у него новых, этот предмет сохраняет некоторые свои стороны, т. е. в какой-то мере существует, сохраняя устойчивость [23, с. 34].

Развитию характерно, прежде всего, неотрывность от движения, изменения. Но эти изменения не разрозненны, а множественные, реализуются комплексно, через систему изменений в содержании элементов, в их структурном порядке, т. е. в рамках качества подсистем конкретной системы. В этом плане развитие можно определить как связь качественных преобразований системы [26, с. 160]. Эта связь характеризуется, прежде всего, необратимостью, понимаемой как возникновение качественно иных возможностей, не имеющих места ранее.

Таким образом, к основным признакам развития системы могут быть отнесены качественный характер изменений, их необратимость и направленность. То есть развитие – это направленное, необратимое, качественное изменение системы.

Понимание данных признаков развития необходимо для отграничения системного типа изменений от хаотического изменения, механического движения, круговорота и функционирования.

Инновационные особенности развивающейся системы заключаются в ее ориентированности на новые пути и средства решения возникающих проблем, в постоянном обновлении механизмов и приемов воздействия на окружающие системы и собственные структуры. Накопление данных изменений, рост числа и величины отклонений в структуре и поведении системы развивают степень ее неустойчивости, доводя до критического режима. Ключевой вопрос связан с тем, как перевести систему на качественно новый уровень и не допустить ее разрушения.

Анализ характеристик развивающихся систем позволяет рассмотреть развитие образовательной системы сквозь призму социокультурной динамики общества и ухода от сложившихся норм функционирования разнообразных образовательных институтов. Развитие образования на сегодняшний момент охватывает процессы адаптации инноваций, развития структуры и внутрисистемных связей, пересмотра устаревших норм и принципов, апробации новых представлений и ценностей [12].

Одним из ведущих понятий инноватики является понятие нового, новизны. Для изучения этой характеристики можно назвать абстрактную теорию свойств, рассматривающую многомерные свойства новизны с характеристиками как координатные измерения их шкал [3].

Начнем с определения инновации как педагогической категории, связанной с рядом определений социологического плана (новшество как социологическая категория).

Самым первым термином в области инноваций считается термин, предложенный Э.М. Роджерсом [18]. Исследователь определяет инновацию как идею, являющуюся новой для конкретного человека. Он не считает значимым, является ли идея объективно новой или нет.

Французским ученым Э. Брансуик выделены три вида педагогических новшеств:

- образовательная идея и действие, полностью новое и ранее неизвестное (хотя автор отмечает, что таковых идей очень мало);

- адаптированная, расширенная или переоформленная идея и действие, которое приобретает особую актуальность в конкретной среде и в определенный период времени;

- возрождение некоторых ранее существовавших идей и действий в новых условиях, гарантирующих их успех [7].

Марклунд в своих работах различает понятия новшества и изменения. По его мнению, новшество зачастую идентично понятию изменения, но не все изменения являются новшеством. В случае широкого масштаба изменений, затрагивающих всю образовательную систему, они могут считаться реформой. Новшество должно включать в себя улучшение согласно заранее сформулированным целям [7].

Здесь выделяется важнейшая характеристика инновации – целенаправленность и сознательность изменения.

Расширение международного сотрудничества ввело в отечественную науку термин «инновация», однако перевод на русский язык обнаружил немало терминологических расхождений. Так, А.С. Подымова и В.А. Сластенин выявили в словаре отечественной педагогики целый ряд понятий с корнем «инновация» [13].

Несмотря на очевидность связи теории с практикой, а также наличие определенных успехов в решении теоретических аспектов инновационных образовательных проблем, эффективность использования достижений педагогической науки и передовой практики работниками образования не соответствует требованиям времени. Имеющиеся недостатки обусловлены рядом причин, среди которых существенной является недооценивание личностного фактора результативности образовательного процесса.

И.В. Бестужев-Лада останавливается на слове «внедрение», подчеркивая, что в других языках оно не обладает тем же смыслом. У англичан это сугубо русское понятие переводится как «имплантация», «инкулькация», «инстиляция» (т. е. буквально как «привитие», «внушение», «вливание»), у французов – как «апликация» (применение), у немцев – как «эйнфюрунг» (т. е. буквально как «введение», «вступление») [3].

Инновации как системный процесс создания и открытия нового (идеи, факта, концепции, теории), сравнительной оценки в соответствии

со сложившейся системой педагогических ценностей, освоения (принятие в систему ценностей или их отрицание) и использования на практике содействуют обновлению образования. Они создают качественно новый этап во взаимодействии и развитии научно-педагогического и педагогического творчества, создавая новое по инициативе самих практиков, удовлетворяя их профессионально-личностные потребности, интересы. Такое не может быть «внедрено» извне, как нечто чужеродное.

Важно понимать, что педагогические инновации – это нововведения, разрабатываемые и проводимые не органами государственной власти, а педагогическими работниками, конкретными организациями системы образования, представителями психолого-педагогической науки.

Разрабатываемые ими педагогические инновации вводят новые аспекты в цели обучения, обогащают содержание, расширяют спектр методов и форм обучения и воспитания, динамизируют педагогический процесс. Чаще всего это происходит тогда, когда в процессе накопления и осмысления фактов решается традиционная проблема нестандартным способом, порождающим новое качество, несущее новаторский смысл.

Инновационный характер педагогической деятельности позволяет развивать сознание и направленность активности педагогических кадров, создавать соответствующие группы профессионалов-новаторов.

Поэтому школа в первую очередь должна быть нацелена на создание динамического образовательного пространства, позволяющего включать педагогов в активную творческую педагогическую деятельность.

Поэтому важно, чтобы инновационная направленность образовательного пространства школы отвечала бы базовым потребностям саморазвивающейся личности педагога, способной на современном этапе к самоопределению и самореализации. Главное, суметь выявить ведущие ориентиры в построении инновационного образовательного пространства в соответствии с социальным контекстом и, как следствие, помочь преподавательскому составу в меняющихся социальных условиях преодолеть ограниченность утвердившихся принципов обучения и воспитания с учетом конкретной практики реализации в инновационном педагогическом движении.

В этом процессе личностно-профессиональное развитие педагогов считается системообразующим условием успешного функционирования школы в целом. При этом не только профессионализм, но и психоэмоциональное благополучие педагога являются фактором конструктивного решения инновационных образовательных задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонец, В. А. Инновационный бизнес: формирование моделей коммерциализации перспективных разработок : учебное пособие / В. А. Антонец ; под ред. К. А. Хомкина. – М. : Дело, 2009.
2. Бестужев-Лада, И. В. Альтернативная цивилизация / И. В. Бестужев-Лада. – М. : ВЛАДОС, 1998. – 352 с.
3. Бургин, М. С. Инновации и новизна в педагогике [Электронный ресурс] : методическое пособие / М. С. Бургин. – Новосибирск, 2009. – Режим доступа: <http://geum.ru/doc/work/51892/index.html>.
4. Диагностика уровня парциальной готовности к профессионально-педагогическому саморазвитию // Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М., 2008. – С. 421–424.
5. Ильин, Г. От педагогической парадигмы к образовательной / Г. Ильин // Высшее образование в России. – 2000. – № 1. – С. 64–69.
6. Инновационное обучение: стратегия и практика // Материалы научно-практического семинара психологов и организаторов школьного образования / под ред. В. Я. Ляудис. – М., 2004. – 203 с.
7. Кларин, М. В. Инновации в обучении: метафоры и модели: Анализ зарубежного опыта / М. В. Кларин. – М. : Наука, 2007. – 223 с.
8. Мячин, Ю. Н. Категория «развитие» / Ю. Н. Мячин. – Оренбург, 2003. – 78 с.
9. Печчеи, А. Человеческие качества : [пер. с англ.] / А. Печчеи. – М. : Прогресс, 1980. – 306 с.
10. Подосинникова, О. П. Дидактическая игра как средство подготовки студентов к инновационной педагогической деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. П. Подосинникова. – Астрахань, 1996. – 24 с.
11. Пригожин, А. И. Нововведения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики) / А. И. Пригожин. – М. : Политиздат, 1989. – 271 с.
12. Проектирование в образовании: проблемы, поиски, решения : материалы научно-практической конференции. – М. : Институт педагогических инноваций, 2004. – 105 с.

13. Сластёнин, В. А. Педагогика: инновационная деятельность / В. А. Сластенин, Л. С. Подымова. – М. : Магистр, 1997. – 308 с.
14. Столяров, В. И. Процесс изменения и его познание (логико-методологические проблемы) / В. И. Столяров. – М. : Наука, 1996. – 140 с.
15. Фролов, И. Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет / И. Т. Фролов. – М. : Политиздат, 1999. – 559 с.
16. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности / Э. Г. Юдин. – М. : Политиздат, 1988. – 263 с.
17. Юсуфбекова, Н. Р. Общие основы педагогической инноватики: Опыт разработки теории инновационных процессов в образовании : методическое пособие / Н. Р. Юсуфбекова. – М. : ЦС ПО РСФСР, 1991. – 91 с.
18. Rogers, E. M. Diffusion of innovations (4th ed.). – New York : The Free Press, 1995.

REFERENCES

1. Antonets V.A. *Innovacionnyj biznes: formirovanie modelej kommercializacii perspektivnyh razrabotok: Uchebnoe posobie* [Innovative business: formation of models for the commercialization of promising developments]. Ed. by K.A. Khomkina. M.: Delo, 2009.
2. Bestuzhev-Lada I.V. *Al'ternativnaya civilizaciya* [Alternative civilization]. M.: VLADOS, 1998. 352 p.
3. Burgin M.S. *Innovacii i novizna v pedagogike: metodicheskoe posobie* [Innovations and novelty in pedagogy: a manual]. Novosibirsk, 2009. Available at: <http://geum.ru/doc/work/51892/index.html>. (In Russian).
4. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Diagnostics of the level of partial readiness for professional and pedagogical self-development. *Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp = Socio-psychological diagnosis of personality development and small groups*. M., 2008, pp. 421-424. (In Russian).
5. Ilyin G. From the pedagogical to the educational paradigm. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2000, no. 1, pp. 64-69. (In Russian).
6. *Innovacionnoe obuchenie: strategiya i praktika* [Innovative learning: strategy and practice]. Ed. by V.Ya. Laudis. M., 2004. 203 p.
7. Klarin M.V. *Innovacii v obuchenii: metafory i modeli: Analiz zarubezhnogo opyta*. Innovations in education: metaphors and models: Analysis of foreign experience. M.: Science, 2007. 223 p.
8. Myachin Yu.N. *Kategoriya «razvitie»*. The category "development". Orenburg, 2003. 78 p.
9. Peccei A. The human quality. M.: Progress, 1980. 306 p.

10. Podosinnikova O.P. *Didakticheskaya igra kak sredstvo podgotovki studentov k innovacionnoj pedagogicheskoy deyatel'nosti* [A didactic game as a means of preparing students for innovative pedagogical activity]: Author's abstract. dis. Cand. ped. Sciences. Astrakhan, 1996. 24 p.
11. Prigojin A.I. *Novovvedeniya: stimuly i prepyatstviya (social'nye problemy innovatiki)* [Innovations: incentives and obstacles (social problems of innovation)]. M.: Politizdat, 1989. 271 p.
12. *Proektirovanie v obrazovanii: problemy, poiski, resheniya* [Projects in education: problems, searches, solutions]. Materials of the scientific and practical conference. M.: the Institute of Pedagogical Innovations, 2004. 105 p.
13. Slastenin V.A. *Pedagogika: innovacionnaya deyatel'nost'* [Pedagogy: innovative activity]. M.: Master, 1997. 308 p.
14. Stolyarov V.I. *Process izmeneniya i ego poznanie (logiko-metodologicheskie problemy)* [The process of change and its cognition (logical and methodological problems)]. M.: Science, 1996. 140 p.
15. Frolov I.T. *O cheloveke i gumanizme: Raboty raznyh let* [About man and humanism: Works of different years]. M.: Politizdat, 1999. 559 p.
16. Yudin E.G. *Sistemnyj podhod i princip deyatel'nosti* [System approach and principle of activity]. M.: Politizdat, 1988. 263 p.
17. Yusufbekova, N.R. *Obshchie osnovy pedagogicheskoy innovatiki: Opyt razrabotki teorii innovacionnyh processov v obrazovanii* [General Principles of Pedagogical Innovation: Experience in Developing a Theory of Innovative Processes in Education]. M.: TS PO RSFSR, 1991. 91 p.
18. Rogers, E.M. *Diffusion of Innovations* (4th ed.). New York: The Free Press, 1995.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ветров Ю.П. Общая характеристика инноваций в современных образовательных школах / Ю.П. Ветров, Е.А. Дегтярева, Л.В. Ширина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 5–16.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vetrov Yu.P., Degtyareva E.A., Shirina L.V. General Characteristics of Innovations in Modern Schools // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 5–16. (In Russian).

УДК-37.013: 376.5

Ветров Юрий Павлович

доктор педагогических наук,
профессор, проректор по научно-
исследовательской и инновационной
деятельности ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Vetrov Yury Pavlovich

Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Vice-rector for Research
and Innovative Activity, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

Турсунбаев Салахидин Умарович

директор МБУ ДО «Центр
творческого развития и
гуманитарного образования»
(г. Сочи)

**Tursunbayev Salakhidin
Umarovich**

Director of the Center of Creative
Development and Humanitarian
Education (Sochi)

**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ОДАРЕННОСТИ У ДЕТЕЙ
И ПОДРОСТКОВ**

**PROJECT ACTIVITY AS A
FACTOR OF THE DEVELOPMENT
OF ENDOWMENTS IN CHILDREN
AND TEENAGERS**

Аннотация:

*В статье рассматриваются
актуальные проблемы реализации
проектной деятельности как
фактора развития одаренности у
детей и подростков с позиции
практико-ориентированного
подхода, представлена
теоретическая модель подготовки
педагогов к участию в
коллективных проектах по
развитию одаренности у детей и
подростков.*

Ключевые слова:

*одаренность, проектная
деятельность, самореализация,
теоретическая модель,
диагностика, критерии, практико-
ориентированный подход,
готовность.*

Abstract:

*In the article current problems of
realization of project activity as a
factor of development of
endowments in children and
teenagers from the standpoint of
the practice-oriented approach are
considered; the theoretical model
of training of teachers for
participation in collective projects
on the development of
endowments in children and
teenagers is presented.*

Keywords:

*endowments, project activity, self-
realization, theoretical model,
diagnostics, criteria, practice-oriented
approach, readiness.*

Работа с одаренными детьми и подростками строится на идеях личностно ориентированного образования. К числу целей образования и обучения одаренных детей в контексте личностноориентированной парадигмы обучения относятся: создание условий для развития и осознания ребенком собственного опыта, индивидуально-личностных свойств, а также поддержка детской индивидуальности. Развитие одаренности у детей и подростков происходит на основе идей индивидуализации образовательного процесса, творческого обучения, исследовательской деятельности обучающихся.

Анализ подходов к вопросу одаренности и одаренных показывает, что концептуальной идеей в развитии одаренности является идея о построении особой образовательной среды, в которой создаются условия для раскрытия способностей и интересов каждого ребенка, для обеспечения возможности самореализации личности в различных видах деятельности (В.И. Панов, В.П. Лебедева, В.А. Орлов и др.).

На создание таких условий направлена проектная деятельность педагогов.

В современных условиях проектирование все чаще становится деятельностью коллективного субъекта – коллектива педагогов, осознающих наличие общей проблемы и цели и готовых к объединению своих личностных и профессиональных ресурсов для достижения общей цели. Работа над коллективным проектом дает возможность применять имеющийся коллективный опыт, включать в обсуждение значительное количество вопросов, а следовательно, накапливать и усваивать больший объем знаний и умений.

Коллективной проектной деятельностью в развитии одаренности у детей и подростков следует считать систему совместных действий педагогов по разработке и построению образовательной среды для личностного развития и самореализации мотивированных и одаренных школьников.

Разработка проектов по развитию одаренности у детей и подростков осуществляется с учетом того, что в содержание проекта должно включаться скрупулезно выработанное, комплексное, глубокое изучение основных идей, проблем, тем; проект должен способствовать подбору и использованию соответствующих ресурсов для развития одаренности детей и подростков; самоуправлению процессом развития одаренности со стороны школьников и их саморазвитию; проект должен обеспечивать развитие

понимания своего внутреннего мира и природы межличностных и социальных отношений.

Объектом проектной деятельности в развитии одаренности является образовательная среда, позволяющая эффективно реализовывать индивидуальные образовательные запросы, способствующая личностному развитию, самореализации, повышению конкурентоспособности мотивированных и одаренных школьников. В связи с этим стратегической целью командной проектной работы с одаренными детьми является создание образовательной среды, способствующей максимальному развитию способностей и возможностей одаренных детей, их раскрытию, в том числе совершенствованию системы выявления одаренных детей, развития одаренности, оказания адресной поддержки каждому обучающемуся, проявившему выдающиеся способности, построения индивидуальных образовательных маршрутов с учетом специфики одаренности ребенка, формированию личностного и профессионального самоопределения.

При конструировании проекта работы с одаренными детьми важен учет всех видов деятельности: учебной, внеурочной, внеклассной, внешкольной, воспитательной.

Подготовка творческого педагогического коллектива, нацеленного на достижение общего результата путем совместных действий, становится одной из потребностей образовательной организации.

Целью в структуре процесса подготовки педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков является готовность к участию в коллективных проектах по развитию одаренности. Готовность к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков определяется как владение педагогом профессиональными компетенциями, способствующими успешной реализации деятельности по созданию и внедрению коллективных проектов в работе с одаренными детьми и подростками. Критериями сформированности готовности к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков являются: мотивационно-ценностный (заинтересованность в профессиональном развитии; увлеченность проектной деятельностью; осознание целей; понимание значимости работы в рамках проекта по развитию одаренности у детей

и подростков; мотивация на успех), операционально-деятельностный (знания в области построения проектов по развитию одаренности и их применение; способность и готовность сотрудничать с коллегами и учащимися; способность корректировать свои действия; креативность; инициативность; самостоятельность ответственность; умение перестраивать свою деятельность), рефлексивно-оценочный (способность к самоанализу; удовлетворенность работой). На основе выделенных критериев и их показателей были разработаны характеристики уровней готовности к участию в проектах по развитию одаренности у детей и подростков: высокий (заинтересованность в профессиональном развитии, осознание своих целей и ориентированность на достижение общей цели (умение работать в команде), инициативность, самостоятельность в принятии решений, в большой степени склонны работать с одаренными детьми, сформированы умения коллективной проектной деятельности), средний (есть склонность к коллективной работе с одаренными детьми, требуются дополнительные интеллектуальные ресурсы в этом процессе, попытки самосовершенствования ситуативны, частичное владение навыками коллективной проектной деятельности), низкий (склонность к коллективной работе с одаренными детьми слабо выражена, владеют разрозненными знаниями о сущности, принципах, формах, методах проектной работы по развитию одаренности, затруднения при постановке целей совместной деятельности, оценке своих возможностей и результатов деятельности, могут способствовать возникновению конфликтных ситуаций в коллективе).

Разработка критериев и уровней сформированности готовности участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков, а также выявление у педагогов исходного уровня указанной готовности стали содержанием диагностического блока модели.

Организационно-методическое обеспечение процесса подготовки педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков представлено в содержательном блоке модели.

Содержательный блок включает разработку программы подготовки (в случае необходимости, обучение) к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков; создание учебно-тематического плана с учетом конкретной аудитории; отбор и организацию материалов для проведения занятий.

ПОДГОТОВКА К УЧАСТИЮ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЕКТАХ ПО РАЗВИТИЮ ОДАРЕННОСТИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

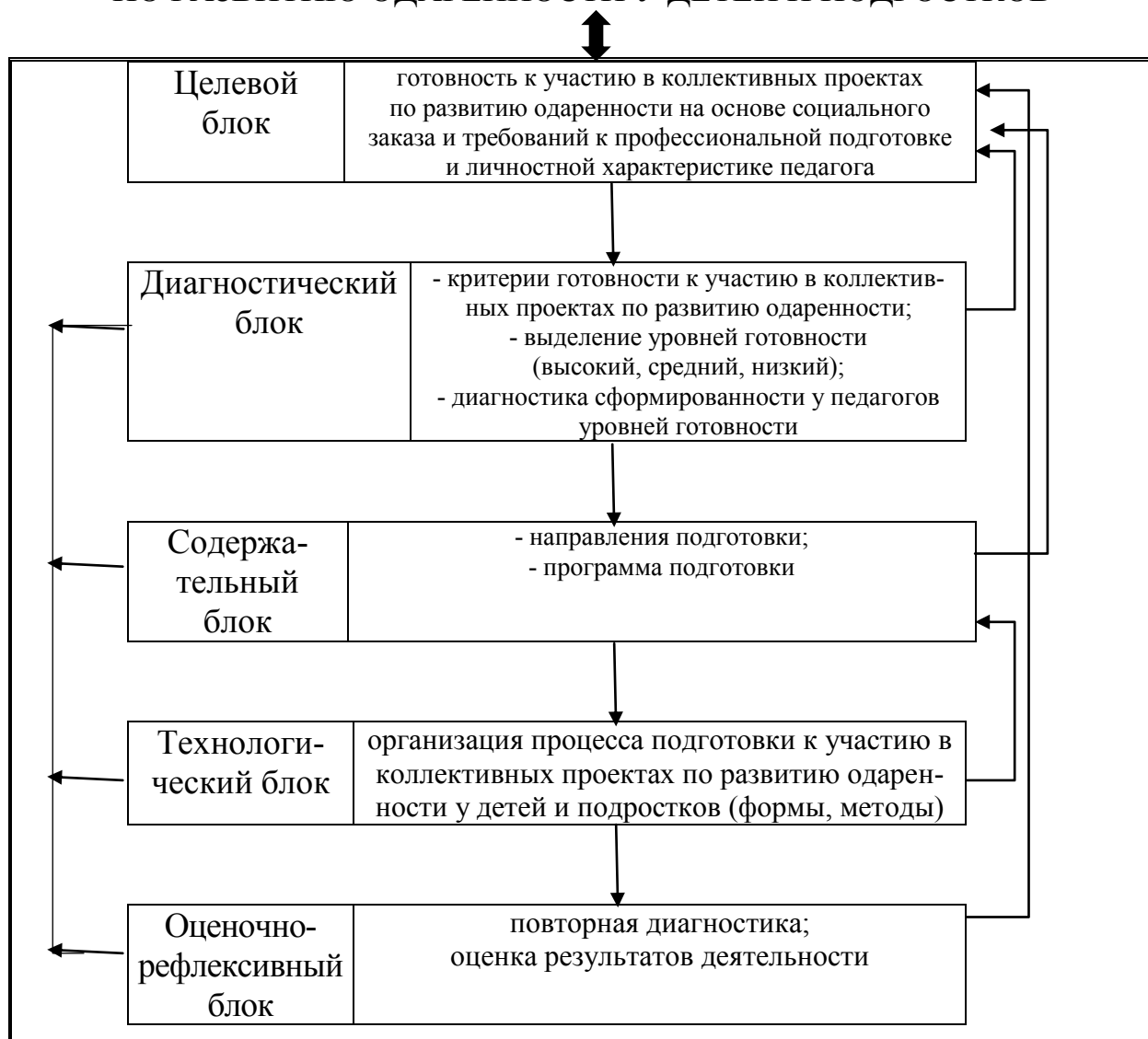

Рис. 1 – Модель подготовки педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков

Подготовка педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков может реализовываться в нескольких направлениях:

- развитие личностных свойств педагогов, а также качеств, необходимых для успешной реализации совместной деятельности по созданию и внедрению проектов в работе с одаренными детьми и подростками;
- формирование опыта коллективной проектной деятельности по развитию одаренности;
- создание проектной команды.

При реализации программы применяется модульный принцип представления содержания обучения. Программа подготовки педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков включает три модуля, при этом теоретический блок, практические занятия, итоговый проект выступают как отдельные модули.

Содержание программы подготовки носит открытый характер за счет привнесения личностного опыта и индивидуальных информационных запросов педагогов.

Технологический блок связан с реализацией программы подготовки к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков, содержит формы и методы, используемые в этом процессе.

Оценочно-рефлексивный блок модели направлен на оценку эффективности процесса подготовки к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков. В этом блоке предусмотрена возможность внесения изменений в содержание программы подготовки, формы и методы обучения, исходя из результатов повторной диагностики и запросов обучающихся.

Все блоки модели подготовки педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков взаимосвязаны и образуют единую систему.

Таким образом, организационно-методическое обеспечение процесса подготовки педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков заключается в разработке программы подготовки педагогов к участию в коллективных проектах по развитию одаренности у детей и подростков, теоретических и практических материалов; консультировании педагогов; организации деятельности и регулировании взаимодействия педагогов в ходе освоения программы.

Процесс подготовки педагогических коллективов образовательных организаций к участию в проектах по развитию одаренности у детей и подростков осуществляется на основе принципов обучения взрослых с применением интерактивных форм и методов. Повышение профессиональной компетентности педагогов происходит в форме корпоративного обучения, коррелирующего с индивидуальными целями отдельных работников и целями образовательной организации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богоявленская, Д. Б. Одаренность: природа и диагностика / Д. Б. Богоявленская, М. Е. Богоявленская. – М. : АНО «ЦНПРО», 2013. – 208 с.
2. Гладилина, И. П. Подготовка педагога к работе с одаренными детьми, подростками и молодежью : монография / И. П. Гладилина, М. В. Жиркова, О. С. Михно. – М. : Коллаж, 2009. – 211 с.
3. Ильницкая, И. А. «Рабочая концепция одаренности» – фундаментальная основа подготовки педагогов к выявлению и развитию одаренности детей и подростков / И. А. Ильницкая // Одаренный ребенок. – 2011. – № 3. – С. 12–27.
4. Одаренные дети – образовательный вызов XXI века : сб. статей / под общ. ред. С. В. Жолована ; под науч. ред. Л. М. Ванюшкиной. – Вып. 1. – СПб. : СПб АППО, 2014. – 108 с.
5. Осипова, С. Н. Проектная деятельность в работе с одаренными детьми / С. Н. Осипова // Интерактивная наука. – 2017. – № 12. – С. 103–105.
6. Петухова, Г. В. Методические рекомендации по работе с детьми с высокой учебной мотивацией и одаренностью / Г. В. Петухова, С. Ю. Петухов // Журнал руководителя управления образованием. – 2015. – № 6. – С. 72–77.
7. Freeman, J. *Gifted Children Grown Up*. – London, 2001.
8. Tomlinson, C. A. What it Means to Teach Gifted Learners Well [Электронный ресурс] / C. A. Tomlinson // University of Virginia. – Режим доступа: <https://www.nagc.org/resources-publications/gifted-education-practices/what-it-means-teach-gifted-learners-well>.

REFERENCES

1. Bogoyavlenskaya D.B., Bogoyavlenskaya M.E. *Odarennost': priroda i diagnostika* [Endowments: nature and diagnostics]. M.: ANO TsNPRO, 2013. 208 p.
2. Gladilina I.P. *Podgotovka pedagoga k rabote s odarennymi det'mi, podrostkami i molodezh'yu* [Training of the teacher for work with exceptional children, teenagers and youth]. Moscow: Collage, 2009. 211 p.
3. Initskaya I.A. "The working concept of endowments" is a fundamental basis of training of teachers for identification and development of endowments of children and teenagers. *Odarenniy rebenok = the Exceptional child*, 2011, No. 3, pp. 12-27. (In Russian).
4. Exceptional children – an educational call of the 21st century. *Sbornik statei = The collection of articles*, 2014, No. 1, SPb.: SPb APPO, 108 p.
5. Osipova S.N. Design activity in work with exceptional. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*, 2017, No. 12, pp. 103-105. (In Russian).

6. Petukhova G.V. Methodical recommendations on work with children with high educational motivation and endowments. *Zhurnal rukovoditelya upravleniya obrazovaniem = the Journal of the Chief of the Department of Education*, 2015, No. 6, pp. 72-77. (In Russian).

7. Freeman J. *Gifted Children Grown Up*. London, 2001.

8. Tomlinson C.A. What it Means to Teach Gifted Learners Well. Available at: <https://www.nagc.org/resources-publications/gifted-education-practices/what-it-means-teach-gifted-learners-well>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ветров Ю.П. Проектная деятельность как фактор развития одаренности у детей и подростков / Ю.П. Ветров, С.У. Турсунбаев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 17–24.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vetrov Yu.P., Tursunbayev S.U. Project Activity as a Factor of the Development of Endowments in Children and Teenagers // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2019, No. 1, pp. 17–24. (In Russian).

УДК-37.011.33

Зуев Вячеслав Анатольевич

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Zuyev Vyacheslav Anatolievich

post-graduate student of Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

**ОБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА**

**EDUCATION IN THE PROCESS
OF CIVILIZATION CHOICE**

Аннотация:

В статье рассматривается образование как часть культуры. Несколько точек зрения о предмете образование. Образование как средство обновления культуры. Место православной педагогики в образовании. Манифест об учреждении Министерства народного просвещения 1802 года и развитие светского образования в России. Секуляризация образования в России и разрушение культурного ядра. Современное образование: концепция пожизненного обучения. Необходимость выбора социокультурной модели образования. Образование как цивилизационный выбор.

Ключевые слова:

культура, образование, цивилизация, православная педагогика, секуляризация, социокультурная модель.

Abstract:

The article considers education as part of culture. Several points of view on the subject of education. Education as a means of cultural renewal. The place of Orthodox pedagogy in education. Manifest on the establishment of the Ministry of Public Education in 1802 and the development of secular education in Russia. Secularization of education in Russia and the destruction of the cultural core. Modern education: the concept of lifelong learning. The need to choose a socio-cultural model of education. Education a civilizational choice.

Keywords:

culture, education, civilization, Orthodox pedagogy, secularization, sociocultural model.

Всё, что человечество создало в этом мире, можно назвать одним словом «культура». Человек рожден в культуре, и является принципиально меняющимся существом. Он не имеет константной сущности. Человеку, в отличие

от животных, дано сознание, а не только психика. Сознание, как то, что дает возможность перестраивать любые программы на него положенные или в нем «зашитые» и позволяющие ему куда-то двигаться. То есть, для нас, людей, самые главные вопросы: «Какие мы есть? Какими можем быть?» [1].

Слово культура происходит от латинского cultura и означало первоначально обработку и уход за землей, с тем, чтобы сделать ее пригодной для удовлетворения человеческих потребностей. Культура первобытного человека определяется как самосохранение: если я уведу чужого вола и жену – это добро; если у меня уведут вола и жену – это зло. Все нравственные представления были всецело связаны с целью выживания и являлись орудием борьбы за биологическое существование [2, с. 29]. Отделив себя от дикаря, человек по иному начал смотреть на ценностные категории. Понятие «добро» отделилось от простого благополучия и нравственность начала осознаваться как особая, отличная от цели самосохранения категория внутреннего развития. Изменилось и отношение к качеству жизни, не простая жизнь, а достойная становится целью существования человека. В отличие от первобытного дикаря, человек начинает называть себя культурным. Отделив себя от природы, человек отделил и себя от себя, приобретя, таким образом, способность относиться к себе объективно, смотря на себя со стороны. Культура становится, таким образом, бытием человека, а образование её частью. Если же говорить только о личности человека прошедшего от первобытного до цивилизованного состояния, то у него складывается культура тела, культура души и духовная культура [3]. Апостол Павел, как первый христианский догматик, определяет взаимосвязь духа и тела: «тела ваши... храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога» (1 Кор. 6:19).

Культура из земледельческого термина распадается на различные области, сферы жизни: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, воспитание, общественно-политическое устройство, религиозные убеждения, искусство и т. д. Культура плотно «сливается» с понятием цивилизации. Отличие их стало в том, что культура, является результатом труда многих поколений народов и индивидов (культурный человек), а цивилизация – вся совокупность достижений в разных областях культуры, особенно же электроники, техники и связанного с их развитием комфорта.

Исследователи утверждают, что в России до середины XIX века понятие «культура» передавалось словами «образованность», «гуманность», «воспитанность», «просвещение», а когда слово «культура» начало входить в русский язык, оно длительное время было синонимом слова «образование». Еще в 1863 году П.Г. Редкин вводит следующие определения: «... "просвещение" есть синоним со словами "культура", "образование". ...Под словом "культура" – или внутренняя культура, в противоположность культуре внешней- или "политуре", разумеют почти то же самое, что и под словом "образование"» [4].

С.И. Гессен считал, что образование является неотъемлемой частью культуры, которая по своей структуре трихотомична и разделяется на: образование, гражданственность и цивилизацию. Часть культуры – образование, по его мнению, по совокупности включает в себя науку, искусство, нравственность и религию [2, с. 27]. Образованность предполагает определенный уровень цивилизованности. Развитой цивилизации соответствует высокий уровень образованности.

С содержательной стороны образование есть процесс социокультурной коммуникации, с другой стороны образование можно представить, как определенный социокультурный институт, обеспечивающий данный процесс. Систему образования следует рассматривать как целостное явление в своих многообразных формах [5]. О предмете образование существует несколько точек зрения.

1. Образование – весомая часть культуры вмещает в себя «дух народа», его самобытность.
2. Образование включает в себя обучение, воспитание и развитие.
3. Образование – процесс воспитания, самовоспитания, влияния, то есть процесс формирования облика человека.
4. Образование включает в себя формирование духовного образа человека, который складывается под влиянием моральных, нравственных и духовных ценностей, составляющих достояние его культурного уровня.

Образование представляет из себя средство обновления культуры, поскольку изменения самого процесса обучения оказывают значительное влияние на развитие сознания личности и, в конечном счете, поведение и результаты общественной деятельности. Система образования содержит

в себе, таким образом, два момента: первый связан с преемственностью определенных элементов культуры, второй – с ее обновлением. Взаимодействие между этими элементами оказывает серьезное влияние на развитие как современного, так и будущего общества [4]. С христианской точки зрения образование – это формирование в человеке образа Божия.

В основе светского и православного образования лежит познание – направленность нашего желания усвоить еще неизвестное нам. Незнание в светском отношении преодолевается обучением. Путь духовного образования по «Православной педагогике» архимандрита Георгия Шестуна: от образованности – к благочестию (правильная жизнь и вера), от нравственности – к святости.

В религиозном понимании, Бог, создав человека, дал ему заповедь возделывать (культивировать) и хранить окружающий мир как прекрасное творение (Быт. 2:15). Поэтому слово «культура» является однокоренным со словом «культ», которое означает богопочитание, поклонение и служение Богу. В гражданском законодательстве Российской Федерации употребляется словосочетание «религиозный культ» [6]. Здания храмов часто называют «культовыми зданиями». Так что слова «культура» и «религия» тесно связаны между собой. Православная культура, является частью христианской культуры или, в общем смысле, частью религиозной культуры.

Православная культура включает в себя:

- а) религию – мировоззрение, мироощущение, а также соответствующее поведение, определяемое верой в существование Бога;
- б) установление связи с Богом через молитвы, таинства;
- в) религиозную мораль и нравственность – культуру поведения;
- в) церковное искусство, богослужения, крестные ходы, народные традиции, связанные с религией.

Но оставаясь только мировоззрением, христианство потеряло бы свою движущую силу, без веры оно перестало бы быть живой связью [7].

Путь к знаниям, как первой ступени образования, для человека всегда начинается с веры родителям, учителю, книге и т. д. И только последующий личный опыт укрепляет (или, напротив, ослабляет) веру в правильность ранее полученной информации, претворяя веру в знание. Получая

знания в науке, искусстве, экономике, мы должны поверить, что эти знания правильны и нужны нам. То же самое и вера в религии. Вера выражает духовные стремления человека и часто начинается с доверия тем, кто уже имеет в ней соответствующие опыт и знания [8]. Потом, со временем появляются уже собственные знания, основанные на личном опыте и вера «перерастает» в религиозные убеждения.

Религиозная культура имеет ценностные основания, которые, при получении вероучительных знаний, формируют ступени личностного роста для любого человека соприкоснувшегося с живой верой. Ценности бывают истинными и ложными. Наиболее интересное определение, что есть для нас истинные ценности, дает митрополит Антоний Сурожский. Слово «ценность», *worth*, он связывает со словом «достоинство» *worship* и не только потому, что они в английском языке однокоренные, но и по содержанию. Что мы считаем достойным, стоящим того, чтобы ради этого жить и ради этого умереть, то для нас и ценно. «Когда мы говорим о том, чем стоит жить, т. е. о наших ценностях, то не стоит искать их где-то далеко, – говорит митрополит Антоний. – Ищи их в самом себе. Стань той личностью, какой ты на самом деле являешься. Не тем мелочным, мелким, ничтожным человеком, старающимся занять как можно больше места и заявить о себе как можно громче, чтобы создать у себя и других иллюзию значительности своего существования, – стань человеком, который по-настоящему высок, пусть это и не бросается в глаза сразу» [9, с. 9].

В самом начале XIX века, в России была заложена система так называемого классического образования, основные принципы которого сформулированы Каменским, Песталоцци и др., что положило начало, с одной стороны, формированию светской системы образования, с другой, начало стагнации социокультурных норм укорененных в народе. Образование перестало соответствовать основному предназначению, связанному с передачей накопленного предыдущими поколениями культурного опыта с целью социализации человека и осуществления его профессиональной деятельности [3]. Понятие «светское образование» возникнув в России в XVII веке, приобретает особый смысл спустя два столетия, став синонимом латинского «секуляризация» (*saecularis*) [10, с. 479]. После издания в 1802 году Манифеста

об учреждении Министерства народного просвещения, образование сделалось централизованным, сформировался блок наукообразных предметов, в том числе появилась дисциплина Закон Божий. Со временем он все более выхолащивался, пока совсем не утратил духовную составляющую. Константин Дмитриевич Ушинский (1824-1870), запустил процесс возрождения духовности в образовании. В своей работе «Что сделано в России для народного образования», Ушинский писал: «...школы, которые существуют, если и учат чему-нибудь и как-нибудь, то уже решительно нисколько не воспитывают своих учеников ни умственно, ни нравственно и не действуют нисколько на правильное развитие народного характера». Традиционное народное воспитание по Ушинскому – это, прежде всего, воспитание церковное; древняя православная вера, «превратившаяся в кровь и плоть народа», по словам педагога, является важнейшим фактором воспитания. Русская патриархальная нравственность, просвещенная верой, – главная опора школы. Православную веру он называл «неисчерпаемым и уже существующим источником нравственного и умственного развития» [11, с. 245–247]. Основываясь на отечественной педагогической традиции, К.Д. Ушинский подчеркивал высокое воспитательное значение страха Божьего как антитезы «страху учительскому», как основы внутренней свободы.

Модернизация системы образования, без учета культурного контекста России и населяющего её народа, привела к дестабилизации и разрушению культурного ядра общества. А революционные события 1917 года стали, отчасти, следствием потери образованием от земской до высшей школы, культурного кода нации, её ценностных ориентиров. Воспитанные на культурных традициях западной школы, но, проживая в совершенно ином социуме, будущие революционеры и люди, их поддерживавшие, вероятно, искренне хотели создать какую-то иную государственность, оторванную от национальной культуры. 19 августа 1918 года епископ Уфимский и Мензелинский, князь Андрей Ухтомский, в своей речи в Общем собрании Восточно-русского общества с негодованием отмечал, что наше школьное образование – «величайшее уродство». При этом он обвинял в бескультурном воспитании не только светские земские школы, но и церковно-приходские, которые, казалось бы, являлись носителями православной культуры, но на

самом деле «воспитывали из русских детей каких-то уродов без родины, без храма Божия, без всяких прикладных знаний». На школе, по его мнению, лежала вся ответственность за разрушение страны: «Конечно, Ленин только использовал тот горючий материал, который представляла из себя наша молодежь, а честь воспитания этих негодников, разрушивших наше отечество, – принадлежит, бесспорно, нашей народной школе». Революция, по его мнению, была достойным плодом власти, далекой от народа.

Расширение сферы образования отвечает основной цели современного общества – не столько достижению блага мира вообще, сколько дальнейшей автономизации, самодостаточности конкретного человека. Проблема переизбытка преподаваемой информации решается тройко: удлинением срока учебы; повышением её интенсивности, через внедрение новых методик и технологий; отходом от энциклопедического эталона образования и рассечением всего объема учебного материала на отдельные специализированные направления. Обучение теперь начинается с дошкольных учреждений и включает школу, средний специальный уровень, высшее образование, систему дополнительной подготовки и повышения квалификации, различные дополнительные программы (ученые степени, курсы повышения квалификации и пр.). Возникает концепция пожизненного обучения. Задача школы теперь ознакомить ученика с базовым минимумом сведений из разных отраслей знания. Цель общеобразовательной школы – формировать способности и создавать мотивацию к самообразованию [12, с. 63]. Даже некоторые ученые Запада, видят основные проблемы современной педагогики в том, что нынешняя социальная жизнь и образование потеряли философский и нравственный компонент. «Знание, изучаемое как самоцель, утрачивает прозрачность, позволяющую усмотреть предназначение знания, его цели, этическое, политическое и человеческое знание, а с христианской точки зрения – его Богом установленное предназначение» (Нипков К.Э.) [13, с. 62–63].

На современном этапе развития образования в России, можно констатировать, что очевидна победа секулярной и теоретической педагогики без элементов национального компонента и практических методов воспитания в учебных заведениях. Реформы образования проводятся по европейскому и американскому образцам. Как сфера постоянного социального заказа,

школа делает из педагогов статистов. Педагогика, долгое время сохранявшая личностный характер, к нашему времени уже полностью приняла парадигму позитивной науки: опытно изучив предмет, научишься обладать им. «Изучить что-либо», означает поставить опыт извне, рациональным, «объективным» (т. е. отстраненным) умом осмыслить устройство и связи, применимость предмета для тех или иных целей.

В современных условиях, когда меняются системы как экономической модели при переходе в посткапиталистическое общество, так и культурно-духовной, в условиях серьезного социокультурного кризиса, охватывающего различные сферы жизни общества, возникает насущная необходимость в выборе социокультурной модели образования. Для восстановления этнокультурного баланса в системе образования необходим возврат к практической педагогике с усвоением ценностных ориентиров: нация, Родина, долг, патриотизм и т. д., но воспитать такие постулаты без осмысления христианских ценностей, выработанных тысячелетием невозможно. Поэтому необходимо изыскивать методы внедрения в современное образование воспитательного духовно-нравственного компонента. Но никакой смены вектора развития не произойдет без понимания того, что это выбор не просто технологический или даже политический, а именно цивилизационный [14].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. IX Международная конференция «Зиновьевские чтения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=-ki8JnrOIY0>.
2. Гессен, С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию : учебное пособие для вузов / С. И. Гессен. – М. : Школа-Пресс, 1995. – С. 29.
3. Философский энциклопедический словарь. – М. : Инфра-М, 2002.
4. Клеменцова, Н. Н. Образование и культура: к определению понятия «образование» [Электронный ресурс] / Н. Н. Клеменцова. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/vestnik/articles-2013/227-236_%D0%9A%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf.
5. Почему образование рассматривается как часть культуры? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/8_17775_pochemu-obrazovanie-rassmatrivaetsya-kak-chast-kulturi.html.

6. Протоиерей Борис Пивоваров. Православная культура России : учебное пособие для учащихся старших классов школ, гимназий и лицеев / Б. Пивоваров. – Новосибирск, 2001. – 376 с.
7. Закон Божий / рец. протоиерей Максим Козлов. – М. : Ковчег, 2004.
8. Осипов, А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – 6-е изд., испр. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 496 с.
9. Митрополит Антоний Сурожский. Достичь своей высоты / А. Сурожский // Московский психотерапевтический журнал. – 2005. – Июль–сентябрь. – № 3 (46). – С. 5–9.
10. Священник Евгений Шестун. Православная педагогика : учебное пособие / Е. Шестун. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – С. 479.
11. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2 / К. Д. Ушинский. – М., 1954. – С. 245–247.
12. Рогозянский, А. Педагогика в зеркале современности / А. Рогозянский // Московской патриархии. – 2001. – № 1. – С. 63.
13. Нипков, К. Э. Ян Коменский сегодня. Цикл лекций / К. Э. Нипков. – СПб., 1995. – С. 62–63.
14. Цивилизационный выбор здесь и сейчас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/28/774013-tsivilizatsionnii-vibor>.

REFERENCES

1. IX *mezhdunarodnaya konferenciya «Zinov'evskie chteniya»* [IX international conference "Zinoviev readings"]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=-ki8JnrOIY0> (In Russian).
2. Hessen S.I. *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu* [The fundamentals of pedagogy. Introduction to applied philosophy]. М.: School Press, 1995, p. 29.
3. *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. М.: Infra-M, 2002.
4. Klementsova N.N. *Obrazovanie i kul'tura: k opredeleniyu ponyatiya «obrazovanie»* [Education and culture: to the definition of "education"]. Available at: http://pnu.edu.ru/media/vestnik/articles-2013/227-236_%D0%9A%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (In Russian).
5. *Pochemu obrazovanie rassmatrivaetsya kak chast' kul'tury?* [Why is education seen as part of culture?]. Available at: https://studopedia.ru/8_17775_pochemu-obrazovanie-rassmatrivaetsya-kak-chast-kulturi.html (In Russian).

6. Archpriest Boris Pivovarov. *Pravoslavnaya kul'tura Rossii: Uchebnoe posobie dlya uchashchihsya starshih klassov shkol, gimnazij i liceev* [Orthodox culture of Russia: a textbook for high school students, high schools and lyceums]. Novosibirsk, 2001. 376 p.
7. *Zakon Bozhij* [The law of God]. Reviewer, Archpriest Maxim Kozlov. M.: "Ark", 2004.
8. Osipov A.I. *Put' razuma v poiskah istiny* [the Way of reason in search of truth]. Moscow: Publishing house of Sretensky monastery, 2010. 496 p.
9. Metropolitan Anthony Of Sourozh. Reach your height. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal* = *Moscow psychotherapeutic journal* № 3 (46), July-September, Moscow, 2005, pp. 5-9. (In Russian).
10. The Priest Eugene Shestun. *Pravoslavnaya pedagogika* [Orthodox pedagogy]. M., 2001. P. 479.
11. Ushinskij K.D. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical works]. Vol.2. M., 1954, pp. 245-247.
12. Rogozyansky A.. Pedagogy in the mirror of modernity. *Zhurnal Moskovskoj patriarii* № 1 = *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2001, № 1, p. 63. (In Russian).
13. Nipkow K. E., *Yan Komenskij segodnya* [Jan Comenius today]. Series of lectures. SPb., 1995. P. 62-63.
14. *Civilizacionnyj vybor zdes' i sejchas* [Civilizational choice here and now]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/28/774013-tsivilizatsionnii-vibor> (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зуев В.А. Образование в процессе цивилизационного выбора / В.А. Зуев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 25–34.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zuev V.A. Education in the Process of Civilization Choice // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 25–34. (In Russian).

УДК-512.624.3

Чубатов Андрей Алексеевич

старший преподаватель кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Chubatov Andrei Alexeevich

Senior Lecturer of the Department of Mathematics, Physics and Methods of teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

**О ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ
СТРУКТУР (СИСТЕМ
И СОВОКУПНОСТЕЙ)
ПРЕДИКАТОВ И ИХ СВОЙСТВАХ**

**ABOUT TRANSFORMATIONS
OF STRUCTURES (SYSTEMS
AND UNIONS) PREDICATES
AND THEIR PROPERTIES**

Аннотация:

В статье рассмотрены преобразования структур (систем и совокупностей) соотношений (равенств или неравенств), которые могут пригодиться школьникам, студентам и учителям. Проводится параллель свойств этих преобразований (операций) с операциями над предикатами и множествами.

Ключевые слова:

структура, система уравнений, система неравенств, совокупность уравнений, совокупность неравенств, предикат.

Abstract:

The transformations of structures (systems and unions) of equalities or inequalities that can be useful for schoolchildren, students, and teachers are considered in the article. A parallel of the properties of these transformations (operations) with the operations on predicates and sets is drawn.

Keywords:

structure, equation system, inequality system, equation union, inequality union, predicate.

В школьном курсе математики при решении сложных неравенств (например, иррациональных или логарифмических) приходится решать задачи, сводящиеся к решению систем или совокупностей уравнений и неравенств. Рассмотрим систему, состоящую из уравнения и неравенства

$$\begin{cases} Eq_1(x) = 0 \\ N(x) \geq 0 \end{cases} \quad (1)$$

Если уравнение имеет несколько корней

$$Eq_1(x) = 0 \Leftrightarrow \begin{cases} x = a \\ x = b \end{cases}, \quad (2)$$

то система преобразуется в новую систему, содержащую в качестве элементов совокупность уравнений и неравенство.

$$\begin{cases} x = a \\ x = b \\ N(x) \geq 0 \end{cases} \quad (3)$$

Для решения системы (3) достаточно «просеять» корни уравнения через неравенство. В этом случае решение исходной системы примет вид

$$\begin{cases} \begin{cases} x = a \\ N(x) \geq 0 \end{cases} \\ \begin{cases} x = b \\ N(x) \geq 0 \end{cases} \end{cases} \quad (4)$$

Таким образом, система (3) и совокупность (4) равносильны (т. е. имеют одинаковое множество корней. Учитывая предположение (2), они также равносильны системе (1).

Возникает вопрос: как можно быстро преобразовывать такие системы?

Для начала определимся с терминологией.

Структуры предикатов

Для систем и совокупностей подберем общий термин – структура.

Опр. *Структура* – это суперпозиция систем и совокупностей, состоящих из элементов (уравнений, неравенств).

Структуры будем обозначать заглавными латинскими буквами.

Т. к. элементы системы или совокупности могут быть уравнениями или неравенствами, хотелось бы также использовать общий термин. Мы будем использовать термин *соотношение* или *предикат*.

Опр. *Предикат (одноместный предикат)* – это функция с множеством значений $\{0, 1\}$ (или {ложь, истина}), определённая на некотором множестве. Будем обозначать предикат строчной греческой буквой, например, $\alpha(x)$ или сокращенно α .

Уравнение или неравенство является частным случаем предиката, когда буквенное выражение соединено знаком отношения ($=, >, <, \geq, \leq, \neq$) с числом 0.

Решение уравнения или неравенства совпадает с *множеством истинности предиката* $I_\alpha(x) = \{x | \alpha(x) = 1\}$.

Отметим, что структура также является предикатом, только сложным (комбинированным), составленным из простых, которые являются уравнениями или неравенствами.

Структуры соотношений

В качестве примеров структур предикатов (соотношений) рассмотрим следующие

$$\left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta, \\ \gamma \end{array} \right. \quad (5)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta, \\ \gamma \end{array} \right. \quad (6)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta, \\ \gamma \end{array} \right. \quad (7)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta, \\ \gamma \end{array} \right. \quad (8)$$

$$\left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta \\ \gamma \\ \delta \\ \alpha \end{array} \right. \quad (9)$$

Рассмотрим простейшие отношения предикатов и структур.

Отношения структур (предикатов)

Отношение эквивалентности ($\sim$). Предикаты (структуры) называются *эквивалентными (равными)* $\alpha \sim \beta$, тогда и только тогда, когда их множества истинности равны $I_\alpha = I_\beta$, т. е. всякое решение структуры, описываемой предикатом $\alpha(x)$, является решением структуры, описываемой предикатом $\beta(x)$, и наоборот.

Отношения включения ($\subset, \subseteq$). Предикат (структура) α (строго) включает в себя предикат (структуру) β ($\alpha \supset \beta$) если $I_\alpha \supset I_\beta$, т. е. всякое решение структуры, описываемой предикатом $\beta(x)$, является решением структуры, описываемой предикатом $\alpha(x)$. В этом случае структура β является следствием структуры α .

Аналогична ситуация с нестрогим включением ($\subseteq$).

Предикат (структура) α нестрогим включает в себя предикат (структуру) β ($\alpha \supseteq \beta$), тогда и только тогда, когда $I_\alpha \supseteq I_\beta$, т. е. всякое решение структуры, описываемой предикатом $\beta(x)$, является решением структуры, описываемой предикатом $\alpha(x)$. Отношение $\alpha \subseteq \beta$ (как и отношение нестрогого неравенства $\leq$) означает, что либо $\alpha \subset \beta$, либо $\alpha \sim \beta$.

Выполнение отношений включения $\alpha \subseteq \beta$ и $\alpha \supseteq \beta$ равносильно эквивалентности (равенству) предикатов $\alpha \sim \beta$.

Система и совокупность

как операции над предикатами (соотношениями)

Если рассматривать систему уравнений или неравенств, то ее решением является некоторое множество (возможно пустое). В «терминах предикатов» система предикатов – это предикат, являющийся конъюнкцией (логическим умножением, операцией И) предикатов, а решение системы – это множество истинности предиката.

Так система предикатов на «языке структур» эквивалентна конъюнкции предикатов на «языке предикатов»

$$\begin{cases} \alpha(x) \\ \beta(x) \end{cases} \Leftrightarrow \alpha(x) \wedge \beta(x) \Leftrightarrow I_{\alpha \wedge \beta}$$

Аналогична ситуация с совокупностью предикатов: совокупность предикатов на «языке структур» эквивалентна дизъюнкции (логическому сложению, операции ИЛИ) предикатов на «языке предикатов».

$$\begin{bmatrix} \alpha(x) \\ \beta(x) \end{bmatrix} \Leftrightarrow \alpha(x) \vee \beta(x) \Leftrightarrow I_{\alpha \vee \beta}$$

Можно рассматривать объединение соотношений (предикатов) в систему или объединение в совокупность как операции. Эти операции будем считать бинарными и вместо префиксной нотации будем кратко

записывать («в строчку») объединение в систему и объединение в совокупность в инфиксной нотации следующим образом $\alpha\{\beta$ и $\alpha[\beta$.

Таким образом, операции объединение предикатов в систему или объединение в совокупность являются аналогами операций объединения в систему или объединения в совокупность на множестве соотношений.

Теперь перейдем к рассмотрению свойств этих операций.

Отметим, что операции $\{$ и $[$ являются *замкнутыми* на множестве соотношений (*предикатов*), т. к. результат операций конъюнкции, дизъюнкции и их комбинации (суперпозиция) над предикатами сам является предикатом.

Операции $\{$ и $[$ также являются идемпотентными: $\alpha\{\alpha = \alpha$ и $\alpha[\alpha = \alpha$

Ассоциативность и коммутативность

Структуры (6) и (8) содержат одинаковые «структурирующие операции» – объединения в систему и совокупность.

Соотношения соединяются в системы и обладают ассоциативным свойством

запись в префиксной нотации:

$$\left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta \\ \gamma \end{array} \right\} \Leftrightarrow \left\{ \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta \end{array} \right\} \right. \Leftrightarrow \left. \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \gamma \end{array} \right\} \right\}$$

запись в инфиксной нотации:

$$\alpha\{(\beta\{\gamma) = (\alpha\{\beta)\{\gamma = \alpha\{\beta\{\gamma.$$

Аналогичной ассоциативностью обладают совокупности

$$\left[\begin{array}{l} \alpha \\ \beta \\ \gamma \end{array} \right] \Leftrightarrow \left[\left[\begin{array}{l} \alpha \\ \beta \end{array} \right] \right. \Leftrightarrow \left. \left[\begin{array}{l} \alpha \\ \gamma \end{array} \right] \right]$$

$$\alpha[(\beta[\gamma) = (\alpha[\beta)[\gamma = \alpha[\beta[\gamma.$$

Свойство коммутативности операций $\{$ и $[$ следует из определений системы и совокупности: как пересечения и объединения множеств истинности предикатов либо как конъюнкция и дизъюнкция предикатов.

Т. е. операции $\{$ и $[$ образуют со множеством предикатов абелевы (коммутативные) полугруппы по каждой из операций.

Нейтральный элемент

Найдем нейтральные элементы по отношению к этим операциям и получим моноид – полугруппу с нейтральным элементом.

Нейтральным элементом (нулевым) по отношению к операции $\lceil$ является элемент-предикат (соотношение) тождественно ложный на всей области определения переменной x . Область истинности такого предиката эквивалентна пустому множеству

$$e_{\lceil} = \phi,$$

т. к.

$$\begin{aligned} \left[\begin{array}{l} \alpha \\ \phi \end{array} \right] &\Leftrightarrow \alpha, \\ \alpha \lceil \phi &= \alpha. \end{aligned}$$

Нейтральным элементом (единичным) по отношению к операции $\{$ является элемент-соотношение, область истинности которого эквивалентна (равна) универсуму – тождественно истинный на всей области определения переменной x предикат

$$e_{\{ } = U,$$

т. к.

$$\begin{aligned} \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ x \in U \end{array} \right\} &\Leftrightarrow \alpha, \\ \alpha \{ U &= \alpha. \end{aligned}$$

Т. е. операции $\lceil$ и $\{$ над множеством соотношений являются моноидами (полугруппами с нейтральными элементами), аналогично операциям $\cup$ и $\cap$ над множествами.

В силу невозможности определить «полноценные» (всегда и однозначно осуществляемые) операции вычитания и деления операции $\lceil$ и $\{$ не образуют групп, а являются моноидами.

Законы дистрибутивности

Для преобразования структур (5), (7), (9) нам понадобятся законы дистрибутивности.

Так структура (5)

$$\left\{ \left[\begin{array}{l} \alpha \\ \beta \\ \gamma \end{array} \right] \right\}$$

в «строчной» инфиксной записи примет вид

$$(\alpha \lceil \beta) \{ \gamma$$

Формально раскрыв скобки, получим 1-й закон дистрибутивности

$$(\alpha[\beta])\{\gamma\} \Leftrightarrow (\alpha\{\gamma\})[(\beta\{\gamma\})], \quad (10)$$

который в префиксной записи примет вид

$$\left[\begin{array}{c} \alpha \\ \beta \\ \gamma \end{array} \right] \Leftrightarrow \left[\begin{array}{c} \left\{ \begin{array}{c} \alpha \\ \gamma \end{array} \right\} \\ \beta \\ \left\{ \begin{array}{c} \beta \\ \gamma \end{array} \right\} \end{array} \right] \quad (11)$$

Верность 1-го закона дистрибутивности доказывается с помощью равенства предикатов

$$(\alpha \vee \beta) \wedge \gamma = (\alpha \wedge \gamma) \vee (\beta \wedge \gamma),$$

и их множеств истинности

$$I_{(\alpha \vee \beta) \wedge \gamma} = I_{(\alpha \wedge \gamma) \vee (\beta \wedge \gamma)},$$

Запишем структуру (7) в инфиксной нотации

$$\alpha[(\beta\{\gamma\})]$$

Формально раскрыв скобки, получим в инфиксной форме 2-й закон дистрибутивности (аналогичный 2-му закону дистрибутивности из теории множеств $\alpha \cup (\beta \cap \gamma) = (\alpha \cup \gamma) \cap (\beta \cup \gamma)$ или математической логики $\alpha \vee (\beta \wedge \gamma) = (\alpha \vee \gamma) \wedge (\beta \vee \gamma)$)

$$\alpha[(\beta\{\gamma\})] \Leftrightarrow (\alpha[\gamma])[(\beta[\gamma])], \quad (12)$$

который в префиксной записи примет вид

$$\left[\begin{array}{c} \alpha \\ \left\{ \begin{array}{c} \beta \\ \gamma \end{array} \right\} \end{array} \right] \Leftrightarrow \left[\begin{array}{c} \left[\begin{array}{c} \alpha \\ \gamma \end{array} \right] \\ \beta \\ \left[\begin{array}{c} \beta \\ \gamma \end{array} \right] \end{array} \right] \quad (13)$$

Отметим, что запись $\alpha[(\beta\{\gamma\})]$ более естественна и проста нежели $(\alpha[\gamma])[(\beta[\gamma])]$, т. о. 2-й закон дистрибутивности логичнее использовать в «обратном порядке» (в направлении «сворачивания» скобок)

$$\left[\begin{array}{c} \left[\begin{array}{c} \alpha \\ \gamma \end{array} \right] \\ \beta \\ \left[\begin{array}{c} \beta \\ \gamma \end{array} \right] \end{array} \right] \Leftrightarrow \left[\begin{array}{c} \alpha \\ \left\{ \begin{array}{c} \beta \\ \gamma \end{array} \right\} \end{array} \right] \quad (14)$$

В 1-м законе дистрибутивности наоборот: запись $(\alpha\{\gamma\})[(\beta\{\gamma\})]$ на «языке систем-совокупностей»

$$\left[\begin{array}{l} \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \gamma \end{array} \right\} \\ \left\{ \begin{array}{l} \beta \\ \gamma \end{array} \right\} \end{array} \right] \quad (15)$$

более понятна: она соответствует объединению пересечения решений соотношений.

Этот закон удобнее использовать в направлении «раскрытия скобок»

$$\left[\begin{array}{l} \alpha \\ \beta \\ \gamma \end{array} \right] \Leftrightarrow \left[\begin{array}{l} \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \gamma \end{array} \right\} \\ \left\{ \begin{array}{l} \beta \\ \gamma \end{array} \right\} \end{array} \right]$$

Рассмотрим в качестве обобщающего примера преобразование структуры (9)

$$\left[\begin{array}{l} \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \beta \end{array} \right\} \\ \gamma \\ \left\{ \begin{array}{l} \delta \\ \alpha \end{array} \right\} \end{array} \right]$$

Запишем структуру в инфиксной форме

$$(\alpha\{\beta\})\llbracket\gamma(\delta\{\alpha\}),$$

далее применим коммутативность

$$(\alpha\{\beta\})\llbracket\gamma(\delta\{\alpha\}) \Leftrightarrow ((\alpha\{\beta\})\llbracket(\alpha\{\delta\}))\llbracket\gamma,$$

воспользовавшись дистрибутивностью, получим

$$((\alpha\{\beta\})\llbracket(\alpha\{\delta\}))\llbracket\gamma \Leftrightarrow (\alpha\{(\beta\{\delta\})\})\llbracket\gamma,$$

что на «языке систем-совокупностей» примет вид

$$\left[\begin{array}{l} \left\{ \begin{array}{l} \alpha \\ \left[\begin{array}{l} \beta \\ \delta \end{array} \right] \end{array} \right\} \\ \gamma \end{array} \right]$$

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мордкович, А. Г. Алгебра и начала математического анализа. 11 класс (профильный уровень) : методическое пособие для учителя / А. Г. Мордкович. – М. : Мнемозина, 2010. – 191 с.

2. Ван дер Варден, Б. Л. Алгебра / Б. Л. Ван дер Варден. – М. : Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1979. – 623 с.
3. Курош, А. Г. Курс высшей алгебры / А. Г. Курош. – 9-е изд. – М. : Главная редакция физико-математической литературы, 1968. – 431 с.
4. Харин, Н. Н. Математическая логика и теория множеств / Н. Н. Харин. – М. : Росвузиздат, 1963. – 192 с.
5. Чёрч, А. Введение в математическую логику. Т. 1 / А. Чёрч ; пер. с англ. В. С. Черняевского ; под ред. В. А. Успенского. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 484 с.

REFERENCES

1. Mordkovich A.G. *Algebra i nachala matematicheskogo analiza. 11 klass (profil'nyj uroven')*: metodicheskoe posobie dlya uchitelya [Algebra and the basics of mathematical analysis]. M.: Mnemozina, 2010. 191 p.
2. Van der Varden B.L. *Algebra* [Algebra]. M.: Nauka, Glavnaya redakciya fiziko-matematicheskoy literatury, 1979. 623 p.
3. Kurosh A.G. *Kurs vysshej algebry* [The course of higher algebra]. M.: Glavnaya redakciya fiziko-matematicheskoy literatury, 1968. 431 p.
4. Harin N.N. *Matematicheskaya logika i teoriya mnozhestv* [Mathematical logic and the theory of sets]. M.: Rosvuzizdat, 1963. 192 p.
5. Chyorch A. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku* [Introduction to mathematical logic]. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1960. 484 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Чубатов А.А. О преобразованиях структур (систем и совокупностей) предикатов и их свойствах / А.А. Чубатов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 35–43.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Chubaton A.A. About Transformations of Structures (Systems and Unions) Predicates and Their Properties / A.A. Chubaton // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 35–43. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК-101.1:316

Билалов Мустафа Исаевич

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой онтологии
и теории познания ФГБОУ ВПО
«Дагестанский государственный
университет» (г. Махачкала)

Bilalov Moustapha Isayevich

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Head of the Department
of Ontology and the Theory
of Cognition, Dagestan State
University (Makhachkala)

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РАЗВИТИИ РЕГИОНА

THE ROLE OF PHILOSOPHY IN NATIONAL-STATE CONSTRUCTION AND DEVELOPMENT OF THE REGION

Аннотация:

Реальная история философии свидетельствует, что античные традиции практической, в частности, политической философии продолжают и получают дополнительный материал в пользу своей эффективности в современной научной литературе. Живым подтверждением перспективности практической философии предстает постмодернистский этап развития философии. В статье осуществлено осмысление роли философии в национально-государственном строительстве и развитии Дагестана в эпоху глобализации. Цель региональной практической философии – формирование методологии социокультурной и национальной стратегии в основных направлениях, средствах и сроках реализации управленческих

Abstract:

The real history of philosophy shows that the ancient traditions of practical, in particular, political philosophy are continued to receive additional material in favor of its effectiveness in modern scientific literature. Living proof of the prospects of practical philosophy appears as the postmodern phase of the development of philosophy. The article deals with the role of philosophy in the national-state construction and development of Dagestan in the era of globalization. The purpose of the regional practical philosophy is the formation of the methodology of socio-cultural and national strategy in the main directions, means and terms of implementation of management decisions by the leadership of Dagestan. Their

решений руководством Дагестана. Их практический результат - устойчивое развитие, определение экономических и экологических путей и механизмов развития в эпоху глобализации и конкретизация путей выхода из социокультурного кризиса Дагестана, его духовного возрождения.

practical result is sustainable development, determination of economic and ecological ways and mechanisms of development in the epoch of globalization and specification of ways of exit from the sociocultural crisis of Daghestan, his spiritual revival.

Ключевые слова:

практическая философия, идеология, гражданское общество, государство, социальная справедливость.

Keywords:

practical philosophy, ideology, civil society, state, social justice.

Проблематика статьи исходит из безусловного существования в разнообразных содержательных разветвлениях достаточно самостоятельной по специфике разновидности философии – практической философии. В этом уверены и многие историки философии, усмотревшие, в частности, в античных философских школах философию как образ жизни познающего мир субъекта. Как известно, французский комментатор и переводчик античной философии Пьер Адо считал, что речь мастера философии могла принять форму духовного упражнения в той мере, в какой ученик, слушая ее или участвуя в диалоге, духовно двигался вперед и менялся внутренне. Философия античности предстала как духовная и интеллектуальная практика. Эта позиция наиболее обстоятельного обоснования получает в учении Эпикура. Эпикур, говоря об удовольствиях и наслаждении как цели жизни человека, в качестве средства их достижения предлагает смысложизненную ценность – добродетель. Она же является и средством в отношении к удовольствию, и потому нужна разумная и мудрая организация этих средств и искусное подчинение их данной цели.

При этом Эпикур следует утверждению Сократа о тождестве знания с добродетелью. Вдобавок Эпикур усматривает в знании конкретное и осязаемое благо – удовольствие, поскольку и добродетель, и знание, и мудрость – все они, по мнению философа, потеряли бы смысложизненное значение для человека и для культуры, если бы перестали доставлять удовольствие. Можно

согласиться с тем, что главный фактор в понимании смысла жизни «состоял в представлении определенного образа жизни, политика просветленного идеями в случае Платона, созерцательного ученого природы в случае Аристотеля, мудреца, наслаждающегося покоем души в случае Эпикура» [1, с. 163].

Этика и политика, изначально вырабатывающие методические и управленческие рекомендации, всегда относились к практической философии. Аристотель делил науки на умозрительные (теоретические), практические и творческие (поэтические). Физика, математика и «первая философия» относились к теоретическим, умозрительным. Вопрос о соотношении теоретических наук и, прежде всего, физики и метафизики (первой философии) открывает пространство бытия, изучаемого в науках практических (этике, экономике и политике), поскольку в них осуществляется поведение и действие человека с целью достижения блага и прекрасного.

Однако кажущийся очевидным вывод античности о существовании практической философии ныне подвергается сомнению. Многие философы настаивают на дистанцировании философии от времени, от власти, от конъюнктурных соображений. Идеологические и политические заказы, по их мнению, чужды философской науке.

Есть в научной и философской литературе и другого рода соображения. Классифицируя философию по принципу предпочтения приоритетности объекта в системе субъект-объектных отношений, некоторые авторы делят ее на чистую, неполную, скрытую и условную философию [3]. Познавательный интерес философии могут представлять вся совокупность вещей, во-первых, существующих, во-вторых, непознанных и, в-третьих, находящихся в условиях невозможности познания опытным путем. Поскольку чистая философия имеет своим предметом строго соответствующие по своим признакам традиционные объекты философии – бытие, материю, сознание и т. п. Практическая философия может состыковаться с неполной философией, поскольку ее предметная область «вырастает» непосредственно «из сферы практической деятельности людей, сопряжена с ней и теснейшим образом связана», и таковой предстают «нравственно-правовые отношения и государственно-политическое устройство» [3, с. 44–45]. По мнению автора, неправомерно признание в качестве объектов чистой философии, таких вещей, как рынок,

техника, образование, культура, политика, т. е. реальность, которая создается человеком. Поскольку социальная реальность состоит не из вещей априорной формы, но апостериорной, их следует «рассматривать как явление познанное», а их философию как ложную [3, с. 79–80].

На наш взгляд, реальная история философии свидетельствует, что традиции практической, в частности, политической философии продолжают и получают дополнительный материал в пользу своей эффективности. Современные мыслители не утрачивают убежденности в необходимости и возможности прояснить текущие события, приобщить общественность к пониманию происходящего в публичной жизни, дееспособности традиции политического мышления. В этой связи поучительна работа по обоснованию публичной философии Уолтером Липманом, влиятельной политической фигурой времен американского президента Эйзенхауэра [9].

Живым подтверждением перспективности практической философии предстает постмодернистский этап развития философии. При всем его нигилистическом отношении к традиционным фундаментальным ценностям познания, необходимо признать вклад, в частности, в ту же политическую философию. Так, рассматривая проект политики Сильвена Лазарюса, отказывающегося от категорий «партия», «классы», «массы» и т. п., Ален Бадью подробно останавливается на месте в этом проекте принципа историцизма, понятия истины и др. [2]. Историцизм оказывается у Лазарюса внутренним принципом целой серии интеллектуальных диспозитивов – диалектики, сциентизма, общественного класса, времени. Историцизм (по мнению Лазарюса) – следствие сохранения категории «общество», понимаемого как гетерогенное множественное, но «порвать с историцизмом можно лишь следуя по пути мыслимости предписывающих сингулярностей, полагая реальное не как составную или сложную сущность, а как «некоторую неразличимость», и таким образом, придерживаясь гомогенных множественностей [2, с. 132].

Общественной мысли следует выработать цивилизационные ориентиры российского общества и дать адекватный прогноз его среднесрочных перспектив на основе философско-политологически аргументированных научных представлений. Те, кто не занимается философией и политологией профессионально, скептически могут отнестись к поставленной цели и вытекающих

из нее задач. Когда и где показали себя философия и политология как социальная экспертиза? Для нас представляется актуальным, существуют ли мировые или отечественные традиции прогностической эффективности философских наук, имеет ли практическая философия прецеденты на Северном Кавказе? По нашему мнению, эти вопросы имеют положительные ответы, и можно надеяться на развернутый и обоснованный ответ.

Особняком подобные вопросы встают для регионального обществознания. В своей работе хочется заострить их применительно к своему региону – как вопрос о роли философии в национально-государственном развитии Дагестана в силу ее значимости и неисследованности. При всей неуместности попыток превратить философию в тактическое оружие управления обществом, в своеобразный социальный менеджмент, она призвана заниматься стратегическими проблемами – должна обосновать цивилизационную перспективу Дагестана, плюсы и минусы его развития в эпоху глобализации, будущее его этносов и культуры.

На наш взгляд, авторитет практической философии как науки позволяет быть уверенным в ее способности противостоять социальным иллюзиям, которых хватает в нашем общественном сознании, начиная от обыденно примитивных, продолжая религиозными, националистическими и завершая доморощенными наукообразными и либерально-демократическими утопиями. Дагестанский сегмент отечественной философии, имеющий менее чем вековую историю, несомненно, предстает как особая интеллектуальная ценность национальной культуры. Его способность как социальной экспертизы имеет за своими плечами опыт десятилетних исследований – анализа движения Дагестана к социальной справедливости, его социальной структуре и национальных отношений, осмысления роли религии в обществе, о потенциале общественно-политической мысли и др. Сегодня в гуманитарной науке, очевидно, что Россия и ее регионы, в том числе Дагестан, не должны копировать Запад в своем движении к гражданскому обществу, им предстоит осознать, дополнить и выработать свой вариант базовых принципов, соответствующих ментальности, культуре, религии и экономическому укладу наших народов. «Мера свободы в любом обществе должна определяться уровнем знаний и духом данного народа» [8, с. 138].

При этом надо учесть, что регион Северного Кавказа находится в исторической динамике, ее обе альтернативные тенденции – этногенеза и нациогенеза непрерывны и неразрывны. Этносы и нации конкретно-историчны, их социокультурные признаки изменчивы. Этносы предстают основным источником становления и развития нации. Более того, в совершенствовании и эффективизации стратегии государственной национальной политики России на 2012-2025 гг. значима методология, основанная на единстве субъективного и объективного, идей примордиализма и инструментализма, формационного и цивилизационного подходов к истории, тенденции глобализации и ее альтернативы глокализации, социального конструктивизма [4].

Разумеется, и даже тогда, при всем учете всех этих методологических требований, нет уверенности в истинности этой стратегии, ее адекватности реальным общественным процессам. Здесь уместны размышления уже процитированного А. Бадью. «Нам известно, что подавляющее большинство политик не имеют ничего общего с истиной. Они организуют некую смесь могущества и мнения. Одушевляющая их субъективность является субъективностью протестных требований и злопамятности, трайбализма и лоббизма, электорального нигилизма и слепых столкновений между сообществами. Обо всем этом философии нечего сказать, так как философия мыслит только мысль» [2, с. 180]. Мы не утверждаем, что реализующая стратегию субъективность так сомнительна, как она описана в приведенной цитате, но вполне возможно, что применительно к вышеназванной государственной национальной политике, практическая философия и не проявила свою компетентность в полной мере.

Всевозможные цивилизационные, этноконфессиональные, культурные исследования зачастую могут быть отнесены к цивилизациологии или культурологии. Скажем, те же вопросы о цивилизационных ориентирах России и Дагестана опираются на материал социокультурной конкретики. Их практическая направленность осуществляется на стыке культурологии, нациологии, других междисциплинарных теоретических построений. Если даже мы исходим из некоторых устоявшихся в отечественном и региональном общественнознании обоснований принадлежности республики к евразийскому

социокультурному пространству, направленности его цивилизационного вектора на современное информационное общество гражданского типа, где гарантия философского уровня этих обоснований? Считая движение к современной постиндустриальной цивилизации и глобальному гражданскому обществу с региональными базовыми ценностями, а также единство народов Дагестана в составе Российской Федерации основными составляющими национальной идеи дагестанских народов, задачей гуманитарного познания считаем выработку на этой основе идеологии как теоретического обоснования реальной политики Дагестана в эпоху глобализации. При этом контуры цивилизационного ориентира России и Дагестана, определяемы на основе национальной идеи и общественной идеологии как системе определенных мировоззренческих и политических ценностей.

В целом ряде научно-практических форумов последних десятилетий в республике были осмыслены круг этих вопросов и определены основные векторы развития Дагестана. Перечислю некоторые из значимых конференций: Этнонациональные ценности в условиях глобализации. Махачкала, 2008; Исламская цивилизация и современный мир. Международная научно-практическая конференция (г. Махачкала, 13-24 октября 2011 г.); Региональные проблемы преобразования экономики: междисциплинарный подход к формированию механизма стимулирования развития. III Всероссийская научно-практическая конференция (23-24 октября 2012 г.). Махачкала; Что есть истина? Всероссийская научно-практическая конференция (г. Махачкала, 6-7 сентября 2013 г.); Общее и особенное в формировании гражданского общества на Северном Кавказе. Всероссийская научно-практическая конференция (г. Махачкала, 30 мая 2014 г.); Российский Кавказ. Международный политологический форум, Махачкала, 2014 г.; Проблемы российского самосознания: историческая память народа. 12-я Всероссийская конференция. Москва-Махачкала, апрель 2015 г. Всероссийская научная конференция «Философия и практика этнического многообразия и единства России», 2017 и др. Эти форумы специфичны своей нацеленностью на философское осмысление общественно-политических проблем.

Практическая философия может дать содержательную конкретизацию региональных базовых ценностей с позиций евразийской идеологии,

пониманию их как ресурса социальной динамики Дагестана. Прикаспийские страны – колыбель евразийской цивилизации. Сложная структурированность евразийского пространства предполагает разные по степени интенсивности смешения этнических и религиозных культур. Особым по насыщенности совокупным межнациональным ответом на вызовы истории, предстает Юг России – на этом «геополитическом пространстве от Черного до Каспийского моря веками формировалась уникальная культурная целостность, которая выступает «соединительным рубежом народов и цивилизаций, внутренним мостом евразийского мира» [5, с. 35]. При этом не лишне учесть и принять во внимание тенденции постмодерна в обществах, имеющих опыт модернизации как светского мусульманского государства.

Но говорить с точки зрения философии об этом общественном пространстве не так-то просто. Неизвестно, когда и в каких объективных границах оно было реальностью. И является ли эта реальность объектом философии. Вспомним вышеизложенное – возникают и другие вопросы, из-за которых, по мнению тех же постмодернистов, «требуется дать отвод таким «объективным» сущностям, как «общество» или «сложная целостность», и строго придерживаться дисциплины категорий (таких, как «исторический режим политики»), которые соотносятся только с субъективными сингулярностями...» [2, с. 132]. И если тому же евразийскому геополитическому пространству самая современная философия рекомендует дать отвод, как объективной сущности, заменить его неким «историческим режимом политики», очевидно, тем самым снижается градус философской состоятельности всех наших рассуждений.

Осмысление роли философии в национально-государственном строительстве и развитии Дагестана в эпоху глобализации должно иметь конечной целью формирование методологии социокультурной и национальной стратегии в основных направлениях, средствах и сроках реализации управленческих решений руководством Дагестана. Их практический результат – устойчивое развитие, определение экономических и экологических путей и механизмов развития в эпоху глобализации и конкретизация путей выхода из социокультурного кризиса Дагестана, его духовного возрождения. Нужна экономическая

политика развития общественного производства с мощным государственным сектором, в первую очередь, если иметь в виду Дагестан, в сельском хозяйстве, оборонной и легкой промышленности. Необходимо умелое сочетание элементов рыночной экономики с государственным управлением, нахождение оптимального соотношения между государственной, общественной и частной собственностью с учетом традиционного уклада жизни и умелого экологически эффективного хозяйствования в Дагестане. Без сильной экономики, основанной на производительном труде, нельзя обуздать коррупцию, решить политические и социальные вопросы, оздоровить духовную жизнь общества. Таковы специфические базовые подходы решения ключевой задачи современного этапа – достижения устойчивого развития и других регионов Юга России.

Философия и политология должны наметить стратегию разрешения проблемы социальной справедливости для выработки соответствующих конкретных механизмов в современном государственном управлении [7, с. 199–201]. Для Дагестана первостепенны в этом контексте рекомендации философии как средства гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Дагестане в эпоху глобализации [6, с. 19].

Такова по сути роль философии в национально-государственном строительстве и развитии России, ее Южного региона и Дагестана. Таковы наиболее содержательные вопросы этой роли, на базе которых могут формироваться национальная идея, общественная идеология и политика. «В истории есть такие разновидности политики, – писал А. Бадью, – которые имеют или будут иметь соотнесенность с истиной, с коллективной истиной как таковой. Это редкие, зачастую краткие попытки, но лишь при условии осуществления таких попыток философия может мыслить» [2, с. 180]. Хочется надеяться, что данная попытка – из числа подчеркнутых французским мыслителем и она отчасти содействует реализации практической философии, а наша статья хотя бы отчасти докажет ее основательность и состоятельность как значимого направления современного гуманитарного познания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адо, П. Философия как способ жить / П. Адо. – М. : Катарсис, 2004.
2. Бадью, А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / А. Бадью. – М. : Логос, 2005. – 240 с.

3. Белов, М. В. Философия философии (Самоопределение философии в акте рефлексивного мышления) / М. В. Белов. – Березники : Сфера, 2003. – 120 с.
4. Билалов, М. И. Этнокультурные императивы методологии теории нациогенеза / М. И. Билалов // Материалы всероссийской научной конференции «Философия и практика этнического многообразия и единства России» / под ред. М. И. Билалова. – Махачкала : ООО РА «Маг», 2017. – 584 с. – С. 40–49.
5. Горшков М. К. Формирование общероссийской идентичности: контекст Российского Кавказа / М. К. Горшков // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова, А.-Н. З. Дибирова. – М., 2015. – 600 с. – С. 27–37.
6. Исмаилов, Н. О. Глобализация в свете концепции справедливости / Н. О. Исмаилов // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 6. – С. 16–20.
7. Исмаилов, Н. О. Гражданское общество и государство в свете концепции справедливости / Н. О. Исмаилов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2014. – № 5. – С. 199–205.
8. Исмаилов, Н. О. Справедливость как мера свободы / Н. О. Исмаилов // Социология власти. – 2009. – № 7. – С. 136–144.
9. Липман Уолтер. Публичная философия / У. Липман. – М., 2004. – 160 с.

REFERENCES

1. Ado P. *Filosofiya kak sposob zhit* [Philosophy as a means to live]. М.: Katarsis. 2004.
2. Badyu A. *Meta/Politika: Mozhno li myslit politiku? Kratkiy traktat po metapolitike* [Meta/politics: Is it possible to think politics? A brief treatise on metapolitics]. М.: Logos, 2005. 240 p.
3. Belov M.V. *Filosofiya filosofii (Samoopredeleniye filosofii v akte refleksivnogo mysledeystviya)* [The philosophy of philosophy]. Berezники: Dizayn-studiya «Sfera», 2003. 120 p.
4. Bilalov M.I. Ethno-cultural imperatives of the methodology of the theory of nation genesis. *Filosofiya i praktika etnicheskogo mnogoobraziya i edinstva Rossii = The Philosophy and Practice of ethnic multiplicity and unity of Russia*, Makhachkala: ООО РА «Mag», 2017, pp. 40-49. (In Russian).
5. Gorshkov M.K. *Formirovaniye obshcherossiyskoy identichnosti: kontekst Rossiyskogo Kavkaza* [The formation of all-Russian identity: the context of Russian Caucasus]. 2015, 600, pp. 27-37.
6. Ismailov N.O. Globalizatsiya v svete kontseptsii spravedlivosti. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2015, no.6, pp. 16-20. (In Russian).

7. Ismailov N.O. Grazhdanskoye obshchestvo i gosudarstvo v svete kontseptsii spravvedlivosti. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* = The Bulletin of Dagestan State University, Series 3: Obshchestvennyye nauki, 2014, no. 5, pp. 199-205. (In Russian).

8. Ismailov N.O. Spravedlivost kak mera svobody. *Sotsiologiya vlasti* = The Sociology of Power, 2009, no. 7, pp. 136-144. (In Russian).

9. Lipman Uolter. *Publichnaya filosofiya* [The public philosophy]. M., 2004. 160 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Билалов М.И. Роль философии в национально-государственном строительстве и развитии региона / М.И. Билалов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 44–54.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bilalov M.I. The Role of Philosophy in National-state Construction and Development of the Region // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 44–54. (In Russian).

УДК-101.1:316

Исмаилов Нурмагомед Омарович
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, права
и социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет»
(г. Армавир)

Ismailov Nurmagomed Omarovich
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Department of
Philosophy, Law and Social
Humanitarian Sciences, Armavir
State Philosophical University
(Armavir)

**К ВОПРОСУ О РОЛИ
ФИЛОСОФИИ
В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**TO THE QUESTION OF THE
ROLE OF PHILOSOPHY
IN IMPROVING THE SYSTEM
OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION**

Аннотация:

В статье рассматриваются методологические вопросы и роль философии в системе высшего профессионального образования в современном обществе. Подчеркивается роль философии в подготовке специалистов, в формировании всесторонне развитой личности. Утверждается, что в результате обучения специальностей можно получить несколько, а высшее образование только одно, поскольку высшее образование предполагает высокий уровень духовности и личностного развития.

Ключевые слова:

высшее профессиональное образование, философия, личность, духовность, гармоничное развитие, общество.

Abstract:

The article deals with methodological issues and the role of philosophy in the system of higher professional education in modern society. The role of philosophy in the training of specialists in the formation of a fully developed personality is emphasized. It is claimed that as a result of training several qualifications can be obtained, whereas higher education is only one, because higher education involves a high level of spirituality and personal development.

Keywords:

higher professional education, philosophy, personality, spirituality, harmonious development, society.

В данной статье мы задались целью исследовать некоторые методологические вопросы совершенствования системы высшего профессионального образования в современном российском обществе, не претендуя на исчерпывающий анализ всех аспектов данной проблемы. Сразу отметим, что здесь речь идет не об официально признанном обозначении системы современного вузовского образования по принципу бакалавриата и магистратуры, а о фактическом высшем профессиональном образовании по своей сущности, которое имеет место в современной России.

Можно не сомневаться, что в современном обществе многие люди чрезвычайно утилитарны в своем подходе к духовной культуре, её роли и назначению, её возможном использовании. Такая утилитарность, прежде всего, проявляется в их воззрениях на роль современного научного знания в жизнедеятельности общества.

Заметим, что сложившаяся в современном обществе система высшего профессионального образования рассчитана главным образом на подготовку специалистов-экспертов в какой-либо области. Все чаще звучат утверждения, что современное общество – это общество профессионалов, экспертов, узких специалистов, и чтобы выжить в этом обществе, необходимы специальные знания, которые должны этому способствовать. Руководители многих организаций заявляют о необходимости для них успешных и просто эффективных менеджеров, а не специалистов-управленцев, отличающихся высоконравственными характеристиками, людей с высоким уровнем личностного развития в различных отношениях. Часто многих руководителей не интересуют мировоззренческие ориентации специалистов, их система ценностей, их действительное отношение и внимание к людям.

Ситуация на рынке труда настолько изменилась, что в настоящее время для многих работодателей гораздо важнее определенные компетенции, чем наличие диплома о высшем образовании в какой-либо области деятельности. На уровне обыденного сознания существует ошибочное мнение, что поступление в вузы теряет смысл, поскольку «нужные компетенции можно приобрести значительно быстрее и эффективнее вне системы формального образования». И это становится вызовом для вузов, для всей системы высшего профессионального образования [8]. Можно с сожалением

отметить, что «недавно популярный российский интернет-ресурс по поиску работы Superjob.ru вообще отказался от обязательной строки с указанием образования при размещении вакансий. Это говорит о том, что работодателям все равно, какое у вас образование. Им интересно, какие у вас компетенции» [8].

В общественном мнении современного общества формируются устойчивые убеждения, что у экономических и политических элит многих стран мира отсутствуют цели, понимаемые не как служение интересам транснациональных корпораций, а как свои собственные, направленные на выражение национальных интересов и ценностей. В этой связи представляется, что система современного образования направлена на подготовку кадров для реализации указанной цели. То есть эти кадры, эффективные менеджеры, должны способствовать преумножению богатства экономически господствующего класса. А каким образом эти кадры будут воздействовать на персонал, с целью развития нравственно-личностных качеств работников глобальную экономическую элиту не интересует.

Вышеизложенные факторы способствуют также и появлению нынешних глобальных проблем, решение которых представляется все более затруднительным. Но человечеству, как полагает К.Р. Баянов, необходимы поиски все более новых путей в выявлении причинных связей и прогнозировании природных, социальных и культурных процессов. Он считает, что в современном глобализирующемся мире лидерами мирового эволюционного процесса станут не те, в чьем распоряжении находятся самые крупные финансовые возможности, а те, кто будет обладать новыми фундаментальными знаниями. А потому важнейшей задачей для современного общества является умение предвидеть будущее фундаментальной науки [2; 3].

В связи со сложившейся ныне в стране ситуацией по поводу востребованности специалистов определенной направленности студенты вузов все чаще подвергают сомнению необходимость изучения философии и других гуманитарных дисциплин, направленных на повышение общекультурного уровня специалистов различного профиля.

На наш взгляд, провозглашенная в современном обществе необходимость гуманизации знаний не находит своего реального воплощения

в системе высшего профессионального образования. Система современного высшего образования направлена преимущественно на выполнение информационной функции. В результате сложившейся системы образования современный специалист становится всё более прагматичным, расчетливым, но менее нравственным и неспособным оценить прекрасное и получить эстетическое удовольствие. Многие явления общественной жизни он рассматривает, прежде всего, сквозь призму возможной материальной выгоды.

Однако в человеке заложена потребность в гармоничном развитии, предполагающее единство интеллектуальной и эмоциональной сторон, а имеющее ныне место развитие специалиста становится односторонним, вследствие которого у него может возникнуть склонность к психической неуравновешенности, моральному и эстетическому убожеству, в результате чего человек становится все более неуравновешенным и агрессивным. Он не формируется как цельная личность [1].

Целью образования должно стать гармоничное развитие личности в единстве рациональной и эмоциональной сторон познания, а в том случае, когда образование сводят, в основном, к повышению интеллектуального уровня и к чистой утилитарности, наука становится все более агрессивной и все больше порождает различные глобальные проблемы. Современное общество не должно пугать развитие науки самой по себе, а развитие науки без развития человека в отношении духовности.

Можно не сомневаться, что решение ныне существующих глобальных проблем современности во многом зависит и от того, какой тип человека мы воспитаем, каким окажется не только его интеллектуальный, но и общий духовный уровень. Данная задача должна быть главной для всей системы непрерывного образования. Задача реализации личностного потенциала и развития способностей, задача развития интеллектуальной и эмоциональной сторон восприятия мира должна решаться всей системой непрерывного образования уже в детском возрасте и для всех категорий детей [7, с. 241]. Задача всестороннего развития личности является также одной из основных стратегии устойчивого развития современного общества.

В результате обучения специальностей можно получить несколько, а высшее образование только одно, поскольку высшее образование предполагает знание философии, культурологии и других гуманитарных дисциплин, высокую духовность и разностороннее развитие личности. Высшее образование, высокий личностный уровень человека предполагают, например, освоение им этики, эстетики, искусства, поэзии, освоение им мировой культуры, выработанной человечеством, предполагают в определенных ситуациях любовь и сострадание к людям, взаимопомощь и чувство благодарности. Конечно, можно подготовить специалиста высокого уровня и без вышеизложенных дисциплин, но из него с определенной долей вероятности может получиться человек, лишенный милосердия и сострадания к людям, равнодушный к людским бедам, своего рода робот. Этот специалист-робот, предположим в области ядерной физики или микробиологии, может в будущем направить свои знания не на благо людей, а на их покорение и власть над ними, даже на их уничтожение.

Человек без нравственности, без духовности – грубое и бесчувственное животное. Сущность человека, помимо всего прочего, определяется и достигнутым уровнем культуры, определенным уровнем духовности [5, с. 30]. Известный российский философ М.И. Билалов считает, что именно культура как система ценностей образует реальность, с которой и должна согласовываться наша цивилизационная перспектива [4, с. 238].

Прежде чем специалист, получивший высшее образование, начнет работать в какой-либо области, и особенно в той, где от его деятельности зависят судьбы и жизни людей, он должен определиться в своих ценностных ориентациях. А помогает человеку в этом философия, которая в отношении частных наук и различных видов человеческой деятельности выполняет мировоззренческую, методологическую, аксиологическую и иные функции. Именно философия, выполняя свою методологическую функцию, указывает на место, роль и задачи не только высшего, но и всей системы непрерывного образования в жизни человека и общества. К примеру, как следует из диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности всех сфер общественной жизни, прежде чем ставить определенные задачи в сфере образования, необходимо учитывать уровень

экономического развития общества, его материальные возможности, а также уровень развития остальных сфер жизнедеятельности общества. «Любая социальная проблема должна рассматриваться и решаться в единстве различных аспектов» [6, с. 524].

Исследуя и обобщая достижения частных наук, а также различные виды человеческой деятельности, философия выявляет всеобщие закономерности развития природы, общества и мышления, которые, в свою очередь, должны являться методологией для представителей частных наук и различных видов деятельности человека.

Философия – это не только понимание природы вещей, но и высшая степень духовной свободы, которая возможна лишь при постижении основных законов бытия и высших жизненных ценностей. Поэтому именно в философии человечество может обнаружить для себя то знание, которое способно помочь ему жить разумно, нравственно и справедливо.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенным рассуждениям, можно сделать вывод, что специализация должна быть необходимым моментом учебного и воспитательного процесса в системе высшего профессионального образования, но моментом подчиненным задаче формирования в человеке высокой духовности, задаче формирования всесторонне развитой личности. Эта высокоразвитая в различных отношениях личность в своей дальнейшей деятельности может поднять общество на более высокий уровень.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И. Н. Андреева. – Новополюцк : ПГУ, 2011. – 388 с.
2. Баянов, К. Р. Философия образования: становление и современный процесс / К. Р. Баянов // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции : сборник статей / отв. ред. С. А. Логинов. – М., 2016. – С. 95–102.
3. Баянов, К. Р. Целевые основания прогнозирования социокультурных констелляций / К. Р. Баянов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2010. – № 1. – С. 39–42.

4. Билалов, М. И. Символическая модель толкования истины в поиске перспектив российской демократии / М. И. Билалов // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2013. – № 5. – С. 237–241.

5. Исмаилов, Н. О. Взаимосвязь права и нравственности в контексте справедливости / Н. О. Исмаилов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2014. – № 1. – С. 28–34.

6. Исмаилов, Н. О. Этика дискурса Хабермаса в контексте справедливости / Н. О. Исмаилов // Право и политика. – 2014, № 4. – С. 521–528.

7. Исмаилова, И. С. Специфические особенности развития связной речи у младших школьников с комплексными нарушениями зрения и интеллекта / И. С. Исмаилова // Приволжский научный журнал. – 2013. – № 4 (28). – С. 239–243.

8. Почему поступление в вузы теряет смысл? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: gazetaby.com 6.02.2019.

9. Rawls, J. *Political Liberalism* / J. Rawls. – New-York : Columbia University Press, 1993.

10. *Social justice and distribution*. – New-York, 1978.

REFERENCES

1. Andreyeva I. N. *Emotsionalnyy intellekt kak fenomen sovremennoy psikhologii* [Emotional intellect as a phenomenon of modern psychology]. Novopolotsk: PGU, 2011. 388 p.

2. Bayanov K.R. *Filosofiya obrazovaniya: stanovleniye i sovremennyy protsess. Materialnaya i dukhovnaya kultura narodov Urala i Povolzhia: istoriya i sovremennost = Material and Spiritual Culture of the Peoples of the Ural-Volga Region: History and Modernity*, 2016, pp. 95-102. (In Russian).

3. Bayanov K. R. Tselevyye osnovaniya prognozirovaniya sotsiokulturnykh konstellyatsiy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = The Bulletin of Moscow State Regional University, Series: Philoophical Sciences*, 2010, no. 1, pp. 39-42. (In Russian).

4. Bilalov M. I. Simvolicheskaya model tolkovaniya istiny v poiske perspektiv rossiyskoy demokratii. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Dagestan State University, Series: Social Sciences*, 2013, no. 5, pp. 237-241. (In Russian).

5. Ismailov N. O. Vzaimosvyaz prava i npravstvennosti v kontekste spravedlivosti. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bulletin of Adyghe State University*, 2014, no. 1, pp. 28-34. (In Russian).

6. Ismailov N. O. The ethics of Habermas's discourse in the context of justice. *Pravo i politika = Law and Politics*, M., 2014, no. 4, pp. 521-528. (In Russian).

7. Ismailova I. S. Spetsificheskiye osobennosti razvitiya svyaznoy rechiu mladshikh shkolnikov s kompleksnymi narusheniyami zreniya i intellekta. *Privolzhskiy nauchnyy zhurnal = Volga Region Science Journal*, 2013, no. 4 (28), pp. 239-243. (In Russian).

8. *Pochemu postupleniye v vuzy teryayet smysl?* [Why is enrollment in universities losing meaning]. Available at: gazetaby.com. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Исмаилов Н.О. К вопросу о роли философии в совершенствовании системы высшего профессионального образования / Н.О. Исмаилов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 55–62.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ismailov N.O. To the Question of the Role of Philosophy in Improving the System of Higher Professional Education // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 55–62. (In Russian).

УДК-101.1:316

Котлярова Виктория Валентиновна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социально-
гуманитарных дисциплин Института
сферы обслуживания и
предпринимательства (филиала)
Донского государственного
технического университета в городе
Шахты (г. Шахты)

Руденко Андрей Михайлович

заведующий кафедрой социально-
гуманитарных дисциплин Института
сферы обслуживания и
предпринимательства (филиала)
Донского государственного
технического университета в городе
Шахты, доктор философских наук,
доцент (г. Шахты)

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОЦЕССА АКСИОЛОГИЗАЦИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация:

В статье авторами рассматриваются процессы проникновения ценностных представлений в научное знание или процессы аксиологизации. Постнеклассическая наука является ценностно-релевантной, а ее аксиологизация актуализирует мировоззренческий потенциал аксиоцентризма в современной научной картине мира. Важнейшей характеристикой аксиологизации постнеклассической науки стала существенная ценностная трансформация представлений о месте и роли субъекта

Kotlyarova Viktoria Valentinovna

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor
of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
the Institute of Services Industry
and Business (branch), Don State
Technical University in Shakhty
(Shakhty)

Rudenko Andrey Mikhaylovich

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Head
of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
the Institute of Services Industry
and Business (branch), Don State
Technical University in Shakhty
(Shakhty)

CHARACTERISTICS OF THE PROCESS OF AXIOLOGIZATION OF POST-NONCLASSICAL SCIENCE

Abstract:

The article discusses the processes of penetration of value ideas into scientific knowledge or axiologization processes. Post-nonclassical science is value-relevant, and its axiologization actualizes the worldview potential of axiocentrism in the modern scientific picture of the world. The essential value transformation of ideas about the place and role of the subject in the cognitive process has become the most important characteristic of the axiologization of post-nonclassical science. The axiologization of modern science is carried out

в познавательном процессе.

Аксиологизация современной науки протекает в двух направлениях: наука заимствует ценности и наука предлагает социуму новые ценности. В современной науке процесс ее аксиологизации представлен не только одним из составляющих научной теории и принципов ее построения, но и выступает как критерий научности. Авторы делают вывод о том, что научное познание больше не может мыслиться вне духовности, нравственных и других ценностных измерений.

in two directions: science borrows values and science offers new values to society. In modern science, the process of its axiologization is represented not only by one of the components of the scientific theory and the principles of its construction but it also acts as a criterion of science. The authors conclude that scientific knowledge can no longer be conceived beyond spirituality, moral and other value dimensions.

Ключевые слова:

постнеклассическая наука, ценности, аксиологизация, научное познание.

Keywords:

post-nonclassical science, values, axiologization, scientific knowledge.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что современный период развития науки по-новому поставил вопрос о роли ценностей в научной деятельности. Введение гуманистически-ценностных и морально-этических компонентов в исследования оснований науки стало большим достижением в формировании мировоззрения человека XXI века. Не случайно проблемное поле современной философии науки определяется не только вопросами изменения статуса и в целом места науки в области современной культуры, но и вопросами аксиологизации науки. Это обусловлено множеством факторов, из которых два являются самыми значимыми.

Во-первых, глобальные проблемы человечества, способы их решения, а также дальнейший прогресс цивилизации связан в самосознании современной эпохи с развитием науки. Ценности и их понимание связано с понятиями сущего и должного, а, следовательно, с важностью тех или иных факторов для человека, общества, культуры. Именно развитие науки неизбежно повлияло на изменение иерархии ценностей в культуре, на их эволюцию и трансформацию. Одним из последствий таких трансформаций является глобальные проблемы человечества – экологические, экономические, духовные, нравственные и др.

Во-вторых, наиболее характерным признаком нового идеала постнеклассической научности становится включение человеческого измерения в структуру знания. И в современный период развития науки не учитывать антропологический и социокультурный, в том числе аксиологический аспект функционирования науки и ее дальнейшего развития становится невозможным. Научная деятельность в постнеклассический период глубоко вплетена в структуру социума, любое научное исследование, независимо от первоначальных целей и мотивов, сказывается на жизни общества.

В данной статье авторы рассматривают сущность процесса аксиологизации постнеклассической науки, под которым понимается «процесс проникновения субъективных элементов (моральных, этических, эстетических представлений и др.) в совокупность объективного знания о природе, технических и социокультурных системах» [4, с. 287].

О важности процесса аксиологизации науки свидетельствуют многочисленные обращения к данной проблеме отечественных и зарубежных ученых. Систематизацию ценностей и социальных норм науки разрабатывал Р. Мертон, понимая под этосом науки совокупность норм и ценностей, воспроизводимых в науке и принимаемых субъектами научной деятельности. Риторический вопрос «Свободна ли наука от ценностей?» послужил названием известной работы Х. Лэйси. Попытки совмещения принципов автономии науки и ее нравственной ответственности представлен в работах Э. Агацци. Анализу существования ценностей в науке посвящены ряд работ Х. Дуглас, в которых выявлены четыре вида ценностей (эпистемические, когнитивные, социальные и моральные), действующие в науке [10]. В рамках феминистской эпистемологии проблему ценностей познающего субъекта рассматривают Х. Лонгино, К. Ринник и другие [12]. Исследованию влияния неэпистемологических ценностей на оценку доказательств в науке посвящена работа У. Паркера и Э. Винсберг [11].

Отечественная философия науки также уделяет большое внимание аксиологическому анализу науки. Весомый вклад в обозначенную проблему внесли В.С. Стёпин, В.Н. Порус и Л.П. Киященко, выделяющие ценностные установки постнеклассической рациональности [8]. Фундаментальные научные исследования специфики современной эпистемологии ценностей

представлены в трудах Л.А. Микешиной [6]. Появляется ряд работ, выполненных на стыке аксиологии и философии науки, в которых предпринимается попытка объединить ценностные подходы и ведущие методологические интенции философии науки [3].

Еще недавно проблемы аксиологизации науки возникали лишь в исключительных ситуациях и касались отдельных отраслей научного знания. Сегодня исследователи отмечают, что в нынешних своих масштабах и формах научно-технический прогресс непрерывно генерирует новые и новые проблемы ценностного характера. Искать же оптимальные формы их решения приходится не время от времени, а постоянно. Связь между ценностями и наукой становится не только возможной, но и вполне реальной.

Вопрос о добре и зле, смысле жизни и предназначении человека, то есть вопросы, которые составляют суть и содержание ценностных аспектов человеческого бытия и бытия культуры, вообще не находятся вне сферы компетенций гуманитарных наук. Однако ученый, создавая конкретный продукт – научное знание, производит в форме этого продукта определенный тип связи между людьми. Его работа в любом случае имеет общественный характер. И в этом отношении наука и культура ценностно детерминируют друг друга. Общество дает заказ на научное открытие в соответствии со своими потребностями, для достижения ценностно важных для него целей, а наука выполняет этот заказ, давая возможность двигаться обществу в том направлении, в котором оно желает. Или же наоборот – наука сама генерирует новый продукт (открытие, изобретение, теорию) и предлагает его обществу, а оно находит, или не находит применения для этого предложения. Но вместе с результатом своей деятельности, наука предлагает социуму не что иное, как новые ценности и новые потребности, а социум решает – принять их или не принять.

Современная наука выполняет роль своеобразной пресуппозиции всей совокупности культурных практик, и как таковая детерминирует важные характеристики во всех сферах человеческой жизнедеятельности и «возрастание интереса к изучению познания и знания в аспекте культуры можно рассматривать в качестве одной из особенностей современной эпистемологии и философии науки» [1, с. 173]. Эффект научной рациональности

простирается далеко за пределы собственно науки и охватывает все, что происходит в обществе: социальные отношения, все важнейшие институты общественной жизни и систему ценностей. Очевидно, что постнеклассическая наука является ценностно-релевантной, а ее аксиологизация актуализирует мировоззренческий потенциал аксиоцентризма в современной научной картине мира.

Аксиологизация науки обуславливает формирование в определенном смысле «научообразной» культуры. Ассимилируя формы бытия культуры, наука как бы «возвышается над собой». Вследствие роста её масштабности, наука, как вид деятельности, приобретает все более сознательный характер. Конституируется качественно новый феномен научно-технической цивилизации, специфическое интеллектуально-духовное «пространство», объединяющее ценностный потенциал науки и научных знаний, распространяющихся за ее пределы.

В современной науке процесс ее аксиологизации представлен не только одним из составляющих научной теории и принципов ее построения, но и выступает как критерий научности, поскольку субъект больше не элиминируется из системы эвристического постижения действительности. Важнейшей характеристикой аксиологизации постнеклассической науки стала существенная ценностная трансформация представлений о месте и роли субъекта в познавательном процессе. Этот процесс начался еще во времена становления новоевропейской науки. Классическая наука базировалась на идеале объективного знания, она выходила с несомненной возможности для ученых познать саму сущность бытия. Поэтому принципиальным считалось максимальное отстранение от процесса познания и, тем более, от его результатов субъективных факторов, которые рассматривались лишь как помеха на пути открытия объективной истины. Но уже в XVIII веке в размышлениях многих философов возникло сомнение в осуществимости этой цели. О невозможности полной отстраненности от влияния субъекта на результаты научного познания размышляли в своих работах Дж. Беркли, Д. Юм, позже – И. Кант. И только в конце XX века эти размышления получили эмпирическое и логическое подтверждение. Исследователями обозначенной проблемы был

сделан вывод о необходимости учета роли и влияния субъекта на результаты научного познания.

Автор концепта «постнеклассическая наука» В.С. Степин считает, что определяющим отличием постнеклассического типа рациональности является необходимость учитывать ценностные ориентации субъекта [8, с. 23]. В современной науке признается, что человек является неотъемлемой частью той реальности, которая познается, и отделение исследователя от объекта исследования невозможно – это лишь некая абстракция. При этом духовно-ценностное измерение познавательного процесса выступает как процесс экспликации присущих объектам внешнего мира антропоморфных качеств, которые являются соизмеримыми с качествами человеческого жизненного мира [3, с. 27]. Данная ситуация выступает прямой антитезой устаревшего идеала «незаинтересованного субъекта» и «чистого» объективного содержания знания, в котором для мира человека не осталось места. Объективное объяснение и описание с учетом «человекомерности» («человекоразмерности» [7, с. 5]) объектов не только допускает, но и обязывает включать аксиологические аспекты в научное знание.

Такой «познавательный антропоцентризм» становится основой для аксиологизации знания исходя из некоторого субъективного ценностного предпочтения. А поскольку человек рассматривается как целостность, обладающая определенной системой ценностей, то игнорировать аксиологический компонент в познании – означает отвергать определенные элементы целостной системы [2, с. 10]. Формирование картины мира ученого не происходит вследствие определенных объективных причин, а является следствием его сознательного выбора. Частично этот выбор детерминирован очевидностью концептуальных аксиом, которые составляют фундамент научного мировоззрения, но ученый сам для себя определяет эту очевидность, руководствуясь при этом собственными, личностными мотивами и ценностями.

Исследуя аксиологические предпосылки процесса познания, с этой точки зрения, следует различать понятия «объектная детерминация» и «субъектная детерминация» [5, с. 170–171]. При этом субъектная детерминация представлена комплексом социокультурных основ деятельности, косвенно влияющих на процесс научного познания. Это означает, что решение

сложных исследовательских задач предполагает не только использование совершенно новых методов, но и инновационных стратегий научных изысканий, учитывающих роль ценностного фактора в научном познании – «эпистемология уже не может не включать в сферу своих интересов этическое и аксиологическое измерение» [9, с. 98]. Следовательно, работа ученого, направленная на получение и оценку результата познавательной деятельности, внутренне обусловлена определенными ценностно-культурными установками, социокультурными нормами и правилами, стереотипами мировоззрения, формируя аксиологический аспект трансформации науки, обусловленный возможностью ценностного оправдания науки на основе общих для всего человечества норм и ценностей.

Цели науки и цели познания сегодня разные. Они имеют разную ценностную мотивацию. Познание может быть вполне искренним (хотя и предполагает полезность его результатов), наука – нет. Но человек, конечно, живет в обществе. Обществу же для реализации своих целей, управления сознанием масс и создание необходимой ему идеологии нужны не только «истины», но и авторитет. С помощью средств массовой информации, Интернет и информационных технологий, PR, рекламы и т. п. транслируется не просто информация, а определенная система ценностей. Если бы не авторитет науки, на которые ссылаются для придания информации убедительности и весомости средства массовой информации, эта трансляция не имела бы успеха.

Современный образ науки потерял целостность и монолитность. Науку рассматривают как постоянно развивающуюся систему. Для современной эпистемологической ситуации характерным является отказ от признания единых, универсальных методов для всех наук: допускают самые разные объяснения и интерпретации реальности. Опережая другие формы творчества, виды деятельности, масштабно и интенсивно использующие научные знания, наука в настоящее время уже не просто предлагает свои достижения – она определяет их перспективы. Этот аксиологический аспект трансформации науки связан с практическими ориентациями науки на рыночную экономику, процессы технологизации и развитие технауки.

И если до недавнего времени наука способна была удовлетворять потребности производства, лишь значительно его опережая, то сегодня вообще

качественно новые виды производства являются порождениями науки. Благодаря практическому использованию новых научных знаний в XXI веке высокими темпами развивается технико-технологический прогресс. Общество постепенно интегрировалось на новой основе, сравнительно с предыдущими эпохами, демонстрируя черты активного «потребителя» научного знания. Под их влиянием революционизировались производительные силы, орудия и предметы труда, техника и технология. Качественно новые требования выдвигались и к человеку – быть на более высоком образовательном, духовно-культурном уровне. В итоге наукоемкость превратилась в одну из определяющих черт материального производства. Без активного использования научных знаний его дальнейший прогресс был невозможен. Своевременное овладение исчерпывающей информацией, основательными научными знаниями постепенно стало залогом успеха не только в материальном производстве, а и в любой другой сфере, условием выхода из кризисной ситуации. Например, ценностное осмысление последствий экологических катастроф инициировало поиск и интерпретацию данных проблем не только в области естествознания, но и в гуманитаристике.

В первой четверти XXI века актуальным совершенно неожиданно оказалось уже не столько доказывание наличия аксиологизации науки, не столько подтверждение факта интегрированности научного познания с ценностями и не апология множественности и антифундаментализма в противовес классическому монизму. Напротив, в развитии современной науки фиксируется стремление к обратному процессу, так как наблюдаемая чрезмерная редукция научного знания к ценностной и субъективной составляющей может привести к изменению самой науки. И аксиологизация науки способствует изменению принципов понимания самого процесса научного познания, а потому и базовых эпистемологических принципов. Отрицание субъективности, такой, как ее понимала классическая наука, ныне и является не чем иным, как проявлением этой же субъективности, однако в свете принципов постнеклассической науки.

Заметим, что мы не пытаемся очернить науку и сказать, что лучше было бы без нее. Потому что, во-первых, мы так не считаем, во-вторых, мы говорим в данном случае о смене реальности с помощью науки и о тех изменениях,

что вызвало в культуре стремительное развитие науки. Вопрос же о том, это плохо, хорошо, мы оставляем решать сциентизму, антисциентизму и другим подобным направлениям, изучающим проблемы науки. Однако факт остается фактом – аксиологизация современной науки протекает в двух направлениях: наука заимствует ценности и наука предлагает социуму новые ценности.

Как общий вывод из всего вышеизложенного, можно сказать следующее. Науке, как и человеку, «жить в обществе и быть свободной от общества» не удалось. Имея дело со сложными человекомерными объектами, наука должна производить соответствующие принципы, идеалы и нормы. Наука сегодня – это средство реализации потребностей человека и общества, генератор новых потребностей и ценностей. В современной философии науки идея аксиологизации научного знания приобрела характер парадигмальной значимости. Она является основой исследований когнитивных, ценностных, коммуникативных, прагматических, мировоззренческих и методологических аспектов научной деятельности, способствуя теоретической реконструкции исторического развития науки, экспликации содержания ее гуманизации и гуманитаризации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерохин, А. М. Феномен знания в эпоху формирования «общества знания»: социокультурный аспект / А. М. Ерохин, В. Е. Коротков // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 171–179.
2. Котлярова, В. В. Специфика постнеклассического научного дискурса / В. В. Котлярова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 4. – С. 9–12.
3. Котлярова, В. В. Российские аксиологические исследования на пороге третьего тысячелетия / В. В. Котлярова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – № 3. – С. 25–30.
4. Лось, В. А. История и философия науки / В. А. Лось. – М. : Дашков и К, 2004. – 404 с.
5. Микешина, Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
6. Петров, М. К. Человекообразность и мир предметной деятельности / М. К. Петров // Человек. – 2003. – № 1. – С. 5–18.

7. Степин, В. С. Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности / В. С. Степин // Этос науки / отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. – М. : Academia, 2008. – С. 21–47.

8. Черткова, Е. А. Знание в мире ценностей / Е. А. Черткова // Эпистемология вчера и сегодня / отв. ред. В. А. Лекторский ; Рос. акад. наук ; Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – С. 98–115.

9. Douglas, H. Inductive Risk and Values in Science / H. Douglas // Philosophy of Science. – 2000. – No 67 (4). – P. 559–579.

10. Parker, W. Values and evidence: how models make a difference / W. Parker, E. Winsberg // European Journal for Philosophy of Science. – 2018. – Vol. 8, No 1. – P. 125–142.

11. Pinnick, C. Scrutinizing Feminist Epistemology: An Examination of Gender in Science / C. Pinnick, N. Koertge, R. Almeder. – Rutgers University Press, 2003. – 304 p.

REFERENCES

1. Erohin A.M., Korotkov V.E. The phenomenon of knowledge in the epoch of the formation of a “knowledge society”: socio-cultural aspect. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *The Bulletin of Stavropol State University*, 2011, no.1, pp. 171-179. (In Russian).

2. Kotlyarova V.V. The specifics of post-nonclassical scientific discourse. *Gumanitarnye i social'no-ehkonomicheskie nauki* = *Humanitarian and socio-economic sciences*, 2018, no.4. pp. 9-12. (In Russian).

3. Kotlyarova V.V. Russian axiological studies on the threshold of the third millennium. *Gumanitarnye i social'no-ehkonomicheskie nauki* = *Humanitarian and socio-economic sciences*, 2011, no.3, pp. 25-30. (In Russian).

4. Los' V.A. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science] Moskva: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K», 2004. 404 p.

5. Mikeshina, L.A. *Filosofiya nauki: Sovremennaya ehpiistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Research Methodology]. M.: Progress-Tradiciya: MPSI: Flinta, 2005. 464 p.

6. Petrov M.K. Human dimensionality and the world of objective activity. *Chelovek* = *Human*, 2003, no. 1, pp. 5-18. (In Russian).

7. Stepin V.S. The evolution of the ethos of science: from classical to post-nonclassical rationality. *EHtos nauki* = *Ethos of science*. M.: Academia, 2008, pp 21-47. (In Russian).

8. Chertkova E.L. Knowledge in the world of values. *EHpistemologiya vchera i segodnya* = *Epistemology yesterday and today*. M.: IFRAN, 2010, pp. 98-115. (In Russian).
9. Douglas H. Inductive Risk and Values in Science. *Philosophy of Science*, 2000, No 67(4), pp. 559-579.
10. Parker W., Winsberg E. Values and evidence: how models make a difference. *European Journal for Philosophy of Science*, 2018, Vol. 8, no. 1, pp. 125-142.
11. Pinnick C., Koertge N. Almeder R. *Scrutinizing Feminist Epistemology: An Examination of Gender in Science*. Rutgers University Press, 2003. 304 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Котлярова В.В. Характеристики процесса аксиологизации постнеклассической науки / В.В. Котлярова, А.М. Руденко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 63–73.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kotlyarova V.V., Rudenko A.M. Characteristics of the Process of Axiologization of Post-nonclassical Science // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2019, No. 1, pp. 63–73. (In Russian).

УДК-130.2 (075)

Кулакова Бэлла Эльбрусовна

кандидат философских наук,
ведущий инженер дирекции
Армавирского механико-
технологического института (филиал)
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный технологический
университет» (г. Армавир)

Kulakova Bella Elbrusovna

Candidate of Philosophical Sciences,
Leading Engineer of the Directorate
of Armavir Mechanical and
Technological Institute, Kuban State
Technological University
(branch in Armavir)

**МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ
ХРИСТИАНСКОЙ И
МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУР**

**INTERRELIGIOUS DIALOGUE
BETWEEN CHRISTIAN AND
MUSLIM CULTURES**

Аннотация:

В статье рассматривается проблема взаимоотношений между христианами и мусульманами и причины возникающих препятствий межкультурного взаимодействия в межрелигиозном диалоге; представлено философское осмысление ислама в связи с проблемами толерантности и понимания человека в различных культурах, а в первую очередь – специфики диалога христианской и мусульманской цивилизаций, а также его проявления в современных российских условиях.

Abstract:

The article deals with the problem of relations between Christians and Muslims and the reasons for the obstacles of intercultural interaction in interreligious dialogue; the philosophical understanding of Islam in terms of the problems of tolerance and understanding of a person in different cultures are presented, and above all, the specifics of Christian and Muslim civilizations dialogue as well as its manifestations in modern Russian conditions.

Ключевые слова:

диалог, этноконфессиональный, религиозное сознание, ислам, православие, толерантность, конфликт цивилизаций, мусульмане, христиане.

Keywords:

dialogue, ethno-confessional, religious consciousness, Islam, Orthodoxy, tolerance, conflict of civilizations, Muslims, Christians.

Одной из характерных черт современной эпохи и становится диалог религий и этой проблеме уже посвящено много работ и исследований,

но актуальность рассмотрения проблемы не снижается. В странах с конфессионально разнородными сообществами межрелигиозный диалог часто является национальной проблемой, и как следствие это становится международной проблемой в мире, где межнациональные и межкультурные связи все время изменяются и становятся все более обширными. В диалог, часто независимо от воли или желания, втягивается все большее число верующих, поэтому адекватное его понимание возможно лишь в условиях социокультурного развития современного мира [1, с. 132].

Но трудности диалога растут, несмотря на поиск путей взаимопонимания. Спорная концепция Хантингтона в свое время рассматривала данные трудности и препятствия взаимоотношений между христианами и мусульманами, и речь тогда уже шла не о конфликте стран, а о «конфликте цивилизаций» [2, с. 163]. Но, по нашему мнению, эта концепция несостоятельна оттого, что именно в таком контексте нагнетается страх и усиливается непонимание.

По мнению С. Хантингтона, «военная конфронтация между Западом и исламским миром продолжается целое столетие, и нет намека на ее смягчение», а скорее наоборот, она может еще больше обостриться [3, с. 25]. Например, во время войны в Персидском заливе многие арабы почувствовали гордость после нападения Саддама Хусейна на Израиль и оказания сопротивления Западу. Но в то же время у многих появилось чувство унижения и обиды, которое было вызвано военным присутствием и силовым превосходством Запада в Персидском заливе, влекущее неспособность предопределять собственную судьбу. Война в Персидском заливе резко обострила ситуацию, вызвав социально-психологический шок у мусульманских патриотов, порождая желание продолжать борьбу.

Последние десятилетия в Европе, а затем и в Азии появилось много новых научных работ, где рассматриваются и исследуются проблемы межрелигиозного конфликта. Индийский журналист мусульманского вероисповедания М. Акбар считает, что в этом диалоге для обеих сторон – это конфликт цивилизаций во взаимодействии между исламским и западным миром. Он пишет, что «Западу наверняка предстоит конфронтация с мусульманским миром. Уже сам факт широкого распространения

исламского мира от Магриба до Пакистана приведет к борьбе за новый мировой порядок» [4, с. 26].

К таким же выводам пришел и Б. Льюис: «Перед нами настроение и движение совершенно иного уровня, неподвластные контролю политики и правительств, которые хотят их использовать. Это ни много ни мало конфликт цивилизаций – возможно, иррациональная, но исторически обусловленная реакция нашего древнего соперника против нашей иудео-христианской традиции, нашего мирского настоящего и глобальной экспансии того и другого» [4, с. 27].

Достаточно высокий уровень экономического и социального развития многих арабских стран (не только экспортирующих нефть) привел к тому, что автократические формы правления стали несовместимы с реальными требованиями общества. И настойчивые попытки ввести там демократию стали порождать эскалацию насилия. Определенная доля открытости политических систем некоторых арабских стран принесла пользу по большей части исламским фундаменталистам, что создало сложности в отношениях между исламскими странами и Западом.

Демографические факторы тоже вносят сложности в конфессиональные отношения. Стремительный рост населения в арабских странах, особенно в Северной Африке, увеличил эмиграцию в страны Западной Европы. Наплыв эмигрантов вынуждает усиливать внутренние границы между западноевропейскими странами и вызывает острое политическое неприятие. В странах Запада расистские настроения проявляются во все более открытых формах, постоянно нарастают политическая реакция и насилие между эмигрантами и коренным населением.

Непонимание, как правило, приводит к агрессии, страху и ненависти. Это стало характерной чертой во взаимоотношениях, как отдельных индивидов, так и целых общностей с их духовными культурами. Если говорить о России, то ее территория исторически стала местом соединения двух цивилизаций – православия и ислама, уникального сосуществования и взаимодействия культур мусульман и славян. За вековой период совместного проживания у народов, исповедующих разные религии, сформировалось уважение и определенные знания культуры соседа и, самое главное, умение ценить мир и покой в своем общем доме.

Демократическое сознание всегда направлено на свободу и автономию, независимое и активное поведение индивидов, но при этом демократия может ориентироваться и на равенство. В идеале «они должны сливаться в «свободоравенстве», но в реальности противоречат друг другу» [5, с. 66]. Не разрешенное вовремя противоречие перерастает в конфликт. Должно быть осознание предпосылки встающего вопроса: почему тогда порождается антипод демократии – тоталитаризм? Понимание справедливости, в нравственно-правовом содержании демократического сознания, реализует равенство за счет свободы. В противоположную сторону идет либерализм. Поэтому возникает различие, перерастающее в противоположность и доходящее до конфликта. Национальное или религиозное сознание может стать «детонатором» конфликта, а иногда и сразу оба.

Ключевым понятием нашего времени является «толерантность. Обычно оно трактуется как терпимость к иному мнению, стилю поведения, образу жизни и т. д. Но противоречивость самого понятия толерантности может быть парадоксальным. Мы говорим, например: «Толерантность – это хорошо, а нетерпимость – плохо». Отсюда следует, что мы нетерпимо относимся к нетерпимости. И получается, что такой принцип терпимости приобретает оттенок зла и враждебности. Мы интерпретируем толерантность как признание автономности Другого. В противоположность же толерантности выступают ксенофобия и фанатизм. Нетерпимость к различиям и страх перед чем-то чуждым имеют глубокие корни в исторически сложившихся отношениях. Жизненно важная оппозиция в обществе – это взаимоотношения «мы» и «они». Этот уровень взаимоотношений сформировался раньше, чем отношения «Я» и «Ты». Однако либеральная точка зрения порождает свои парадоксы. Было бы одинаково утопичным становиться на точку зрения только коллективной или индивидуальной идентичности. Тем более что они могут дополнять друг друга. Либеральное государство при всей его нейтральности не может быть полностью индифферентным, поскольку его базисной ценностью является автономия личности, свобода индивида во всех ее проявлениях. Политический аспект толерантности теснейшим образом связан с экономическим, социальным, духовным. Отметим лишь то, что выдающийся вклад в теорию и практику толерантности внесло христианство. Эта «динамичная»

толерантность может быть охарактеризована с помощью таких признаков, как великодушие, любовь, милосердие, диалог. Политика толерантности включает в себя ненасилие как этический принцип, помогает разрешать межэтнические конфликты, отказывается от консервативного принципа конфронтации, национализма и расизма. Атмосфера толерантности способствует росту различий, культурному разнообразию, автономии личности. А разнообразие помогает человечеству выживать [6, с. 73].

Противостояние среди верующих различных вероисповеданий или противоборство внутри одной конфессии, основанное на нетерпимости к инакомыслию обычно понимается как религиозная нетерпимость, перерастающая в конфликт [7, с. 180].

Религиозная нетерпимость проявляется в обвинениях представителей другой религии имеющих социальных проблем; в проявлении религиозного фанатизма под религиозными знаменами разжигающего конфликты и даже войны; в переплетении религиозных различий с этническим неравенством и несправедливостью и др.

Внутри религиозных групп конфликты, как правило, чаще определены делением власти, влиянием, привилегиями т. д. Эта борьба, выходящая за рамки теологического спора, показывает разнохарактерность не только духовенства, но и всего общества в целом.

Этноконфессиональная неприязнь всегда приносит массу бедствий обществу. Научной проблемой является само определение понятия «этноконфессиональный конфликт». Этнические конфликты, являясь видом социальных конфликтов, имеют все основные характеристики, которые свойственны конфликтам в обществе. В.А. Авксентьев в своих исследованиях рассматривал этнический конфликт, с формально-логической точки зрения, как вид социального конфликта, субъектами-носителями которого являются социальные группы, различающиеся по этническим признакам» [7, с. 181]. К этим признакам относятся, прежде всего, общность языка, особенности культуры и национальной психологии, сформированные стереотипы поведения, самосознание этноса, которое выражено в самоназвании – это признаки, во многом спорные, но широко применяемые в научной литературе.

Анализируя конкретные этноконфессиональные конфликты всегда необходимо принимать во внимание религиозный фактор (при его наличии), как существенноотягчающий сам конфликт. Поэтому его определяют как этнический конфликт, отягощенный действием религиозного фактора [8, с. 128]. И опасность его заключается в разжигании межнациональных конфликтов и возникающих на религиозной почве противоречий. В условия, когда одна идеология потеряла свое влияние, а новая еще только формируется, начинается рост национального самосознания. Все чаще религиозные ритуалы становятся символами национальной культуры, языка и традиций. То есть, по сути, формируется национально-конфессиональный признак, когда в единстве выступают религия, национальная культура и национальное самосознание, которые у большинства воспринимаются не только в контексте «мировоззрения, норм поведения и поступков каждого человека, но и в качестве основы общественной жизни и деятельности государства» [9, с. 181].

Как только неоправданно гиперболизируется какая-то проблема, несформированная на реальности, и при этом отдельной части социального явления приписываются свойства целого явления, когда все многообразие жизни сводится только к отдельному аспекту бытия или же отрицается инакомыслие в видении мира – то все это приводит к экстремистскому сознанию (индивидуальному или общественному).

К характерным чертам экстремистского сознания можно отнести: деление общества на две разные группы, где «мы» – хорошие, разумные, справедливые, а и «они» – плохие, ленивые, несущие нам угрозу и т. п.; перенос отрицательных черт отдельных индивидов на всю социальную (религиозную, национальную) группу. Эти обстоятельства обезличивают представителей социальных групп, и допускает насильственные действия, вплоть до совершения террористических актов. Экстремистскому сознанию необходима соответствующая идеология, поэтому закономерно обращение к религиозным системам. Религия, интегрируясь, объединяет людей в группу, придает смысл к единению, определяет свое место в окружающем мире и создает условия для диалога. Часто в сознании масс перемешиваются религиозная принадлежность и национальность, как-то: «православный» – «русский», «мусульманский» – «кавказец» или «азиат» и т. д.

Но одновременно с этим религия, выделяя одну группу, сравнивает ее с другими. Во времена социально-политических катаклизмов и разрушения светской системы ценностей этот аспект доминирует. Кажется, что само содержание идеологии теряет смысл. Это ведет к тому, что какая-либо проблема (создание идеального мира, чистота веры, возвращение к истокам религии и т. д.) может стать основной и господствующей, единственно важной, т. е. дошедшей до крайней степени, иногда даже до абсурда.

Важная функция религиозного сознания в культуре – это сохранение человека в виде творческого и разумного существа как субъекта духовной культуры, сохранение его подлинной личности, передача современникам всего культурного наследия, созданного предшествующими поколениями. Стремление устранить и искоренить религию из жизни человека и общества практически потерпело фиаско, все это смогло привести лишь к смене сакральных символов, к смене одной системы символов другой системой.

В религиозной культуре символический код автономности сознания удваивает социокультурную реальность, образуя при этом мир духовного и материального. Религиозная модель мира нацелена на один национальный язык. Религии присуща единая языковая модель мира, которая не является её несовершенством, потому что позволяет функционировать как символический код культуры в повседневности, а именно трансцендирование человека как свободной личности. Религия сохраняет и развивает человеческую личность в виде наиболее устойчивого текста и одновременно кода культуры, повышает его способность проходить через полосу жизненных кризисов [6, с. 136].

Трактовка символического кода в противоположность научной модальности образа духовной культуры позволяет выявлять измерение творческой субъективности. Синтаксический же код в гносеологическом аспекте совершает особый вид редукции сознания к знанию. Отсюда разнонаправленность науки и религии внутри синтактико-семантического отношения. Синтаксический код культуры, присущий больше философии и научному сознанию, основан на максимальной автономности системы знания от ценностей [10, с. 11].

Подводя итог всему вышеизложенному можно сказать, что усиливающееся внимание к религиозному наследию и культуре религии включает

все большое количество элементов, охватывающих сами богоискательские мотивы, утраченные навыки сакрального познания, стремление к самоосмыслению как к субъекту национально-культурных традиций, обретение утраченных ранее ценностей, и, в том числе, конфессиональное единение с представителями других религий, этносами и народностями. Меняющееся религиозное поведение становится своего рода защитной реакцией человека и общества в целом на трудности переходного периода. Основу растущей религиозности составляют не только вероискательские и мировоззренческие мотивы, но и чувство самосохранения, а также национальные чувства, сформированные на повседневной культуре этноса и привязанности к традиционной культуре. В нашей стране диалог мусульманской и православной культур основан на общей исторической памяти, традиционных нравственных ценностях и стремлении жить в мире с другими народами.

Мы полагаем недопустимым использование политиками культурно-религиозных различий народов как средство их взаимного отторжения и вражды. Этноконфессиональное многообразие нашей страны как фактор культурно-нравственного и духовного взаимообогащения ее народов, уникальное геополитическое положение России как евразийской страны, ее исторический опыт взаимодействия на едином пространстве исламской и христианской типов цивилизаций должно использоваться в интересах общества, что дает в итоге нашей стране возможность моделировать межкультурное взаимодействие в межрелигиозном диалоге.

Поэтому альтернативой в обострении социальных противоречий и профилактики конфликтов является этноконфессиональный диалог культур, где символический код культуры повседневности выступает как один из путей взаимопонимания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавский, А. В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога / А. В. Журавский. – М. : Наука, 1990. – С. 132.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М. : АСТ, 2006. – 603 с.
3. Хантингтон, С. Третья волна: Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон ; пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной. – М. : РОССПЭН, 2003. – 368 с.

4. Lewis, B. The Roots of Muslim Rage / B. Lewis // Atlantic Monthly. – Vol. 266. – 1990, September. P. 60 ; Time. – 1992. – June, 15. – P. 24–28 ; Фридман и Хайек о свободе. – Минск, 1990. – С. 69–99.

6. Кулакова, Б. Э. Мусульманская духовная культура: символические коды повседневности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / Б. Э. Кулакова. – Ростов н/Д., 2010. – 186 с.

7. Авксентьев, В. А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы / В. А. Авксентьев. – Ставрополь, 2001. – С. 180.

8. Авксентьев, А. В. Этнические проблемы современности и культура межнационального общения / А. В. Авксентьев, В. А. Авксентьев. – Ставрополь, 1993. – С. 127–128.

9. Кильмашкина, Т. Н. Конфликтология: социальные конфликты / Т. Н. Кильмашкина. – М., 2004. – С. 181.

10. Похилько, А. Д. О предпосылках духовной автономии / А. Д. Похилько // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2003. – № 3. – С. 5–13.

11. Анисимова, Н. А. Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Н. А. Анисимова, И. П. Добаев ; Центр региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. – М.–Ростов н/Д. : Редакция журнала «Социально-гуманитарные знания», 2016. – 143 с.

12. Хайруллин, Р. М. Теоретико-методологические основы изучения религиозной толерантности (систематизация подходов) / Р. М. Хайруллин // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2017. – № 12. – С. 141–146.

13. Фарапонова, М. А. Роль государства в Российском православно-исламском диалоге / М. А. Фарапонова // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 8. – С. 45–48.

REFERENCES

1. Zhuravskij A.V. *Hristianstvo i islam. Sociokul'turnye problem dialoga* [Christianity and Islam. Socio-cultural problem of a dialogue]. M.: Nauka, 1990. 132 p.

2. Huntington S.F. *Stolknovenie civilizacij* [The clash of civilizations]. M.: AST, 2006. 603 p.

3. Huntington S.F. *Tret'ya volna: Demokratizaciya v konce XX veka* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. M.: ROSSPEHN, 2003. 368 p.

4. Lewis B. The Roots of Muslim Rage. Atlantic Monthly, Vol. 266. 1990, September, p. 60; Time. 1992. June, 15, pp. 24–28.

5. *Fridman i Hajek o svobode* [Friedman and hayek on freedom]. Minsk, 1990, pp. 69–99.

6. Kulakova B.E. *Musul'manskaya duhovnaya kul'tura: simvolicheskie kody povsednevnosti* [Muslim spiritual culture: symbolic codes of everyday life]. Diss. ... kand.filos.nauk. Rostov-na-Donu, 2010. 186 p.
7. Avksent'ev V.A. *Etnicheskaya konfliktologiya: v poiskah nauchnoj paradigm* [Ethnic conflictology: searching a science paradigm]. Stavropol, 2001. 180 p.
8. Avksent'ev A.V, Avksent'ev V.A. *Etnicheskie problem sovremennosti i kul'tura mezhnacional'nogo obshcheniya* [Ethnic problems of modernity and the culture of inter-ethnic communication]. Stavropol, 1993, pp. 127-128.
9. Kil'mashkina T.N. *Konfliktologiya: social'nye konflikty* [Conflictology: social conflicts]. M., 2004, p. 181.
10. Pohil'ko A.D. On the prerequisites of spiritual autonomy. *Gumanitarnye i social'no-ehkonomicheskie nauki = Humanitarian and Socio-economic Sciences*, 2003, no. 3, pp. 5-13. (In Russian).
11. Anisimova N. A., Dobaev I. P. *Setevye struktury terroristov na Severnom Kavkaze* [Network structures of terrorists in the North Caucasus]. M.; Rostov n/D: Publishing House "Socio-humanitarian Knowledge", 2016. 143 p.
12. Hajrullin R.M. Theoretical methodological basics of studying religious tolerance. *Nauchnye trudy Centra perspektivnyh ehkonomicheskikh issledovanij = Scientific Papers of the Center for Perspective Economic Research*, 2017, no. 12, pp. 141-146. (In Russian).
13. Faraponova, M.A. The role of the state in the Russian Orthodox-Muslim dialogue. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2016, no. 8, pp. 45-48. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кулакова Б.Э. Межрелигиозный диалог христианской и мусульманской культур / Б.Э. Кулакова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 74–83.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kulakova B.E. Interreligious Dialogue Between Christian and Muslim Cultures // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 74–83. (In Russian).

УДК-141.3

Понарина Наталья Николаевна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
права и социально-гуманитарных
наук ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ

Аннотация:

В статье рассматривается глобализация, как фундаментальное изменение в пространственных и временных контурах социального существования, в котором значимость пространства или территории меняется в силу огромного ускорения во временной структуре важнейших форм человеческой деятельности, охватывается широкий спектр политических, экономических и культурных тенденций. Исследователи глобализации расходятся во мнениях по поводу источников последних сдвигов в пространственных и временных контурах жизни человека. Однако они обычно едины в том, что изменения в человеческом восприятии пространства и времени уменьшают важность местных и даже государственных границ во многих областях человеческой деятельности.

Ключевые слова:

глобализация, человеческая деятельность, социальная активность, цивилизация, коммуникация, экономическое развитие.

Ponarina Natalia Nikolaevna

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Professor of the
Department of Philosophy, Law and
Social Humanitarian Sciences,
Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

GLOBALIZATION IN THE PERSPECTIVE OF SOCIO- HISTORICAL AND CULTURAL CONDITIONS

Abstract:

The article deals with globalization as a fundamental change in the spatial and temporal contours of social existence, in which the importance of space or territory changes due to the huge acceleration in the temporal structure of the most important forms of human activity, covers a wide range of political, economic and cultural trends. Researchers of globalization disagree on the sources of recent changes in the spatial and temporal contours of human life. However, they generally agree that changes in the human perception of space and time reduce the importance of local and even state borders in many areas of human activity.

Keywords:

globalization, human activity, social activity, civilization, communication, economic development.

Термин «глобализация» быстро стал модным словом в политических и академических дискуссиях. Обычно глобализацию понимают не более как синоним одного или более феноменов: проведение классической либеральной политики (или политики «свободного рынка») в мировой экономике («экономическая либерализация»), растущее доминирование западных или даже американских форм политической, экономической или культурной жизни («вестернизация» или «американизация»), распространение новых информационных технологий («революция интернета»), а также представление о том, что человечество стоит на пороге создания единого сообщества, в котором основные источники социальных конфликтов перестали существовать (произошла «глобальная интеграция»).

С наступлением эпохи индустриального капитализма в интеллектуальном дискурсе стали появляться понятия, относящиеся к феноменам, которые были удивительно похожи на те, что привлекли внимание теоретиков глобализации последнего поколения. В философии, литературе и социальной мысли 19 и 20-го века существует множество указаний на зарождающееся, но уже широко разделяемое представление о том, что расстояние и пространство иначе воспринимаются и претерпевают трансформацию в результате возникновения высокоскоростных форм транспортизации (железнодорожные и воздушные перевозки) и телекоммуникаций (телеграф или телефон), которые резко повышают возможности человеческого общения, несмотря на географические и политические различия [1]. Задолго до введения термина «глобализация» появление высокоскоростных форм социальной активности привело к широкому обсуждению темы сжатия пространства.

Карл Маркс, в 1848 году сформулировал первое теоретическое обоснование смысла территориального сжатия, которое так восхитила его современников. Согласно Марксу, требования капиталистического производства неизбежно заставляли «буржуазию гнездиться везде и устанавливать связи повсюду». Мощь индустриального капитализма являла собой главный источник технологий, приведших к устранению пространства и проложивших путь к «связям во всех направлениях, к универсальной взаимозависимости наций» в отличие от узколобого провинциализма, глумившегося над

человечеством в неизвестных целях [2]. Несмотря на то, что новые технологии использовались как средства капиталистической эксплуатации, они увеличивали возможности общения людей из разных стран и, в конечном итоге, были прогрессивной силой в истории. Они обеспечивали формирование необходимой инфраструктуры будущей космополитической цивилизации, которая должна возникнуть в пролетарской революции, ниспровергающей систему капиталистической эксплуатации.

В 1904 году хорошо известный в США писатель Генри Адамс говорил о существовании «закона ускорения», имеющего большое значение для социальных исследований в области быстро изменяющихся пространственных и темпоральных контуров человеческой деятельности. Современное общество можно правильно понять только тогда, если наблюдающемуся ускорению технологических и социальных процессов будет уделено в социологическом и историческом анализе особое внимание [3]. В 1927 году американский философ Джон Дьюи утверждал, что экономические и технологические тенденции предполагают возникновение «нового мира», не менее значимого, чем открытие Америки в 1492 году. Дьюи отметил, что малые политические общины, имеющие огромное значение для эффективного демократического участия населения в управлении, все более отодвигались на периферию взаимосвязанного мира. Пересекающие границы социальные связи сделали местные формы самоуправления неэффективными. Новые высокоскоростные технологии придали социальной жизни подвижный и нестабильный характер, о чем свидетельствовало ускорение изменений и преобразований во многих областях деятельности и относительное непостоянство там социальных отношений. Как могут граждане собираться и действовать сообща, когда «мания движения и скорости» в современном обществе мешает им даже познакомиться, более того, определить общие для них интересы? [4]

Не прекращающееся распространение высокоскоростных технологий – это, по-видимому, основная тема, упоминаемая интеллектуалами начиная с 1950 года. Канадский политолог и социолог Маршалл Маклуэн поднял тему «глобальной деревни», созданной социальным «ускорением на всех уровнях человеческой организации» и в 1960-х провел анализ новых медийных технологий [5]. Утверждая в 1970-х и 1980-х, что недавние сдвиги

в пространственных и темпоральных контурах социальной жизни обострили авторитарные политические тенденции, французский социолог Поль Вирильо, похоже, подтвердил многие из опасений Дьюи относительно упадка демократии. Согласно его анализу, требования к ведению современной войны и системам вооружения усиливают исполнительную власть и ослабляют законодательную. Таким образом, сжатие территории открыло путь для создания чрезвычайного правительства с преобладанием у него исполнительной власти [6]. Но, вероятно, именно немецкий философ Мартин Хайдеггер наиболее ясно предвидел современные дебаты о глобализации. Хайдеггер не только говорил об «уничтожении расстояний» как важную черту современного мира, но и связывал недавние изменения в пространственном опыте с не менее фундаментальными изменениями в темпоральности человеческой деятельности: «Все отрезки во времени и расстояния в пространстве сокращаются. Теперь человек за ночь достигает мест, до которых раньше можно было добраться за недели и месяцы путешествия». Кроме того, Хайдеггер еще в 1950 году точно предсказал, что телекоммуникационные и информационные технологии вскоре откроют новые возможности для быстрого расширения виртуальной реальности: «Удаленные районы самых древних цивилизаций показываются на пленке, как если бы они в этот самый момент находились в гуще сегодняшнего дорожного движения... Пик этого устранения любой возможности отдаленности достигается с помощью телевидения, которое скоро будет доминировать во всей системе коммуникаций» [7].

Помимо этих аспектов исследуются различные коннотации понятия глобализации, и оно рассматривается в историческом контексте. В теоретических и эмпирических исследованиях глобализации в основном делается акцент на следующих вопросах: действительно ли она происходит, приводит ли она к конвергенции, подрывает ли она авторитет национальных государств, разрушает ли она жизнеспособность государства благосостояния, отличается ли она от модерности и создается ли глобальная культура? Что же представляет собой глобализация?

Глобализация – это процесс увеличения потока товаров, услуг, денег, людей, информации и культуры, распространяющегося далеко за пределы

отдельных государств. «Социолог Энтони Гидденс [8] предлагает рассматривать глобализацию как разделение или «дистанцирование» пространства от времени, двух измерений, которые, согласно «современному» видению мира, неразрывно связаны друг с другом. Развивая эту тему, географ Дэвид Харви и политолог Джеймс Миттельмае [9] отмечают, что глобализация приводит к «уплотнению» пространства и времени, сжиманию мира. Социолог Мануэль Кастельс делает акцент на информационных аспектах глобальной экономики, когда определяет ее как «экономику, способную функционировать как единое целое в реальном времени в планетарном масштабе». М.Г. Делягин связывает начало глобализации с информационной революцией начала 90-х гг.: «Глобализация представляет собой процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. В этом ее отличие от интеграции, высшей стадией которой она является: интеграция была и в ледниковый период, глобализация же началась в 90-х гг. XX века» [10].

Также глобализация немыслима без коммуникационной революции. Развитие радиовещания осваивало новые диапазоны и технологии. С середины 1920-х гг. начинается радиовещание на коротких волнах, с начала 1960-х гг. в эфире начинает господствовать телевидение. Массовые коммуникации приобретают планетарный характер, закладывая основы формирования транснациональной массовой культуры.

Исследователь в области менеджмента Стивен Кобрин [11] считает, что движущей силой глобализации является не внешняя торговля и инвестиции, а увеличение технологических возможностей, союзов между компаниями и информационных потоков. Социолог Роланд Робертсон считает, что глобализация – «это сжатие мира и интенсификация осознания мира как целого». Робертсон отмечает, что «аналитически, глобализация включает в себя серию динамических отношений между обществом, личностями, международной системой и человечеством. Эмпирически, глобализация является соединением различных форм жизни» [12]. Социолог Мартин Олброу определяет глобализацию как «распространение практик, ценностей и технологий, влияющих на жизнь людей во всем мире» [13]. Томас Л. Фридман исследовал

воздействие глобализирующего «выравнивания» мира и утверждает, что глобализация торговли, аутсорсинг, формирование цепочки поставки и политические силы постоянно меняют мир и в лучшую, и в худшую сторону. Он также отмечает, что темп глобализации ускоряется, продолжая оказывать растущее влияние на организацию бизнеса и практику [14].

Однако глобализация – это также идеология со множеством значений и родословных. Иногда ее связывают с неолиберализмом и технократическими подходами к экономическому развитию и реформам. Глобализация связана также с международными сетями по защите прав человека, окружающей среды или мира. В частности, движение «зеленых» в своей борьбе за чистую планету подняло знамя глобализации, что отражено в лозунге «Мыслите глобально, поступайте глобально». Таким образом, глобализация часто преподносится как безликая и неизбежная сила, чтобы оправдать определенную политику или поведение, пусть даже достойные похвалы. В более широком историческом смысле Мазлиш и Робертсон утверждают, что глобалистская направленность характерна не только для капитализма или правозащитных движений, но также для христианства, ислама и марксизма.

По поводу начала процесса глобализации также существуют различные мнения. Можно предположить, что глобализация началась на заре истории. Г. Терборн [15] насчитывает в историческом времени человечества шесть «волн» глобализации, самую раннюю из которых он связывает с экспансией мировых религий в III-VII вв. н. э. Робертсон утверждает, что глобализация «стартовала» в период между 1875 и 1925 гг. «с установлением часовых поясов и международной демаркационной линией суточного времени; почти повсеместным принятием григорианского календаря и регулируемой семидневной недели; и созданием международного телеграфного и сигнального кода» [16].

Ряд ученых считают началом глобализации конец Второй мировой войны, наступление ядерного века, обретение колониями независимости, возобновление расширения торговли и инвестирования, и экономический подъем Северо-Восточной Азии. Можно также предположить, что глобализация началась с *рах americana* (мир по американской модели) в начале 1970-х или с подъема неолиберальной идеологии в конце 1970-х и начале

1980-х. Глобализация сегодня выступает как распространение, прежде всего, североамериканской культуры и соответствующей ей системы приоритетов, ценностей, образцов и идеалов. Это и позволяет говорить некоторым исследователям о том, что глобализация (по крайней мере, в России) выступает в форме американизации. Или даже наоборот, что американизация и есть глобализация.

Одна из проблем, осложняющих изучение феномена глобализации, состоит в том, что она представляет собой далеко не единообразную тенденцию и не является неким императивом. Скорее, глобализация носит фрагментарный, неполный, прерывистый, случайный и во многом противоречивый характер. Она даже превращается в рутинный процесс функционирования и воспроизводства социальной системы. Бартельсон сравнивает понятие глобализации с понятиями цивилизации и революции, ставшими популярными в эпоху Просвещения, но сразу же в конце XVIII века «эти понятия также утратили стабильные референты, но функционировали как движители социального изменения, обозначая изменение в его чистой, наиболее неизбежной и необратимой форме: изменение как условие возможных объектов и возможных идентичностей в возможном будущем» [17].

Исследователи также отмечают комплексный и многоуровневый характер глобализации, их также интересуют ее экономические, финансовые, социальные, политические показатели. Если взять, например, экономические показатели, то за период с 1979 по 1995 год прямые иностранные инвестиции выросли почти в два раза и более чем в три раза в развивающихся странах, распространяясь как на сектор обслуживания, так и производства. Напротив, экспорт и импорт товаров не поспевал за общим ростом мировой экономики, хотя экспортно-импортные операции стали в развивающихся странах более значительными. В области финансовой глобализации обстановка более однозначна: с 1979 по 1995 год объем продаж в иностранной валюте увеличился в восемь раз по отношению к мировому валовому внутреннему продукту (ВВП), а международные банковские кредиты и активы увеличились более чем вдвое в процентах от мирового ВВП.

Также быстро увеличиваются некоторые ключевые показатели социального обмена через границы, в том числе туризм и общение по телефону.

Глобализации способствует также увеличение числа национальных государств. И все больше этнических групп стремятся создать собственное государство – палестинцы и курды, баски и каталанцы, шотландцы и валлийцы, корсиканцы и т. д. Между тем, число международных организаций увеличилось с 1980 года втрое. Среди международных пропагандистских и правозащитных групп быстрее всего увеличивалось число тех из них, которые занимались правами женщин и выступали в защиту мира [18]. А в 1990-е интернет ускорил экономический, политический и культурный обмен через границы в степени, которую трудно измерить, но, безусловно, в огромной.

В экономической, социологической и политической литературе произошёл буквально взрыв публикаций на тему глобализации. В общественных науках проблемами глобализации первой стала заниматься социология. Социологические журналы начали печатать большое количество статей о глобализации в начале и середине 1970-х, главным образом под воздействием теорий о мировой системе. Число публикаций на эту тему стало стремительно расти с начала 1980-х. В нескольких книгах авторы предприняли попытку обобщить литературу о глобализации, и было издано несколько томов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс, К. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 4.
2. Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford, 1989; Kern S. The Culture of Time and Space, 1880-1918. Cambridge, 1983.
3. Adams H. The Education of Henry Adams. New York, 1931.
4. Dewey J. The Public and Its Problems. Athens, 1927. P. 140.
5. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York, 1964. P. 103.
6. Virilio P. Speed and Politics. New York, 1986.
7. Heidegger M. "The Thing," in Poetry, Language, Thought. New York, 1971. P. 165.
8. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990. P. 64; Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge, 1991. P. 21.
9. Mittelman J.H. The Dynamics of Globalization // Globalization: Critical Reflections, edited by James H. Mittelman. Boulder, 1996. P. 1-19.

10. Делягин, М. Мы можем не только выжить, но и извлечь из процесса стратегическую выгоду [Электронный ресурс] / М. Делягин. – Режим доступа: [/http://2002.novayagazeta.ru](http://2002.novayagazeta.ru).

11. Kobrin S.J. The Architecture of Globalization: State Sovereignty in a Networked Global Economy // Governments, Globalization, and International Business, edited by John H. Dunning. New York, 1997. P. 147-148.

12. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992. P. 8.

13. Albrow M. The Global Age. Stanford, 1997. P. 88.

14. Friedman T.L. The Dell Theory of Conflict Prevention. Emergin: A Reader. /Ed. Barclay Barrios. Boston: Bedford, St. Martins, 2008. P. 49.

15. Therborn G. Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance // International Sociology. 2000, № 2.

16. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. P. 179.

17. Bartelson J. Three Concepts of Globalization // International Sociology. 2000, № 2. P. 193.

18. Keck M.E., Sikkink K. Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics. P. 11.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. Vol. 4.
2. Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford, 1989; Kern S. The Culture of Time and Space, 1880-1918. Cambridge, 1983.
3. Adams H. The Education of Henry Adams. New York, 1931.
4. Dewey J. The Public and Its Problems. Athens, 1927. P. 140.
5. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York, 1964. P. 103.
6. Virilio P. Speed and Politics. New York, 1986.
7. Heidegger M. "The Thing," in Poetry, Language, Thought. New York, 1971. P. 165.
8. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990. P. 64; Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge, 1991. P. 21.
9. Mittelman J.H. The Dynamics of Globalization. *Globalization: Critical Reflections*. Boulder, 1996, pp. 1-19.
10. Delyagin M. *My mozhem ne tol'ko vyzhit', no i izvlech' iz processa strategicheskuyu vygodu* [We can not only survive but also gain strategic benefits from the process], Available at: <http://2002.novayagazeta.ru>. (In Russian).

11. Kobrin S.J. The Architecture of Globalization: State Sovereignty in a Networked Global Economy. *Governments, Globalization, and International Business*. New York, 1997, pp. 147-148.
12. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London, 1992. P. 8.
13. Albrow M. The Global Age. Stanford, 1997. P. 88.
14. Friedman T.L. The Dell Theory of Conflict Prevention. *Emergin: A Reader*. Boston: Bedford, St. Martins, 2008. P. 49.
15. Therborn G. Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance. *International Sociology*, 2000, no. 2.
16. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. P. 179.
17. Bartelson J. Three Concepts of Globalization. *International Sociology*, 2000, no. 2, p. 193.
18. Keck M.E., Sikkink K. Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics. P. 11.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Понарина Н.Н. Глобализации в ракурсе социально-исторических и культурных условий / Н.Н. Понарина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1. – С. 84–93.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ponarina N.N. Globalization in the Perspective of Socio-historical and Cultural Conditions // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 84–93. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК-902.01

Гурова Евгения Александровна

директор Центра археологических исследований ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», старший преподаватель (г. Армавир)

Gurova Evgenia Alexandrovna

Director of the Center for Archeological Research, Armavir State Pedagogical University, Senior Lecturer (Armavir)

Высоцкий Александр

Александрович

студент ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Vysotsky Alexander

Alexandrovich

student, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

Клоков Андрей Николаевич

студент ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Klovov Andrey Nikolaevich

Student, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

**КОМКОР РККА НА СЛУЖБЕ
ВЕРМАХТА (ОТ ЗАЩИТНИКА
АРМАВИРА ДО ВРАГА НАРОДА)**

**RED ARMY COPRS COMMANDER
IN THE SERVICE OF
WEHRMACHT (FROM THE
DEFENDER OF ARMAVIR TO
THE ENEMY OF THE PEOPLE)**

Аннотация:

Данная статья освящает судьбу Михаила Михайловича Шаповалова – командира 1-го отдельного стрелкового корпуса, предавшего родину 14 августа 1942 г. во время битвы за Кавказ. Исследуются причины, заставившие проверенного в боях офицера нарушить присягу. Работа рассчитана на широкий круг читателей и будет интересна всем любителям военной истории.

Abstract:

This article reveals the fate of Mikhail Mikhailovich Shapovalov, the commander of the 1st separate rifle corps, who betrayed his homeland on August 14, 1942 during the battle for the Caucasus. The reasons that made him break the oath are investigated. The work is designed for a wide range of readers and will be of interest to all lovers of military history.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, коллаборационизм во Второй мировой войне, битва за Кавказ, оборона Армавира.

Keywords:

Great Patriotic War, collaborationism in World War II, the battle for the Caucasus, the defense of Armavir.

Как и большинство представителей командного состава РККА, Михаил Михайлович Шаповалов был выходцем из крестьянской семьи [1]. Однако, по мнению автора книги «Армия генерала Власова 1944-1945» К. Александрова, будущий красный командир, мог быть выходцем и из более зажиточных слоев общества. По крайней мере, когда в 1921 г. М.М. Шаповалов был исключен из рядов РКП(б), ему вменялось в вину «кулацкое происхождение» и то, что он бывший царский офицер [2]. Нет единой точки зрения и о том, где и когда родился М.М. Шаповалов. По одним данным Михаил Михайлович родился в 1898 г. в г. Грайворон [3], а по другим, в 1901 г. в деревне Новостровенка Курской губернии [4].

***Командир 1-го Отдельного стрелкового корпуса,
полковник Шаповалов М.М.***

Полных и достоверных данных об участии М.М. Шаповалова в Первой мировой войне крайне мало. Известно, что с мая 1915 г. как вольноопределяющийся он служил в 9-м Уланском Бугском полку (до войны носивший

имя Его Императорского Королевского Высочества эрцгерцога Австрийского Фердинанда). Полк входил в состав 1-й бригады 9-й кавалерийской дивизии [5]. Есть данные, что на полях первой мировой войны Шаповалов дослужился до младшего офицерского чина [6]. После демобилизации в марте 1918 г., М.М. Шаповалов добровольно перешел на службу в Красную Армию. В том же году он командовал эскадроном 8-го Повстанческого полка, участвовавшего в боях с войсками Центральной рады (петлюровцев он как великоросс считал сепаратистами), но 20 декабря того же года попал в плен, откуда бежал 17 января 1919 г. В мае 1919 г. обучался на Московских кавалерийских курсах командного состава.

В ходе гражданской войны Шаповалов М.М. участвовал в боях с армией адмирала А.В. Колчака. В 1920 г. служил в 4-й кавалерийской дивизии легендарной 1-й Конной армии, где командовал эскадроном и даже временно исполнял обязанности командира 22 кавалерийского полка. Послужной список будущего командира 1 ОСК в годы гражданской войны впечатляет. Шаповалов воевал на Южном, Юго-Восточном, Кавказском, Юго-Западном и Западном фронтах. Воевал против Деникина, участвовал в боях на польском фронте, в Северной Таврии сражался с войсками барона Врангеля, громил банды атаманов Короленко и Кочубея на Украине. В августе 1921 г. был ранен.

После войны, уже беспартийным Шаповалов служил на управленческих и командных должностях различных кавалерийских курсов комсостава в Харькове и Крыму. В 1924 г. зачислен курсантом химических КУКС РККА, затем был направлен на учебу в Московскую высшую военнотехническую школу РККА. Одновременно был начальником химической службы 651 кавалерийского полка, затем 9-й Крымской кавалерийской дивизии. С апреля 1932 г. и. д. начальника химической службы Владивостокского УРа, а с 1937 г. был начальником штаба этого укрепрайона. В 1936 г. М.М. Шаповалову было присвоено звание майора, а в следующем 1937 г. – полковника.

Осенью 1937 г. (по другим данным в 1938 г.) М.М. Шаповалов был арестован органами НКВД как участник «антисоветского, военно-фашистского заговора» и провел в заключении 8 месяцев. От расстрела его спасла

временная пауза в репрессиях (т. н. «бериевская» либерализация 1939 г.). После освобождения был назначен начальником Севастопольской артиллерийской школы [7]. В 1939-1941 г. являлся слушателем Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе [8].

В период службы на Дальнем Востоке у М.М. Шаповалова сложились хорошие служебные и личные взаимоотношения с Ф.С. Октябрьским (до 1924 г. Ивановым). Оба начали службу на Дальнем Востоке в 1932 г. и дослужились до высоких званий и должностей. В 1938 г. Ф.С. Октябрьский в звании флагмана 2 ранга командовал Амурской военной флотилией, а полковник М.М. Шаповалов, до ареста осенью 1937 г., занимал должность начальника штаба Владивостокского УРа.

После «дальневосточной эпопеи» полковник Шаповалов продолжил службу на флоте, правда, был переведен в Крым, на должность начальника школы береговой артиллерии (г. Севастополь) [9]. В Крыму судьба вновь свела М.М. Шаповалова с Ф.С. Октябрьским, который в марте 1939 г. был назначен командующим Черноморским флотом.

5 сентября 1942 г. автор доклада «О составе и боевых операциях 1 ОСК» направленного Военному совету СКФ, военный комиссар 1 Отдельного стрелкового корпуса, бригадный комиссар Н.И. Привалов дал объективную характеристику взаимоотношений М.М. Шаповалова с командующим Черноморским флотом Ф.С. Октябрьским. «Вице-адмирал Октябрьский, – отмечал Н.И. Привалов, – знал Шаповалова еще по Дальнему Востоку, а в Севастополе Шаповалов был начартшколы береговой артиллерии, находился в подчинении Октябрьского. В разговоре у Октябрьского на КП в Новороссийске Октябрьский смеялся над Шаповаловым, что у него пусто на груди, если бы не ушел из флота, теперь бы имел награды. Подробно о служебной деятельности Шаповалова у Октябрьского я не спрашивал. Октябрьский не хотел Шаповалова пускать из флота, оценивал его как хорошего командира»[10].

В августе 1941 г. закончивший военную академию полковник Шаповалов, окончательно расстался со службой на флоте и был назначен командиром 1-й Крымской дивизии народного ополчения (КДНО), которую сам и формировал. В этот же период Шаповалов являлся комендантом укрепрайона

г. Феодосии [11]. В сентябре 1-я КДНО Шаповалова принимала участие в боях с гитлеровцами, обороняя позиции у Ак-Моная [12], а затем комдив командовал механизированной группой войск в районе г. Керчь.

К лету 1942 г. ситуация на южном фланге советско-германского фронта значительно осложнилась. Следствием поражения РККА на Донбассе, в Крыму и на Дону стал так называемый «кадровый голод». Многие командиры Красной Армии погибли в боях, оказались в плену либо были отстранены от командования. При этом перед представителями среднего командного состава открывались перспективы возглавить соединения в звене полк – бригада – дивизия. В числе таковых оказался и полковник Шаповалов. 2 июня 1942 г. полковник Шаповалов М.М. был назначен заместителем командира 1-го Отдельного стрелкового корпуса [13]. Не прошло и месяца, как согласно директиве ставки ВГК № 994088 от 30 июня 1942 г. Михаил Михайлович Шаповалов был утвержден в должности командира 1-го Отдельного стрелкового корпуса [14].

К моменту, когда 1-й Отдельный стрелковый корпус получил приказ о передислокации к Армавиру, в его составе было всего две бригады и один артполк. Комкор М.М. Шаповалов должен был организовать оборону левого берега Кубани и стратегически важных переправ у Армавира. В ходе ожесточенных боев, с превосходящими силами противника, к 8 августа из-за угрозы полного окружения остатки 1 ОСК были вынуждены отступить. От рубежа к рубежу части РККА с боями откатывались к Лабе, Фарсу, Белой, пытались обороняться у Майкопа и в предгорьях Западного Кавказа.

10 августа 1942 г. Шаповалов и его штаб находились в боевых порядках 40-й Отдельной мотострелковой бригады, которой командовал полковник Н.Ф. Цепляев. Бригада, как и остатки 1 ОСК отступала от Армавира и была фактически обескровлена. В радиопереговорах с командующим 12-й армии генерал-майором Гречко А.А. Шаповалов докладывал, что со своим КП находится на высоте 314. Далее, полковник описывал безвыходность своего положения, указывая, что из окружения вырваться не удалось, отданные ему приказы устарели, связь с остатками 139-й сбр. потеряна, а комбриг Цепляев ему не подчиняется. При этом, как следует из краткой стенограммы радиопереговоров, Шаповалов дважды просит командарма прислать за ним самолет.

«Пошлите мне срочно самолет, – просит Шаповалов, – посадка – удобна» и далее, нарушая канву переговоров, фактически с уничижением повторяет «мой КП – выс. 314. Самолет пусть садится в этом районе» [15]. Кольцо окружения продолжало сжиматься, полковник Цепляев принял решение пробиваться к своим через перевалы, а не дождавшийся самолета Шаповалов принял другое решение. 14 августа 1942 г. командир 1 ОСК, полковник Шаповалов М.М. оставив штаб корпуса, сдался передовым частям 16-й моторизованной дивизии Вермахта.

«Надо полагать, – отмечает Ю.П. Ржевцев, – что это именно о нём в своих устных воспоминаниях о войне упоминал мой дед – Василий Лукьянович Юденков, бывший младший командир из рядов личного состава 456-го корпусного/пушечного артиллерийского полка. По его утверждению, летом 1942-го остатки 456-го пушечного артиллерийского полка прямой наводкой поддерживали пехоту у одной из краснодарских станиц. Вдруг прямо через позиции артиллерийских расчётов в сторону противника вихрем промчалась чёрная командирская «эмка» с высунутым из окна самодельным белым флагом. Свидетели настолько опешили, что даже не схватились за оружие. Чуть позже по нашим окопам пополз слух, что это-де в плен к немцам сдался вместе с семьёй командир обороняющегося здесь стрелкового корпуса...» [16].

Воспоминания бойца 456-го артполка подтверждаются материалами из доклада комиссара корпуса Н.И. Привалова. «Когда я догнал штаб корпуса, – писал Никифор Иванович, – мне нач. политотдела доложил, что командир корпуса полковник Шаповалов бросил в лесхозе штаб и без адъютанта с женой куда-то уехал. Нач. политотдела и майор Шундалов более суток со штабом ожидали его в лесу. Посылали конных и пеших разведчиков для розыска, но нигде его не нашли» [17].

О факте предательства так же говорится в докладной записке, ответственного за эвакуацию детдомов Г.Д. Долгова от 10 сентября 1942 г.: «...В Баговской мы присоединились к бригаде полковника Цепляева и узнали, что Шаповалов действительно изменил Родине и 12 августа¹ уехал к немцам.

¹ Наиболее точной датой является 14 августа.

Машина поломалась, и он ушел с женой к немцам пешком...». Вскоре после перехода Шаповалов обратился с листовками к бойцам, командирам и политработникам с призывом о сдаче в плен. Группа майора Егоровского и капитана Кулешова сообщают Долгову, о том, что читали листовку командира корпуса, где «свой переход Шаповалов мотивировал несогласием с военной тактикой советского командования и, во-вторых, возмущением грубостью старшего и среднего комсостава по отношению к бойцам и младшему комсоставу» [18].

В стане врага изменник активно сотрудничает с немецким командованием и сообщает информацию о расположении боевых частей РККА, о чем свидетельствует рапорт командира 40-й ОМСБР полковника Н.Ф. Цепляева: «Одновременно доношу, что сдавшийся добровольно командир 1-го стрелкового корпуса полковник Шаповалов зная мои намерения о выходе из окружения, по всей вероятности сообщил командованию германской армии, в результате чего противник все время стремился к полному окружению и перерезу пути отхода к перевалу» [19].

Трудно объяснить, что послужило причиной измены М.М. Шаповалова. Возможно, вновь обострившееся чувство «ненужности», недооцененности, замешанное на «грехах прошлого» (служба в российской императорской армии, петлюровский плен, исключение из ВКП(б), арест в период репрессий). На столь роковое решение старого буденовца могло повлиять и неудовлетворительное состояние здоровья – психическое, физическое и моральное перенапряжение сил, обусловленное напряженностью августовских боев на Кубани. «8 августа в Дундуковской, – вспоминал уже упоминавшийся Н.И. Привалов, – когда штаб стали бомбить около 5 самолетов, он проявил растерянность, бегал по кукурузе и потерял шифровку, которую нашли минут через пять. 8 августа, когда я уехал в 139 бр., во время следования штаба в Унароково они были обстреляны танком, танкеткой и подверглись бомбежке до 17 самолетов. Шаповалов здесь проявил еще большую растерянность, залез в грязный ручей /по уши/ сбросил с себя снаряжение в грязь, схватил автомат и сидел до тех пор, пока улетели все самолеты. А потом без пояса сел в машину, не собрал весь штаб, выехал в Унароково» [20].

Еще одним мотивом предательства Шаповалова могло послужить дошедшее до него известие об аресте командира 318 стрелковой (горно-стрелковой) дивизии полковника Ромашенко А.И., чьи полки, сражаясь на левом фланге 1 ОСК, не сдержали натиск эсэсовцев «Викинга» у с. Новомихайловского. Ромашенко был арестован органами НКВД после 10 августа и позднее приговорен к высшей мере наказания (расстрелян в декабре 1942 г.). Схожая участь грозила и командиру 31-й стрелковой дивизии М.И. Озимину, который принимал участия в боях за Армавир и 9 августа был тоже арестован органами НКВД «за потерю управления войсками» [21]. Возможно, Шаповалов просто опасался стать следующим «козлом отпущения».

К упомянутым факторам можно отнести и осознание Шаповаловым безвыходного положения остатков корпуса, обреченного на плен или гибель в окружении. Кроме того, малодушие и измена могли быть вызваны стремлением спасти жену, которая, видимо, обладала особым влиянием на М.М. Шаповалова, оставаясь с ним вплоть до его гибели в 1945 г.

Однополчане сочли поступок Шаповалова «проявлением трусости перед немцами», желанием спасти свою «подлую шкуру» и именовали своего бывшего командира, добровольно перешедшего к врагу «подлым ничтожным предателем» [22].

Известный исследователь боевых операций периода обороны Кавказа Э.И. Пятигорский так оценивал предательство М.М. Шаповалова: «Предательство, измена... Природа этого явления человеческой психики, по мнению автора, до сих пор не изучена серьёзными психологами, потому что тема сама по себе достаточно неблагоприятна и её исследование не послужит во благо человечества. Предательство и измена – явления интернациональные и естественные для человеческой цивилизации точно так же, как верность долгу, честность, патриотизм.

История с М.М. Шаповаловым, надо думать, обескуражила и Ставку, и командование Северо-Кавказским фронтом и, прежде всего, Маршала С.М. Будённого.

Предают, как правило, по заранее обдуманному намерению или из-за трусости. Трусом Шаповалов не был, т. к. сопротивлялся до последнего. Трус не мог водить в Гражданскую конную лаву полка с шашками наголо. Во всей этой истории с предательством много тёмного и непонятного.

Добровольный переход М.М. Шаповалова на сторону противника, трагическим образом повлиял на дальнейшую судьбу 1 ОСК и во многом способствовал забвению подвига бойцов 113-й и 139-й стрелковых бригад сражавшихся под Армавиром. При этом факт измены комкора, ни в коей мере не дискредитирует подвиг красноармейцев, комиссаров и командиров 1 ОСК которые ценой своих жизней задержали врага на переправах через Кубань.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. V / Шаповалов Михаил Михайлович. (Пивоваров – Яцун). – М. : Кучково поле, 2014. – С. 973.
2. Александров К. Армия генерала Власова 1944-1945. – М. : Яуза, Эксмо, 2006. – С. 208.
3. Великая Отечественная: Комдивы... С. 973.
4. Хоффманн Й. История власовской армии / пер. с нем. Е. Гессен. – Paris : YMCA-PRESS, 1990 // Исследования новейшей русской истории, вып. 8. – С. 58–59.
5. Великая Отечественная: Комдивы... С. 973.
6. Александров К. Указ. соч. С. 19–20.
7. Великая Отечественная: Комдивы... С. 974.
8. Хоффманн Й. Указ. соч. С. 59.
9. Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. V / Шаповалов Михаил Михайлович. (Пивоваров – Яцун). – М. : Кучково поле, 2014. – С. 973.
10. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. (Архив ЦАМО, Фонд 276, Описание 811, Дело 27) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=11267260_1&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A.
11. Неменко А. В. Оборона Крыма 1941 г. Прорыв Манштейна. – М. : Яуза, 2017. – С. 22–23.
12. Там же. С. 27.
13. Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. V... С. 974.
14. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. (ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. л. 146). Т. 16 (5-2). № 286. – М. : Терра, 1996. – С. 268.

15. Переговоры по радио генерал-майор Гречко с командиром 1 оск. Боевые донесения, оперсводки. (Архив ЦАМО, Фонд 371, Опись 6367, Дело 94). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=132314336&backurl=q%5C1%20%D0%BE%D1%81%D0%BA>.

16. Ржевцев Юрий Петрович. Re: Генерал-предатель М.М. Шаповалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voenspez.ru/index.php?topic=43009.msg337958#msg337958>.

17. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. (Архив ЦАМО, Фонд 276, Опись 811, Дело 27) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>.

18. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Книга первая / А. М. Беляев [и др.]. – Краснодар : Советская Кубань, 2000. – С. 369–372.

19. Память народа. Рапорт. Авторы документа: 40 омсбр, полковник Цепляев, батал. комиссар Львов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672578&backurl=q%5C40%20%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%B1%D1%80%20::use_main_string%5Ctrue::grou.

20. Михаил Иванович Озимин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/kakula/post371543618>.

21. Пятигорский Э. И. На остриях войны. Кубань. 1942. Август. Исторические хроники. – Туапсе : Туапсинская типография. – С. 19.

22. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. (Архив ЦАМО, Фонд 276, Опись 811, Дело 27) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A>.

REFERENCES

1. The Great Patriotic War: Division Commanders. *Military biographical dictionary = Voennyj biograficheskij slovar'*. Vol. 5. M.: Kuchkovo pole, 2014, p. 973.

2. Alexandrov K. *Armija generala Vlasova* [The army of General Vlasov 1944-1945]. M.: Yauza, Eksmo, 2006. P. 208.

3. The Great Patriotic War: Division Commanders. *Military biographical dictionary = Voennyj biograficheskij slovar'*, p. 973.

4. Hoffmann Th. The history of the Vlasov army. *Issledovaniya novejshej russkoj istorii = Studies of Contemporary Russian History*, vol.8, pp. 58-59.

5. The Great Patriotic War: Division Commanders. *Military biographical dictionary = Voennyj biograficheskij slovar'*, p. 973.

6. Alexandrov K. *Armija generala Vlasova* [The army of General Vlasov 1944-1945]. M.: Yauza, Eksmo, 2006. P. 19-20.
7. The Great Patriotic War: Division Commanders. *Military biographical dictionary = Voennyj biograficheskij slovar'*, p. 974.
8. Hoffmann Th. The history of the Vlasov army. *Issledovaniya novejshej russkoj istorii = Studies of Contemporary Russian History*, vol.8, pp. 59.
9. The Great Patriotic War: Division Commanders. *Military biographical dictionary = Voennyj biograficheskij slovar'*. Vol. 5. M.: Kuchkovo pole, 2014, p. 973.
10. *Doklad o sostave boevyh operacij 1 OSK* [Report on the composition of combat operations 1 SRC. The period from 05.09.1942 for 05.09.1942 (CAMD, Fund 276, Inventory 811, Case 27)]. Available at: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A> (In Russian).
11. Nemenko A. V. *Oborona Kryma 1941 g. Proryv Manshtejna* [The defense of the Crimea in 1941. Manstein Breakthrough]. Moscow: Yauza, 2017. P. 22-23.
12. Nemenko A. V. *Oborona Kryma 1941 g. Proryv Manshtejna* [The defense of the Crimea in 1941. Manstein Breakthrough]. Moscow: Yauza, 2017. P. 27.
13. The Great Patriotic War: Division Commanders. *Military biographical dictionary = Voennyj biograficheskij slovar'*, p. 974.
14. *Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka V GK: Dokumenty i materialy: 1942 god* [Russian archive: the Great Patriotic war: supreme high command general headquarters: Documents and materials: 1942]. (CAMD, Fund 48A, Inventory 3408, Case 71 L. 146). Vol. 16 (5-2), no. 286. M.: Terra, 1996. P. 268.
15. *Peregovory po radio general-major Grechko s komandirov 1 osk. Boevye done-seniya, opersvodki* [Talks on the radio of Major General Grechko with the commander of 1 SRC. Combat reports, operatives]. (CAMO, Fund 371, Inventory 6367, Case 94). Available at: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=132314336&backurl=q%5C1%20%D0%BE%D1%81%D0%BA> (In Russian).
16. *Rzhevcev Yurij Petrovich. General-predatel' M.M. SHapovalov* [Rzhevtsev Yuri Petrovich. General-traitor M. M. Shapovalov]. Available at: <http://voenspez.ru/index.php?topic=43009.msg337958#msg337958> (In Russian).
17. *Doklad o sostave boevyh operacij 1 OSK* [Report on the composition of combat operations 1 SRC. The period from 05.09.1942 for 05.09.1942 (CAMD, Fund 276, Inventory 811, Case 27)]. Available at: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A> (In Russian).
18. Belyaev M. I. Bondar I.Yu. *Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945. Kniga pervaya* [Kuban during the great Patriotic war, 1941-1945. Book one]. Krasnodar.: Soviet Kuban, 2000. P. 369-372.

19. *Pamyat' naroda. Raport. Avtory dokumenta: 40 omsbr, polkovnik Ceplyaev, batal. komissar L'vov* [Memory of people. Report. The authors document: 40 SMB, Colonel Tseplyaev, Battalion Commissar Lvov]. Available at: https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672578&backurl=q%5C40%20%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%B1%D1%80%20::use_main_string%5Ctrue::grou (In Russian).

20. Mikhail Ivanovich Osimin. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/kakula/post371543618> (In Russian).

21. Pyatigorsky E. I. *Na ostriyah vojny. Kuban'. 1942. Avgust. Istoricheskie hroniki* [On the points of war. Kuban. 1942. August. Historical chronicle]. Tuapse: Tuapse printing house. P. 19.

22. *Doklad o sostave boevykh operacij 1 OSK* [Report on the composition of combat operations 1 SRC. The period from 05.09.1942 for 05.09.1942 (CAMD, Fund 276, Inventory 811, Case 27)]. Available at: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A> (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гурова Е.А. Комкор РККА на службе Вермахта (от защитника Армавира до врага народа) // Е.А. Гурова, А.А. Высоцкий, А.Н. Клоков // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 94–105.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gurova E.A., Vysotsky A.A., Klovov A.N. Red Army Corps Commander in the Service of Wehrmacht (From the Defender of Armavir to the Enemy of the People) // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2010, No. 1, pp. 94–105. (In Russian).

УДК-930

Дударев Сергей Леонидович

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

ОБЪЕКТИВНО ИЗУЧАТЬ ЭТНИЧЕСКУЮ ИСТОРИЮ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация:

Статья посвящена важной научной проблеме – освещению современных подходов к происхождению народов Северного Кавказа и проблем выработки его объективного освещения. Этногенез местных народов в постсоветский период стал полем деятельности не только для академических ученых, но и тех, кто увлекается «паранаукой», «фольк-хистори», т. е. авторов, которые не владеют научными методами исследования, но претендуют на научные открытия в области этногенеза северокавказцев. Они стремятся вывести происхождение автохтонных народов региона от «престижных предков» – народов, создавших цивилизации Древнего Востока, скифов, алан и др. Выдвигаемые «параисториками» версии этногенеза порой служат обоснованием для возникновения т. н. репрессивных мифов, которые дестабилизируют ситуацию в субъектах Северного Кавказа, приводя к оттоку русскоязычного

Dudarev Sergey Leonidovich

doctor of historical sciences,
professor, professor of the
department of general and national
history of Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

LEARNING THE ETHNIC HISTORY OF PEOPLES OF NORTH CAUCASUS OBJECTIVELY

Abstract:

The article is devoted to an important scientific problem – publicizing of modern approaches to origin of the people of the North Caucasus and problems of elaboration of its unbiased interpretation. Ethnogenesis of the local people during the Post-Soviet period became field of activity not only for the academic scientists, but also those who are fond of "parascience", "folk-histori", i. e. authors who do not own scientific methods of a research, but apply for discoveries in the field of ethnogenesis of North Caucasians. They seek to remove origin of the autochthonic people of the region from "prestigious ancestors" - the people which created civilizations of the Ancient East, Scythians, Alan, etc. The versions of ethnogenesis which are put forward by "parahistorians" time serve as justification of la of emergence of so-called repressive myths who destabilize the situation

населения за пределы региона. Обращая внимания на вред, наносимый фантазийными версиями этногенеза делу межнационального общения, автор одновременно обращает внимание на то, что необходимая критика работ «параисториков» должна быть строго научной и объективной в рамках «Этического кодекса кавказоведа». Только просвещающая и отстаивающая научные подходы, показывая многообразие полиэтнической истории Северного Кавказа, развенчивая любую национальную исключительность в культурно-историческом процессе, специалисты – историки, филологи и др. – могут повлиять на оздоровление обстановки в регионе и воспитания подрастающих поколений в духе межнационального уважения.

Ключевые слова:

этногенез, самоидентификация, «фольк-хистори», паранаука, «параисторики», престижные предки, этномобилизация, репрессивные мифы, Этический кодекс кавказоведа, полиэтническая история, межнациональное уважение.

in subjects of the North Caucasus, leading to outflow of the Russian-speaking population out of borders of the region. Paying attention to the harm done by fantasy versions of ethnogenesis to business of international communication, the author at the same time pays attention that the necessary criticism of works of "parahistorians" has to be strictly scientific and objective within "The ethical code of the caucasiologist". Only educating and defending scientific approaches, showing variety of polietnichny history of the North Caucasus, discrediting any national exclusiveness in cultural and historical process, experts are historians, philologists, etc. – can influence improvement of a situation in the region and education of younger generations in the spirit of international respect.

Keywords:

ethno genesis, self-identification, "folk-history", pseudoscience, "pseudo historians", prestigious ancestors, ethno-mobilization, repressive myths, Caucasus historian code of ethics, poly-ethnic history, international respect.

Происхождение народов Северного Кавказа – тема непрекращающихся дискуссий, причем нередко горячих, когда эмоции берут верх над рациональным началом. Причина этого в том, что тема этногенеза, как, пожалуй, никакая другая, связана с проблемой самоидентификации того или иного народа и определения его места в мире. У каждого народа в мире есть легенды, мифы, предания о его происхождении. Но только с какого-то определенного момента они начинают играть доминирующую роль в сознании, когда данная

тема становится едва ли не во главу угла как ученых споров, интеллектуальных бесед, так и уличных и даже «кухонных» разговоров. На Северном Кавказе он наступил не сразу и не вдруг. В XIX в., в период завершения интеграции региона в состав Российского государства, данная тема находилась на периферии сознания местных этносов. Лишь нарождающаяся интеллектуальная элита горских народов, особенно северокавказские просветители, например, такие как кабардинец Шора Ногмов, автор «Истории адыгейского народа» [1, с. 49–53], «черкесский Карамзин» Хан-Гирей, автор «Записок о Черкесии» [2], и другие, чеченец Умалат Лаудаев, написавший работу «Чеченское племя» [3], обнаруживали интерес к ней. В более широких кругах этот интерес стал пробуждаться по мере втягивания горцев в российские государственные структуры, освоения российской (а через нее и мировой) культуры, вовлечения в систему образования, и как следствие – осознания фактов своей истории через призму новых знаний и представлений.

Большой толчок в этом отношении совершился при Советской власти, когда просвещение широко шагнуло в массы и высшее образование, как в Центре, так и на местах, стало достоянием как русских рабочих и крестьян, так и народов т. н. национальных окраин, в том числе, горцев Северного Кавказа. Особенно плодотворным был период после XX съезда КПСС, восстановившего нормы законности, нарушенные в эпоху культа личности Сталина, когда ряд этносов региона был депортирован со своей исторической родины. Приток в северокавказские и столичные вузы национальной молодежи в конце 1950-х – 1970-е гг. привел к появлению плеяды местных историков и филологов, а также краеведов, и в целом – слоя интеллигенции, который принял активное участие, особенно в конце советского периода, в формулировании представлений об этногенезе северокавказских народов. Они были изложены в «Историях» местных национальных субъектов, а также, в сотрудничестве с учеными АН СССР, на страницах «Истории народов Северного Кавказа» (М., 1988). Для заключений о происхождении народов Северного Кавказа были в целом свойственны формулировки об их глубоко автохтонном, местном происхождении, но без упора на чьи-то этнические приоритеты и особую древность присутствия в регионе. Однако в 1980-е гг. появились и такие версии

происхождения народов региона, которые были очень далеки от академических подходов.

Среди последних выделялись те, которые, с одной стороны, стремились непременно найти себе «престижных» предков, с другой – настойчиво и безапелляционно обосновывать присутствие своих этносов на тех или иных землях региона с незапамятных времен. Это привело к конкуренции проектов этногенеза, которые вступали в противоречие и соперничество друг с другом в освоении исторического пространства северокавказского региона [4].

Их появление не может рассматриваться как что-то специфически кавказское, но относится к феномену «фольк-хистори», охватившей планету от Кавказа до Латинской Америки, и являющейся яркой приметой эпохи постмодернизма. Для него характерны плюралистические подходы, в том числе и в области истории, когда различные версии свободно конкурируют друг с другом [5, с. 39–40]. Однако важным условием такого соперничества является разностороннее научное обоснование мнений, уважение к взглядам оппонентов и отсутствие преследований за точку зрения и критику. К сожалению, как мы увидим далее, в наших отечественных условиях последнее условие соблюдалось далеко не всегда.

При этом для местных версий этногенеза преобладала тенденция опереться только на данные того или иного национального языка при объяснении топонимики, гидронимики (т. е. названий местностей, рек и т. д.), и иных данных лингвистического фонда, например, чеченского (работы филолога из Грозного Я.С. Вагапова) [6]. Одновременно предлагалась такая трактовка некоторых национальных традиций, которая была нацелена на поиски дальних и славных пращуров или «родственников» (скажем, институт джентльменства, который есть в Англии, по чеченскому этнографу И.М. Саидову, присутствует и у его народа, из чего делались далеко идущие выводы). Звучали и утверждения о существовании государственных образований у горцев еще несколько тысяч лет назад. Разыскания тех или иных ученых и краеведов еще в 1980-1990-е гг. вели их к поискам корней северокавказских этносов в среде цивилизаций и государств Ближнего Востока (Шумер, Митанни, Урарту) (Л.О. Бабаханян, С.М. Джамирзаев, и др.) [7, с. 5–15; 8, с. 154] и в целом – народов, имевших громкую известность в мировой истории (например,

хаттов, киммерийцев, скифов, алан) (Н.Г. Ловпаче, К.Т. Лайпанов, И.М. Мизиев и др.) [9; 10, с. 4–82]. Особая борьба возникла за аланское «наследство», когда потомками и историческими преемниками алан стали считать себя не только осетины, но и ряд других народов Северного Кавказа. Например, чеченский специалист С.М. Джамирзаев пишет: «Алания и аланы – это также история и чеченцев» [11]. В этом русле, например, примечательно то, что тюркская языковая характеристика переносится в последние 15–20 с лишним лет на весь древний скифо-сарматский мир, который, как отмечает специалист-историк из Владикавказа А.А. Цуциев, «в академических изданиях все еще полагается в своей основе именно ираноязычным» [12, с. 120], и, добавим, имеющим отношение к этнической истории, прежде всего, осетин (давняя и традиционная точка зрения). Удревнение тюркского этнического элемента в центральной части Северного Кавказа, произошедшее в работах известного балкарского ученого И.М. Мизиева, или такого автора, как Р.Р. Тилов, и др., является заметным, и знаковым шагом вглубь веков в караево-балкарском историческом сознании [13].

Подобные поиски понятны в свете отмеченных выше самоидентификационных процессов, стремления ответить на вопросы: «кто мы, и откуда?». Однако в это поле все чаще вторгались представители т. н. «паранауки», от которых еще в 1990-е гг. можно было услышать экстравагантные, ничем всерьез не подкрепленные заявления о скифо-алан-осетинском происхождении Девы Марии, Иисуса Христа и апостолов, а также германского императора Фридриха Барбароссы, и т. п. [14]. Необходимость же рассмотрения разнообразных источников по этнической и этнополитической истории (письменных, лингвистических, археологических, этнографических и пр.) и перекрестный анализ их между собой, исчерпывающая историография предыдущих научных поисков, т. е. учет мнений предшественников в изучении проблемы, нередко попросту игнорировалась.

К сожалению, стремление к доминированию через историю и заслуги предков среди населения определенных республик Северного Кавказа неизбежно привело к т. н. этномобилизации и отразилось на межнациональной обстановке, которая ухудшалась день ото дня. В такой атмосфере особенно неуютно себя чувствовало «русскаязычное» население, которое, прежде всего

восточные славяне, не могло «похвастаться» своими столь же глубокими корнями на Кавказе. Версии этногенеза тех или иных народов постепенно приобретали в работах «параисториков» все более «репрессивные» оттенки, за которыми стояло желание обосновать свой незыблемый приоритет при решении любых вопросов в условиях возникновения новой системы власти [15]. Росло моральное (и, прямо скажем, не только) давление на «некоренные» народы, явившееся одной из основных причин их исхода с территории региона и возникновению в самом недалеком будущем едва ли не моноэтнических республик. Тех же специалистов, которые пытались противодействовать этому, или, например, ратовали за паритетное представительство альтернативных версий происхождения народов Северного Кавказа (В.Б. Виноградов), шельмовали и предавали остракизму.

В 1990-е гг. ряд северокавказских и столичных специалистов (археологов и историков) предприняли усилия, чтобы противостоять этому «тренду», который в условиях новой исторической реальности продолжал набирать обороты на волне «демократизации». Здесь нужно подчеркнуть выступления общественности «Крупновских чтений» по археологии Кавказа – авторитетного форума ученых России (работы И.М. Чеченова, В.А. Кузнецова и др.), в которых звучали предостережения против неправомерного использования исторической науки, ее идеологизации и политизации, играющих деструктивную роль в межнациональных отношениях на Северном Кавказе [16].

Позднее к остроактуальной теме о месте алан в истории современных этносов края обратился московский ученый В.А. Шнирельмана, подготовивший обстоятельную монографию «Быть аланами» (М., 2006). Но она, по нашему мнению, не достигла своих целей, поскольку столичному автору, по идее, боровшемуся с «фольк-хистори», не удалось остаться объективным в своем анализе.

В целом, тема происхождения народов региона продолжает являться одной из наиболее обсуждаемых в кавказоведческой исторической науке.

В этой связи нельзя не упомянуть о симптоматическом всплеске интереса к вопросу о корнях северокавказских народов в среде древних цивилизаций Востока, который случился несколько лет назад в чеченской прессе. Профессор Чеченского государственного университета, известный

археолог, ученик Лауреата Ленинской премии профессора Е.И. Крупнова, М.Х. Багаев, в одной из чеченских газет опубликовал статью под названием «Была ли нахская цивилизация?» [17]. В ней этот ученый, как и ранее, на Всероссийской научной конференции «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность» (Москва, апрель 2005), высказал взвешенные, трезвые и научные позиции по данному вопросу. С одной стороны, их смысл сводится к тому, что нахи, т. е. чеченцы и ингуши, являются автохтонами Кавказа, создавшими оригинальную и самобытную культуру. С другой, специалист дал отпор тем авторам, которые, например, утверждали, что ингушский и чеченский языки – праязыки человечества, первым доисторическим языком Библии (Ветхого Завета) был нахский, и не только Авраам, но и Ной были выходцами из нахов, великий русский язык, как и все языки народов мира, обязан своим происхождением вайнахскому языку, и т. д. и т. п. М.Х. Багаев прямо указывал: «Мы обязаны объявить непримиримую войну авторам подобных творений, в которых якобы «доказывается», что одна из самых ярких цивилизаций древнего мира была нахская (чеченская или ингушская), что не соответствует действительности». Ученый выразил свое согласие с В.А. Кузнецовым и И.М. Чеченовым, отметившими ранее необходимость противостояния паранауке.

После своего выступления наш коллега был в некоторых чеченских СМИ (та же газета «Хьехархо») и в Интернете буквально подвергнут анафеме (с употреблением самого этого термина!) некоторыми чеченскими авторами, несогласными с его подходами, причем, как отметил в своей статье по итогам дискуссии учредитель и редактор указанной газеты Ш. Цуруев, ни один из них не был историком. Подобная ситуация очень характерна для полемик последней четверти века на всевозможных «круглых столах» и даже некоторых научных конференциях, где доводилось участвовать и автору данной статьи. Атмосферу, скорее напоминающую митинг, чем научное собрание, на них часто создают люди, знакомые, преимущественно, с научно-популярной литературой, и, как правило, неспециалисты в области истории, но, разумеется, именующие себя патриотами.

Прав Ш. Цуруев, который, отвечая критикам М. Багаева, написал: «Не кичиться надо своими славными предками... а ответственными надо быть

перед памятью отцов и следовать их нравственным принципам...» [18, с. 3]. Тем не менее «этноориентированные» версии трактовки исторического прошлого Северного Кавказа не следует с порога именовать антинаучными, и огульно отказывать им в праве на существование безо всякого критического разбора и приведения контраргументов.

В данной ситуации нужен широкий диалог академических и альтернативных версий, с применением всего спектра достижений в части источниковедения и историографии по проблеме этнической и этносоциальной истории Северного Кавказа. Для этого, одной стороны, необходимо проведение ряда научных форумов для решения соответствующих научных проблем, а с другой – организация при Южном научном центре РАН (г. Ростов-на-Дону) особой структуры – Института комплексного исследования историко-лингвистических проблем Северного Кавказа, с привлечением кадров ученых из всех субъектов края. Ибо решать эти проблемы необходимо строго научно и в рамках академической и человеческой этики, без навешивания ярлыков и раздувания новой «охоты на ведьм», придерживаясь принятого на втором форуме историков-кавказоведов в 2014 г. «Этического кодекса кавказоведа». Академическим и вузовским ученым необходимо как можно чаще общаться в прессе и на электронных ресурсах с массовой аудиторией и терпеливо разъяснять свои точки зрения. Только так, просвещая и отстаивая научные подходы, показывая многообразие полиэтнической истории Северного Кавказа, развенчивая любую национальную исключительность в культурно-историческом процессе, специалисты – историки, филологи и др. – могут повлиять на оздоровление обстановки в регионе и воспитание подрастающих поколений в духе межнационального уважения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ктиторова, О. В. Шора Бекмурзович Ногмов (1794-1844) / О. В. Ктиторова // II Виноградовские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (Армавир, АГПУ, 7 апреля 2018 г.). – Армавир : Дизайн студия Б, 2018. – С. 49–53.
2. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик : Эль-Фа, 2008. – 364 с.
3. Лаудаев, У. Чеченское племя / У. Лаудаев // ССКГ. – Вып. VI. – Тифлис, 1872. – С. 1–62.

4. История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева : В 3 т. – Нальчик, 2010. – Т. 2. – 368 с.
5. Основные этапы всемирной истории : учебное пособие / под ред. В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева. – Армавир, 2009. – С. 39–40.
6. Вагапов, Я. С. Вайнахи и сарматы / Я. С. Вагапов. – Грозный, 1990. – 125 с.
7. Бабахян, Л. О. К вопросу о некоторых пранакских топонимах и этнонимах Передней Азии, Закавказья и Северного Кавказа / Л. О. Бабахян // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984. – С. 5–15.
8. Джамирзаев, С. М. К этногенезу чеченцев (проблемы, комплексный анализ и основные достижения) / С. М. Джамирзаев // Чеченская республика и чеченцы: история и современность : материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 г. / отв. ред. Х. И. Ибрагимов, В. А. Тишков. – М., 2006. – С. 154.
9. Ловпаче, Н. Г. Этническая история Западной Черкесии / Н. Г. Ловпаче. – Майкоп, 1997. – 325 с.
10. Лайпанов, К. Т. О происхождении тюркских народов / К. Т. Лайпанов, И. М. Мизиев // История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева : В 3 т. – Нальчик, 2010. – Т. 2. – С. 4–82.
11. Гарсаев, Л. М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX вв. [Электронный ресурс] / Л. М. Гарсаев. – Режим доступа: <http://bezogr.ru/odejda-chechencev-i-ingushej-xix-nachala-xx-vv.html>.
12. Цуциев, А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004) / А. А. Цуциев. – М., 2007. – С. 120.
13. Тилов, Р. Р. Говорящая бронза Кавказа: Этническая интерпретация племён кобанской культуры / Р. Р. Тилов. – Нальчик, 2006. – 80 с.
14. Конференция «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа» («XIX Крупновские чтения») (Москва, 1996) // РА. – 1997. – № 2. – С. 284.
15. Тхагапсоев, Х. Г. Мифогенез в новейшей истории российских этносов / Х. Г. Тхагапсоев // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Южнороссийское обозрение. – 2004. – № 24. – С. 132–148.
16. Чеченов, И. М. Обращение участников XIX Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения») к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования // РА. – 1997. – № 2. – С. 285–287.
17. Багаев М. Была ли нахская цивилизация? / М. Багаев // Хъехархо (Преподаватель). – 2010. – № 2.
18. Цуруев, Ш. О первородстве, благородстве и многом другом / Ш. Цуруев // Хъехархо. – № 21/141. 18.11. 2010. – С. 3.

REFERENCES

1. Ktitorova O. V. Shora Bekmurzovich Nogmov (1794-1844)/O. V. Ktitorova // II Vinogradovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Armavir, AGPU, 7 aprelya 2018 g.). – Armavir: Dizajn studiya B, 2018. – S. 49-53.
2. Han-Girej. Zapiski o Cherkessii. Nal'chik: «El'-Fa», 2008. – 364 c.
3. Laudaev U. Chechenskoe plemya/U. Laudaev //SSKG. Vyp. VI. Tiflis, 1872. S.1-62.
4. Istoriya Balkarii i Karachaya v trudah Ismaila Mizieva: V 3 t. – Nal'chik, 2010. T. 2. – 368 s.
5. Osnovnye etapy vseмирnoj istorii. Uchebnoe posobie / Pod red. V.B. Vinogradova i S.L. Dudareva. – Armavir, 2009. – S. 39-40.
6. Vagapov Ya.S. Vajnahi i sarmaty/Ya.S. Vagapov. – Groznyj, 1990. – 125 s.
7. Babahyan L.O. K voprosu o nekotoryh pranahskih tiponimah i etnonimah Perednej Azii, Zakavkaz'ya i Severnogo Kavkaza/L.O. Babahyan // Voprosy istoricheskoy geografii Checheno-Ingushetii v dorevolucionnom proshlom. – Groznyj, 1984. – S. 5-15.
8. Dzhamirzaev S.M. K etnogenezu chechencev (problemy, kompleksnyj analiz i osnovnye dostizheniya)/ S.M. Dzhamirzaev //Chechenskaya respublika i chechency: istoriya i sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Moskva, 19-20 aprelya 2005 g./otv. red. H.I. Ibragimov, V.A. Tishkov. – M., 2006. – S.154.
9. Lovpache N.G. Etnicheskaya istoriya Zapadnoj Cherkessii/N.G. Lovpache. – Majkop, 1997. – 325 s.
10. Lajpanov K.T., Miziev I.M. O proiskhozhdenii tyurkskih narodov /K.T. Lajpanov, I.M. Miziev// Istoriya Balkarii i Karachaya v trudah Ismaila Mizieva: V 3 t. – Nal'chik, 2010. T.2. – S. 4-82.
11. Garsaev L.M. Odezhda chechencev i ingushej XIX - nachala XX vv. [Elektronnyj resurs] /L.M. Garsaev. – <http://bezogr.ru/odejda-chechencev-i-ingushej-xix-nachala-xx-vv.html>
12. Tsutsiev A.A. Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774-2004) /A. A. Tsutsiev. – M., 2007. – S. 120.
13. Tilov R.R. Govoryashchaya bronza Kavkaza: Etnicheskaya interpretaciya plemyon kobanskoj kul'tury/R.R. Tilov. – Nal'chik, 2006. – 80 s.
14. Konferenciya «Aktual'nye problemy arheologii Severnogo Kavkaza» («XIX Krupnovskie chteniya») (Moskva, 1996) //RA. – 1997. – № 2. – S. 284.
15. Thagapsoev H.G. Mifogenez v novejshej istorii rossijskih etnosov/ H.G.Thagapsoev//Politicheskaya mifologiya i istoricheskaya nauka na Severnom Kavkaze. Yuzhnorossijskoe obozrenie. – № 24. – 2004. – S. 132-148.

16. Chechenov I.M. Obrashchenie uchastnikov XIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po arheologii Severnogo Kavkaza («Krupnovskie chteniya») k istorikam-kavkazovedam, ko vsem predstaviteleyam nauki i obrazovaniya//RA. 1997. № 2. - S. 285-287.

17. Bagaev M. Byla li nahskaya civilizaciya? /M. Bagaev /Kh'ekharho (Prepodavatel). 2010. № 2.

18. Tsuruev Sh. O pervorodstve, blagorodstve i mnogom drugom /Kh'ekharho. - № 21/141. 18.11. 2010. – S. 3.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев С.Л. Объективно изучать этническую историю народов Северного Кавказа / С.Л. Дударев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 106–116.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S.L. Learning the Ethnic History of Peoples of North Caucasus Objectively // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 106–116. (In Russian).

УДК-94 (470.6)

Панарина Елена Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей и
отечественной истории ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Panarina Elena Vladimirovna

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Professor of the
Department of General and National
History, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

**МНОГОФАКТОРНЫЙ ХАРАКТЕР
РЕШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНО-
БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**THE MULTIPLE-FACTOR
NATURE OF THE SOLUTION OF
MATERIAL AND HOUSEHOLD
PROBLEMS IN THE NORTH
CAUCASUS DURING THE GREAT
PATRIOTIC WAR**

Аннотация:

В статье рассматриваются основные формы и средства решения материально-бытовых проблем населения Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Анализируется воздействие различных факторов на вопросы обеспечения советских граждан продовольствием, промышленными товарами и жильем. Доказывается приоритетность осуществляемых советским государством мер по решению материально-бытовых проблем, обоснованность применяемой в условиях войны централизованной системы распределения материальных благ. Освещаются различные формы самообеспечения населения Северного Кавказа продовольствием и другими предметами повседневного спроса. Дается оценка совместным усилиям советского государства и общества

Abstract:

In article the main forms and ways of material and household problems of the population of the North Caucasus during the Great Patriotic War are considered. The impact of various factors on the questions of providing the Soviet citizens with food, industrial goods and housing is analyzed. The priority of the measures for the solution of material and household problems which are carried out by the Soviet state, validity of the centralized system of distribution of material benefits applied in the conditions of war is proved. Various forms of self-provision of the population of the North Caucasus with food and other objects of daily demand are highlighted. An assessment is given to joint efforts of the Soviet State and society in the solution of material and household problems in the conditions

в решении материально-бытовых проблем в условиях военного времени. Подчеркивается важность результатов этой деятельности для обеспечения производственной деятельности трудовых коллективов и оказания помощи фронту.

Ключевые слова:

материально-бытовые проблемы, социальная политика, самообеспечение населения, Великая Отечественная война, Северный Кавказ.

of wartime. The importance of the results of this activity for ensuring production of labor collectives and assistance to the front is emphasized.

Keywords:

material and household problems, social policy, self-provision of the population, the Great Patriotic War, the North Caucasus.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для советского народа, проявившимся не только на полях сражений, но и в повседневной жизни населения тыла. Как отмечают авторы фундаментального издания об истории этой самой кровопролитной войны, «рост военного производства достигался путем сокращения выпуска продукции в гражданских отраслях и, как следствие, сопровождался снижением качества жизни людей. Граждане других воюющих держав, где тоже вводилась карточная система, жаловались на нехватку привычных продуктов, дефицит кофе, специй. Ситуация в СССР не шла ни в какое сравнение, поскольку здесь не хватало буквально всего – от продуктов и элементарной одежды (донашивали довоенную одежду, перешивали военную форму) до иголок, ниток, спичек, канцтоваров для школ [1, с. 701].

В такой тяжелейшей ситуации стратегия выживания населения страны, в том числе таких регионов как Северный Кавказ, строилась на основе сочетания различных средств и методов, с использованием как государственных, так и других каналов поступления продукции повседневного спроса. Данная ситуация наглядно отражала многофакторный характер решения материально-бытовых проблем в годы Великой Отечественной войны.

Главным фактором этого процесса являлась социальная политика советского государства. Следует отметить, что вплоть до 1960-х годов официально термин «социальная политика» не использовался. Чаще всего употреблялось понятие государственной политики, направленной на повышение

благополучия советских граждан. Однако, в сущности, речь в данном случае шла именно о задачах социальной политики советского государства.

Механизм распределения социальных благ в СССР был основан на патерналистской модели. Одна из ее характерных черт – жесткое директивное регулирование производства, распределения и обмена социальными благами и услугами. Следующая черта патерналистской модели – этатизм, огосударствление социальной сферы, ее отдельных отраслей и учреждений [8, с. 179].

Перестройка социальной работы в условиях начавшейся войны была направлена на максимальную централизацию распределения потребительских товаров и услуг. С этой целью было введено нормированное снабжение продовольственными и промышленными товарами. Основным источником снабжения населения промышленными товарами являлись централизованные фонды, из которых происходило распределение партий товаров по различным областям страны. Так, в первом квартале 1942 г. для Ростовской области поступило: кожаной обуви и хозяйственного мыла на 4 млн руб., шерстяной ткани на 3 млн руб., керосина на 2 млн руб., спичек на 630 тыс. руб., ниток на 400 тыс. руб., трикотажа на 200 тыс. руб. В то же время поступающие в распоряжение местных органов промышленные товары чаще всего не соответствовали необходимому для выдачи населению объему [6, с. 84].

В связи с этим широкое распространение в годы войны приобрел дифференцированный принцип распределения товаров широкого потребления. Различия в нормах снабжения определялись степенью значимости контингентов потребителей в системе социально-экономических и политических отношений советского общества и, в особенности, значимости для военной сферы. Преимуществами в вопросах снабжения пользовались также льготные категории населения: семьи военнослужащих, инвалиды войны, многодетные матери, дети, потерявшие родителей. Например, к началу февраля 1944 г. практически все семьи военнослужащих г. Краснодара получили те или иные промышленные изделия [9, л. 5]. В Кабардино-Балкарии в период прошедшего двухдекадника с 20 августа по 10 сентября 1943 г. семьям военнослужащих было выдано 124 тыс. предметов одежды и обуви [3, с. 457, 459].

По степени важности первостепенное значение приобрела задача продовольственного снабжения населения. От ее решения зависели возможности выживания советских людей и обеспечение их трудоспособности. Применение карточной системы позволяло охватить продовольственным обеспечением население городов и рабочих поселков, а также представителей сельской интеллигенции.

На территории Северного Кавказа ситуация с продовольственным снабжением менялась в зависимости от общей обстановки в стране и на фронте. Бесперебойно и в соответствие с установленными нормами население снабжалось в начале и на завершающем этапе войны. Наиболее сложной ситуация была в 1942 и 1943 гг., что было связано с оккупацией врагом значительной части зерновых районов и общим падением сельскохозяйственного производства. В период оккупации территории Северного Кавказа продовольственное снабжение фактически прекратилось, что поставило население на грань выживания. Тяжелой была ситуация и в первые месяцы после освобождения региона.

В связи с этим, в эти и другие периоды войны, большую роль в решении материально-бытовых проблем населения играли факторы, относящихся к самостоятельной деятельности населения. К ним, прежде всего, относятся различные формы взаимопомощи населения. Истоки этого явления уходят в традиционные нормы жизни русского и других народов России. Общинная организация, господствовавшая в России на протяжении многих веков, способствовала формированию соответствующего менталитета, основанного на идейных принципах коллективистского мышления и сопричастности в решении сложных жизненных ситуаций. Традиции человеколюбия, взаимопомощи и милосердия определяли принципы отношения членов общины.

В равной степени это было свойственно населяющим Северный Кавказ крестьянам и казакам. Например, на Ставрополье община решала ряд вопросов семейной жизни крестьян, так как была заинтересована в нормальном функционировании семьи, обеспечении воспроизводства населения, а также в защите имущественных прав оставшихся без кормильца детей. Поэтому община следила не только за нравственностью ее членов, но и регулировала

семейные разделы, решала вопросы, связанные с наследством и опекуном. Особую заботу общества вызывали сироты. Если у сироты не было близких родственников, бравших его в семью, то община выделяла средства на содержание таких детей [4, с. 116].

Такие же принципы были присущи казачьей общине и родовой организации северокавказских горских народов. В годы Великой Отечественной войны традиции взаимопомощи сыграли большую роль в решении различных социальных проблем. Люди делились последним куском хлеба, спасая от голода родственников, соседей, друзей, а зачастую и посторонних людей. Совместными усилиями происходило строительство домов, заготовка топлива и производство предметов первой необходимости. В производственных коллективах и по месту жительства осуществлялась помощь наиболее нуждающимся гражданам.

Организованные формы оказания этой помощи осуществлялись в рамках деятельности не только государственных органов, но и общественных организаций. Прежде всего, речь идет о таких массовых общественных организациях, как партийные, комсомольские и профсоюзные организации. Следует отметить, что наряду с выполнением функций по реализации социальной политики общественные организации зачастую выступали с собственными инициативами, опирающимися на традиции народной взаимопомощи.

Еще одним фактором решения материально-бытовых проблем являлись самостоятельные действия отдельных граждан и семей, направленные на преодоление трудностей военного времени. Проявления этих действий были самые разнообразные и касались широкого круга вопросов. Например, расширение скудного рациона питания происходило путем ведения личного подсобного хозяйства, обработки индивидуальных огородов. Так, в Краснодарском крае в 1944 г. огороды имели 15 385 семей медицинских работников с земельной площадью – 1983 га, а в Ставропольском крае – 11 264 семьи, с общей площадью земли 611,5 га [2, л. 32]. Организованной формой самопомощи являлись подсобные хозяйства предприятий и учреждений, рост которых происходил на протяжении военного времени. Например, в г. Краснодаре в 1942 г. насчитывалось всего 36 подсобных хозяйств, а в ноябре 1944 г. их число увеличилось до 118 [5, с. 218].

В наиболее сложном положении находились колхозники, составляющие большую часть населения Северного Кавказа. Лишенные возможностей нормированного снабжения, они получали продукты питания за счет трудодней. Повышение их минимума и увеличение обязательных поставок колхозов в годы войны, ограничивали возможности колхозников в получении произведенной ими продукции. В связи с этим, основным источником продуктов питания для колхозников являлось приусадебное хозяйство. В зависимости от природных условий различных районов Северного Кавказа сельское население использовало в питании дикорастущие травы, ягоды, плоды, грибы, рыбу и дичь.

Самообеспечение предметами первой необходимости осуществлялось за счет кустарного домашнего производства одежды, обуви, предметов домашнего обихода. Решение многих других вопросов жизнеобеспечения также зачастую решались самими гражданами. Указанные факторы взаимопомощи и самопомощи населения не противоречили проводимой социальной политике и, более того, получали одобрение со стороны государства.

Наряду с легальными факторами решения материально-бытовых проблем действовал и нелегальный. Тяжелая ситуация с продовольственным и промтоварным обеспечением, с одной стороны, и отсутствие должной сознательности, с другой стороны, толкала часть населения на совершение противоправных поступков. Так, весной 1943 г. в Ростовской области были выявлены многочисленные случаи хищения промышленных товаров. Органами милиции у привлеченных за спекуляцию лиц было изъято товаров на сумму 2 175 тыс. руб. [10, л. 19–21]. Этот незаконный канал обеспечения части населения товарами также следует учитывать при исследовании данной темы. Кроме отмеченных факторов в широкомасштабной истории войны можно найти примеры других путей решения материально-бытовых проблем, например, использования гуманитарной помощи союзников. Однако они не играли серьезной роли в повседневной жизни советского общества.

Одной из сложнейших проблем в годы войны являлась жилищная проблема. Существенное сокращение жилищного фонда в результате боевых действий и оккупации территории Северного Кавказа лишили сотни тысяч людей элементарных условий проживания. Восстановление

жилищно-коммунального хозяйства происходило на основе использования централизованных средств и максимального привлечения местных производственных ресурсов и населения.

В результате ремонтно-восстановительных работ удалось ввести в эксплуатацию часть используемого до войны жилого фонда. Его распределение осуществлялось на основе дифференцированного принципа, что предусматривало первоочередное наделение жильем номенклатурных работников, семей военнослужащих и инвалидов войны. Широкое применение приобрела практика уплотнения, т. е. подселения нуждающихся граждан в квартиры и частные дома, где имелась избыточная по существующим нормам жилплощадь. Несмотря на это, значительная часть городского населения к концу войны не сумела получить место в коммунальных квартирах и продолжала жить в малоприспособленных помещениях: бараках и подвалах. Многие жители стремились самостоятельно улучшить свои жилищные условия. Например, в Ростове н/Д к апрелю 1944 г. силами жильцов было восстановлено 2 927 квартир площадью 64 394 кв. м [7, л. 14–15].

Сложная ситуация с жилищными условиями сохранялась на протяжении всей войны в сельской местности. Предпринятое индивидуальное строительство не дало ощутимых результатов, и значительная часть сельского населения Северного Кавказа вынуждена была проживать в полуразрушенных строениях и землянках. Большинство сельских населенных пунктов региона было лишено электроэнергии и водоснабжения. Как в селах, так и в городах нормальному отоплению жилых помещений препятствовала острая нехватка топлива.

Оценивая в целом результаты решения материально-бытовых проблем в годы войны, следует отметить, что сложившаяся к моменту нападения фашистской Германии административно-командная система в наибольшей степени соответствовала возникшей экстраординарной обстановке. Это позволило в короткий срок создать достаточно эффективный механизм распределения потребительских товаров и услуг. В то же время ограниченность возможностей централизованного распределения способствовала повышению роли самостоятельных действий населения по преодолению существующих трудностей.

Воздействие указанных факторов способствовало ослаблению материально-бытовых проблем. За годы войны в советском тылу не было случаев массовой голодной смерти, наименее защищенные категории населения получали помощь и поддержку. Благодаря этому стали возможными напряженная производственная деятельность, обеспечение армии вооружением, обмундированием и продовольствием. В конечном счете, это способствовало победе над врагом и дальнейшим перспективам развития советского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война 1941-1945 годов : в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. – М. : Кучково поле, 2014. – 864 с.
2. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1429. Оп. 1. Д. 8.
3. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. – Нальчик : Эльбрус, 1975. – 796 с.
4. Невская, Т. А. Общинная организация как орган самоуправления славянского населения Северного Кавказа / Т. А. Невская // Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра. – Ставрополь : Пресса, 2004. – С. 110–120.
5. Панарина, Е. В. Роль подсобных хозяйств в обеспечении продовольствием населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Панарина // Народ. Война. Победа : сб. ст. Международной науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (г. Новороссийск, 28-30 мая 2015 г.). – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – С. 216–220.
6. Панарина, Е. В. Характер и формы распределения промышленных товаров на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / Е. В. Панарина // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 1. – Ч. 2. – С. 83–85.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1299.
8. Смирнов, С. И. Социальная политика : учебное пособие / С. И. Смирнов, Т. Ю. Сидорина. – М. : Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 432 с.
9. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 2398.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 1. Д. 376.

REFERENCES

1. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: v 12 t. T. 10. Gosudarstvo. Obshchestvo i voyna* [The Great Patriotic war of 1941-1945: 12 vol. Vol. 10. State, society and war]. M.: Kuchkovo pole, 2014. 864 p.

2. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [The state archive of Stavropol Krai]. Fund R-1429. Inventory 1. Case 8.
3. *Kabardino-Balkariya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941-1945 gg* [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War. 1941-1945] A collection of materials. Nalchik: Elbrus, 1975. 796 p.
4. Nevskaya T.A. Community organization as a body of self-government of the slavic population of the North Caucasus. *Mestnoye samoupravleniye: vchera. segodnya. Zavtra = Local Self-government: Yesterday, Today, Tomorrow*. Stavropol ZAO «Pressa», 2004, pp. 110-120. (In Russian).
5. Panarina E.V. the Role of subsidiary farms in providing food to the population of the Don and the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Narod. Voyna. Pobeda: sb. st.Mezhdunarodnoynauch.-prak. konf. posvyashch. 70-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941-1945 gg. = People. War. Victory: A Collection of Articles of the International Scientific Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945*. (Novorossiysk, 28-30 March 2015). Penza: PGU, 2015, pp. 216-220. (In Russian).
6. Panarina E.V. The nature and forms of distribution of industrial goods on the Don and the North Caucasus during the Great Patriotic War. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl = Historical and Socio-educational Thought*, 2016, vol. 8, no.1, part 2, pp. 83-85. (In Russian).
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [The Russian State Archive of Social and Political History]. Fund 17. Inventory 44. Case 1299.
8. Smirnov S.I., Sidorina T.Yu. *Sotsialnaya politika* [Social policy]. M.: Publishing House HU HSE, 2004. 432 p.
9. *Tsentralnyy dokumentatsionnyy tsentr istorii Krasnodarskogo kraya* [Documentation Center of the Newest History of Krasnodar Region]. Fund 1072. Inventory 1. Case 2398.
10. *Tsentralnyy dokumentatsionnyy tsentr istorii Krasnodarskogo kraya* [Documentation Center of the Newest History of Krasnodar Region]. Fund 9. Inventory 1. Case 376.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панарина Е.В. Многофакторный характер решения материально-бытовых проблем на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / Е.В. Панарина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 117-125.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Panarina E.V. The Multiple-factor Nature of the Solution of Material and Household Problems in the North Caucasus During the Great Patriotic War // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 117-125. (In Russian).

УДК-69

Тлячев Анатолий Анатольевич
аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Tlyachev Anatoly Anatolyevich
post-graduate student, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ- МУХАДЖИРОВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

THE PROBLEM OF RESETTLEMENT OF THE WEST CIRCASSIANS- MUHAJIRS TO THE OTTOMAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Аннотация:

В данной статье рассказывается о причинах и ходе переселения западных адыгов в Османскую империю, а так же о проблемах в их расселении, вызванных массовостью вынужденных переселенцев-мухаджиров. В статье используются архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию; история адыгов в документах Османского государственного архива, которые показывают причины и проблемы в переселении адыгов на территорию Османской империи. Кроме этого в работе используются доклады начальника главного штаба Кавказской армии генерала Д.А. Милютина, а также доклад самсунского санитарного инспектора г-на Бароцци Комитету здоровья Османской империи. В статье так же описана деятельность Комиссии по переселению горцев на территорию Османской империи.

Abstract:

This article describes the causes and the course of the resettlement of the western Circassians into the Ottoman Empire as well as the problems with their resettlement caused by the mass character of the forced migrants-muhajirs. The article uses archival materials about the Caucasian War and the eviction of Circassians (Circassians) to Turkey and the history of the Circassians in the documents of the Ottoman State Archive, which show the causes and problems in the resettlement of the Circassians into the territory of the Ottoman Empire. In addition, the work uses the reports of the Chief of the General Staff of the Caucasian Army, General D.A. Milutin as well as the report of the Samsun sanitary inspector Mr. Barozzi to the Health Committee of the Ottoman Empire. The article also describes the activities of the Commission for the resettlement of the Highlanders to the territory of the Ottoman Empire.

Ключевые слова:

*Турция, переселение, адыги,
Османская империя, Российская
империя, Кавказская война, горцы.*

Keywords:

*Turkey, resettlement, Circassians,
the Ottoman Empire, the Russian
Empire, the Caucasian War, Gortsy.*

Кавказская война была и остается судьбоносной и трагической страницей для адыгского народа, послужившей в итоге основной причиной как уничтожения части адыгского этноса, так и массового их выселения на территорию Османской империи.

Переселение адыгов в пределы Османской империи началось на завершающем этапе Кавказской войны, когда Россия приступила к систематическому и планомерному заселению Северо-Западного Кавказа русскоязычным населением. Процесс, связанный с вынужденным переселением горцев Кавказа в Турцию известен в истории под названием мухаджирство. Процесс переселения Западных адыгов и их расселения на территории Турции широко обсуждается в XIX веке, в дипломатических переписках России и Турции, а так же в докладах Турецких и Российских послов, чиновников, градоначальников и военных деятелей, в этих обсуждениях постоянно видны попытки снять с себя какую-либо ответственность за судьбу адыгов как со стороны России, так и со стороны Турции.

Впервые мысль о выселении горцев из родных земель и колонизации Кавказа была предложена начальником Главного штаба Кавказской армии генералом Д.А. Милютиным в 1857 году в особой докладной записке [7, с. 165], и, несмотря на то что данный проект о переселении адыгов на территории России был отменен, тем не менее в 1860 году все-таки были приняты попытки расселения натухаевцев в количестве 160 человек на территории центральной России, которые потерпели неудачу, ввиду высокой смертности горцев на выделенных им местах проживания. Убедившись на практике, что адыги решительно отказываются покорно принимать условия их расселения на территории России, высшее кавказское начальство решило пойти по более простому пути решения вопроса освобождения земель Северо-Западного Кавказа от их коренных народов – пути выселения их в Турцию. С целью выполнения данной программы были приняты как ряд гуманных добровольных мер, включающих в себя проведение постоянной агитации о перспективах

проживания на территории Турции, проводимой среди адыгов представителями России и Турции, выделения денежных субсидий семьям адыгов на их переезд в Турцию, формирования комиссий оказывающих помощь в отправке семей адыгов в Турцию [8]. Так и ряд мер принудительного характера, таких как формирование особых отрядов для изгнания людей и уничтожения не покорившихся аулов и сжигания полей, с целью создания невозможных условий для дальнейшего проживания адыгов, насильственное конвоирование целыми аулами Западных адыгов в специальные лагеря на побережье и дальнейшая их отправка на судах в Турцию. Войскам было предписано двигаться облавой и принуждать целые аулы к переселению, давая им кратковременный срок для сбора имущества.

Полковник Шарап писал: «Помню, наш отряд под командою генерала Баби́ча, в чудеснейшие дни начала лета, как саранча, передвигался к чудным землям горцев, и их на диво богатые нивы: пшеницы, ржи, проса, кукурузы – ломом ложились под ногами солдат, лошадей, артиллерии; разбросанные причудливо хуторками аулы горели и своим дымом заставляли принимать только что вполне резвившуюся листву неестественно белый цвет» [9, с. 213]. При этом необходимо отметить отсутствие каких-либо условий для проживания в отправочных лагерях, постоянный голод, который сопровождали многочисленные случаи заболеваний оспы и тифа. Все это вынуждало горцев как можно наиболее быстро загружаться на корабли для отправки в Турцию в надежде на достойные условия жизни, значительно переполняя суда, что в дальнейшем влекло высокую заболеваемость оспой и тифом и соответственно смертность во время плавания, особенно среди детей.

Выселение западных адыгов в Турцию совершилось в 2 этапа: первый – в 1859-1862 гг., второй – 1863-1864 гг. Хотя официально по документам выселение началось после выхода постановления Кавказского комитета от 10 мая 1862 года «О переселении горцев», тогда же была образована Комиссия по делу о переселении горцев в Турцию. Комиссия была уполномочена организовывать переселение горцев Северного Кавказа, выдавать им денежные пособия и вести переговоры с владельцами транспортных судов о перевозке эмигрантов [5]. Но неожиданные для властей как Османской, так и Российской империй масштабы переселения практически сорвали намерения правительств

провести переселение цивилизованно. Следует отметить, что представления о численности черкесских племён оказались значительно заниженными.

Первый этап расселения Западных адыгов, переселяющихся на территорию Турции, по предварительным договоренностям с турецкими властями, носил организованный характер. Согласно донесениям и депешам, представляемым в адрес Осман-Паши турецкими градоначальниками и чиновниками, ответственными за расселение Западных адыгов, прибывающие переселенцы либо сразу направлялись в предварительно подготовленные для них места проживания, либо размещались во временных лагерях и казармах до их дальнейшего распределения на территории Турции [6], при этом обеспечение необходимыми материальными средствами и едой осуществлялось на должном уровне. Было организовано множество благотворительных фондов, по оказанию помощи адыгам-мухаджирам, всесторонне поддерживаемым со стороны официальных властей. Такое отношение со стороны Турции, как и постоянная пропаганда турецкой агентуры по переселению адыгов на ее территорию в России, была вызвана, прежде всего, крайней заинтересованностью турецкой стороны в наибольшей численности мухаджиров на территории Османской империи. За счет адыгского этноса планировалось полностью восстановить численность турецкой армии, для чего путем рекрутского набора, были созданы военные поселения, вроде казачьих станиц, из которых формировалась черкесская «милиция» для защиты пограничных линий. Кроме того, турецкое правительство стремилось использовать черкесов-переселенцев против местного христианского населения. Поэтому черкесские поселения должны были как бы прорезать славянские массивы, создавалась «живая перегородка» из мусульман между христианами (болгарами, сербами). Если же черкесы не желали селиться в таких местах, а хотели остаться в облюбованных ими районах (например, на берегах Дуная), то их принуждали к переезду силой оружия.

Однако, несмотря на все меры, принимаемые турецкими властями, их инфраструктура не была подготовлена к той массовости и стихийности переселенческого движения, которое сопровождало второй этап переселения. При этом все обращения турецких властей к Российской империи с просьбами хотя бы частично ограничить отправку переселенцев не приносили

никакого результата. В итоге на побережье с турецкой стороны стали массово возникать карантинные черкесские лагеря, получившие в дальнейшем названия в зарубежной прессе «Лагеря смерти».

Только по официальным данным России, с 1858 по 1865 г. в Турцию через черноморские порты было выселено 440 053 западных черкесов, сколько же было переправлено без помощи Российских властей остается под вопросом и по нынешний день. Историк Узбек Батрай пишет, что в 60-х годах в Турцию эмигрировало более 400 тысяч, а до этого времени – 236 718 человек. Их перевозили на турецких и российских кораблях, высаживая в различных портовых городах – Самсуне, Трапезунде, Синопе, Варне, Измире, Измите, Стамбуле, Искендероне, Латакии, Хайфе и др. Турецкие исследователи по политическим мотивам стараются приуменьшить численность переселенцев в прошлом веке в Турции.

Как уже писалось выше, Турецкие власти не были готовы к столь массовому переселению адыгов. Предварительное содержание их в плохих условиях еще на территории Российской империи, перегруженные судоперевозчики, голод, болезни и высокая смертность приводили к тому, что еще при высаживании на турецкое побережье, адыги были уже настолько ослаблены, что большинству из них требовалась медицинская помощь, не говоря уже о питании. Вместо этого, с целью предотвращения массового распространения в городах тифа и оспы они размещались тут же на побережье в карантинных лагерях без создания каких либо элементарных условий проживания, без обеспечения и без возможности выхода в близлежащие населенные пункты, что влекло за собой высокую смертность.

Из письма вице-консула России в Трапезунде Мошнина начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову о ходе переселения горцев, местах их расселения по Турции и об усилении среди них смертности говорится, что выселение горцев продолжается, и весь Анатолийский берег от Батума до Пендераклии ими наполнен. Постараюсь по возможности быть систематическим [1].

В Батуме переселение началось только в последнее время, горцев прибыло туда около 6 000; 4 000 уже отправлены в Чуруксу на границу, куда будут отправлены и последние. Горцы эти пришли вместе со своим скотом.

Средняя смертность семь человек в день. Скот сильно изнурен и падает. С начала выселения здесь, т. е. в Трапезунде и его окрестностях, перебивало 247 тыс., умерло до сего дня с лишком 19 тыс., теперь в наличности в Трапезунде и окрестностях 63 000. Средняя смертность в день от 180-250 человек.

В «Morning Post» от 13-го числа помещен следующий доклад самсунского санитарного инспектора г-на Бароцци Комитету здравия Оттоманской империи, в котором достаточно высказывается о неспособности турецких властей и их несостоятельности в оказании помощи черкесским эмигрантам [10]. Несмотря на уверения некоторых лондонских газет, старающихся выставить в благоприятном свете действительность мер, принятых оттоманскими властями в пользу эмигрантов. Передавая этот доклад, считаем не излишним припомнить, что стремление горцев к переселению было вызвано в них заманчивыми обещаниями счастливого будущего в Турции.

В дальнейшем эти сведения подтверждаются в письме вице-консула в Трапезунде Мошнина начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову «О тяжелом положении черкесов и о желании вернуться с условием принятия христианства»: Считаю долгом препроводить у сего к Вашему превосходительству (письмо), в котором помещен отчет доктора Бароцци по черкесскому вопросу. Он довольно правдоподобен, хотя цифры смертности значительно усилены. Зато все, относящиеся до распоряжений местного начальства, голая истина.

Вот что рассказывает нам академик А. Берже [3], которому пришлось быть очевидцем переселенческого движения в 1864 году: «...никогда не забуду того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 тыс. человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшие между ними эпидемии тифа и оспы делали положение их отчаянным. И, действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах, лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся с жизнью, в то время как другой искал утоление голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало» [2, с. 362–363]. Один из пропагандистов военной политики царизма

И. Дроздов вспоминал: «Такое бедствие и в таких размерах редко постигало человечество» [4].

Десятки тысяч адыгов покоятся на дне Черного моря. Оставшиеся в живых пережили на чужбине огромные трудности, вынужденные расселяться, кто как мог по странам Ближнего Востока и не только.

Черкесам – мужчинам, поступающим на службу в турецкую армию, приходилось продавать свои семьи на невольничьих рынках, так как в армию брали только холостых, а женщины нередко продавали своих детей в надежде лишь на то, что они не умрут с голода. На все же прошения и обращения в Российское консульство со стороны адыгских представителей с просьбой вернуться на территорию России на любых условиях, вплоть до смены вероисповедания был получен отказ.

Таким образом, как мы видим, что причины переселения в значительной степени обусловили положение адыгов в Османской империи. Массовый характер переселения, его сжатость во времени, бедственное положение адыгов, фактически лишившихся всего имущества, превращало их переселение в весьма сложную для Османской империи проблему, усугубившуюся кризисными моментами, которые в этот период переживала Османская империя.

На переселении отрицательно сказалось и то обстоятельство, то ни российское, ни турецкое правительство не имели финансово подкреплённых планов переселения. Отсюда проистекали принятые правительством Османской империи чрезвычайные меры: создание специальных переселенческих комитетов, привлечение общественных организаций, местного крестьянства. Более того, срочное и масштабное переселение не воспринималось общественным мнением, что требовало немалых усилий от османского правительства для того, чтобы внедрить в общественное сознание мысль о целесообразности принятия переселенцев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию. Ч. 2. – Нальчик : Эль-Фа, 2003. – С. 13.
2. Берже, А. П. Выселение горцев с Кавказа [Электронный ресурс] / А. П. Берже. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Berze/text2.htm>.

3. Берже, А. П. Выселение горцев с Кавказа [Электронный ресурс] / А. П. Берже // Русская старина. – 1882. – Т. 33. – Режим доступа: az.lib.ru/b/berzhe_a_p/text_1880_vyselenie_gortzev_s_kavkaza.shtml.
4. Дроздов, И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе [Электронный ресурс] / И. Дроздов // Кавказский сборник. – Тифлис, 1877. – Т. 2. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Drozdo_v_I/text3.htm.
5. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). – Майкоп : Изд-во МГТУ, 2007.
6. История адыгов в документах Османского государственного архива. Вып. 1. Начальник: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009.
7. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб., 2005. – 165 с.
8. Лайпанов, Х. О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию / Х. О. Лайпанов // Труды Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ. Серия историческая. – Ставрополь, 1966.
9. Смирнов, Н. А. Политика России на Кавказе в XV-XIX вв. / Н. А. Смирнов. – М., 1958. – 213 с.
10. Сообщение о публикации в английской газете "MorningPost" доклада санитарного врача города Самсун Комитету здоровья Оттоманской империи о трагическом положении кавказских горцев в Турции [Электронный ресурс]. АВПР, СПб., Главный архив, 1–9, 1863 г., д. 19, л. 127–128, 1864. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Probl_kavk_vojny/221-240/235.htm.

REFERENCES

1. *Arhivnye materialy o Kavkazskoj vojne i vyselenii cherkesov (adygov) v Turciyu. CHast' 2* [Archival materials about the Caucasian War and the eviction of Circassians (Adyghe) to Turkey. Part 2]. Nalchik: El-fa 2003, p. 13 Available at: <http://ratmistr.livejournal.com/3082809.html>. (In Russian).
2. Berzhe A.P. *Vyselenie gorcev s Kavkaza* [The Eviction of the Gortsy from the Caucasus], pp. 362, 363. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Berze/text2.htm>. (In Russian).
3. Berzhe A.P. The eviction of the Gortsy from the Caucasus. *Russkaya starina = Russian antiquity*, 1882, vol. 33. Available at: az.lib.ru/b/berzhe_a_p/text_1880_vyselenie_gortzev_s_kavkaza.shtml. (In Russian).
4. Drozdov I. The Last Fight with the Gortsy in the Western Caucasus. *Kavkazskij sbornik = Caucasian Collection*. Tiflis, 1877, Vol.2 Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Drozdo_v_I/text3.htm (In Russian).

5. *Zapadnaya CHerkesiya v sisteme vzaimodejstviya Rossii s Turciej, Anglijej i im-atom Shamilya v 18 v. (do 1864 g.)* [Western Circassia in the system of interaction of Russia with Turkey, England and Shamil's Imamatus in the 19th century (until 1864)]. Maykop: MSTU, 2007.

6. *Istoriya adygov v dokumentah Osmanskogo gosudarstvennogo arhiva* [The history of the Adyghe in the documents of the Ottoman State Archive]. Issue 1. Nflichik: State Enterprise KBR "Republican Printing House named after the Revolution of 1905", 2009.

7. *Kavkaz i Rossijskaya imperiya: proekty, idei, illyuzii i real'nost'* [The Caucasus and the Russian Empire: projects, ideas, illusions and reality]. St. Petersburg., 2005. 165 p.

8. Laypanov Kh. O. On the history of the resettlement of the mountaineers of the North Caucasus to Turkey. *Trudy Karachaevo-CHerkesskogo NIIHIAL. Seriya istoricheskaya = Proceedings of the Karachay-Circassian Scientific Research Institute of Nuclear Physics. Historical series.* Stavropol, 1966.

9. Smirnov N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XV-XIX vv.* [Russia's policy in the Caucasus in the XV-XIX centuries]. M., 1958. 213 p.

10. *Soobshchenie o publikacii v anglijskoj gazete «MorningPost» doklada sanitarnogo vracha goroda Samsun Komitetu zdравиya Ottomanskoj imperii o tragicheskom polozenii kavkazskih gorcev v Turcii* [The note on the publication of the report of the sanitary doctor of the city of Samsun to the Health Committee of the Ottoman Empire about the tragic situation of the Caucasian mountaineers in Turkey in the English newspaper "MorningPost"]. SPb., Main archive, 1–9, 1863, case. 19, l. 127–128, 1864. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Probl_kavk_vojny/221-240/235.htm (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тлячев А.А. Проблема переселения западных адыгов-мхаджиров в Османскую империю во второй половине XIX века / А.А. Тлячев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 126–134.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tlyachev A.A. The Problem of Resettlement of the West Circassians-muhajirs to the Ottoman Empire in the Second Half of the XIX Century // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 126–134. (In Russian).

УДК-39:93/99

**Филонович Светлана
Александровна**

преподаватель кафедры
этномузыкологии ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный
институт искусств» (г. Воронеж)

**ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
В ЗОНЕ РУССКО-УКРАИНСКИХ
КОНТАКТОВ**

Аннотация:

*На территории Центрального Черноземья исторически проживают два крупных этноса: русские и украинцы. Компактно заселенные украинцами районы находятся в Воронежской, Белгородской, Курской областях. Подобный этнокультурный контекст, безусловно, оказывает влияние на традиционную культуру региона. Вот почему исследование традиционной культуры Черноземья невозможно без понимания происхождения массово проживающих здесь украинцев и их роли в освоении края. Вопрос заселения Центрального Черноземья (в XVII веке – «Поля») был всесторонне изучен как русскими, так и украинскими историками. На основании их трудов и исторических документов в статье выделены три основных этапа взаимоотношений обоих этносов на исследуемой территории:
1) древнерусская общность;*

**Filonovich Svetlana
Aleksandrovna**

Lecturer of the Department
of an Ethnomusicology,
Voronezh State Institute of Arts
(Voronezh)

**THE HISTORY
OF THE SETTLEMENT
OF THE CENTRAL BLACK
EARTH REGION IN THE AREA
OF RUSSIAN-UKRAINIAN
CONTACTS**

Abstract:

*Two major ethnic groups historically inhabited in the Central Black Earth Region: Russians and Ukrainians. Areas densely populated by Ukrainians are in Voronezh, Belgorod, Kursk regions. Such ethno-cultural context, of course, has an impact on the traditional culture of the region. That is why the study of the traditional culture of the Black Earth Region is impossible without an understanding of the origin of Ukrainians living here and their role in the development of the region. The question of settlement of the Central Black Earth Region (in the XVII century – "Field") was comprehensively studied by both Russian and Ukrainian historians. On the basis of their works and historical documents, the article identifies three main stages of relations between the two ethnic groups in the study area:
1) old Russian community;*

2) обособление этносов;
3) сближение в период колонизации «Поля». Рассматривается роль Слободских казачьих полков в заселении западных районов Черноземья, которые впоследствии получили название «Слобожанщина». Исследуется история возникновения экзонимов и этнонимов: черкасы, малороссы, украинцы, хохлы, москаль, а также проблема этнической самоидентификации украинцев, проживающих на территории западных районов Центрального Черноземья. Настоящая статья служит преамбулой к дальнейшему рассмотрению русско-украинского взаимодействия в Центральном Черноземье.

Ключевые слова:

Центральное Черноземье, Слобожанщина, Малороссия, «Поле», восточные славяне, русские, украинцы, черкасы.

2) isolation of ethnic groups;
3) rapprochement during the colonization of the "Field". The role of Slobodian Cossack regiments in the settlement of the Western regions of the Black Earth Region, which later received the name "Slobozhanshchina", is considered. The history of the origin of exonyms and ethnonyms such as Cherkassy, Ruthenians, Ukrainians, Khokhly, Muscovites, as well as the problem of ethnic self-identification of Ukrainians living in the Western regions of the Central Black Earth Region are studied. This article serves as a preamble to the further consideration of the Russian-Ukrainian interaction in The Central Black Earth Region.

Keywords:

Central Black Earth Region, Slobozhanshchina, Ruthenia, "Field", Eastern Slavs, Russians, Ukrainians, Cherkassy.

Исследование традиционной культуры Черноземья невозможно без понимания того, откуда здесь так много украинцев и какую роль они сыграли в освоении края. Настоящая статья должна дать ответ на эти вопросы и послужить преамбулой к дальнейшему рассмотрению русско-украинского взаимодействия в Центральном Черноземье.

Компактно заселенные украинцами районы находятся в Воронежской, Белгородской, Курской областях. Сам термин «Черноземье» возник лишь в XX веке для обозначения географического региона с особым экономическим статусом. Тем не менее, эта территория обладала признаками общности и до XX века. Во-первых, она относится к области древнего расселения восточных славян: историки указывают на появление в верховьях Дона в IX веке «донских славян». Во-вторых, границы Черноземья почти совпадают с границами

опустевших к XIV веку земель, которые в летописях того времени получили название «Поле».

В истории взаимоотношений русских и украинцев можно выделить три периода: 1) древнерусский (объединение восточнославянских племен в древнерусское государство); 2) обособление и формирование этнических различий в восточнославянской общности и разделение её на великорусов, белорусов и малорусов; 3) колонизация малозаселённых земель «Поля» в XVII веке великорусами и малорусами.

Разделение этносов и появление этнонимов «русские» и «украинцы» складывалось веками. Общее самосознание великорусской общности было утрачено в период феодальной раздробленности (XII-XIV вв.), когда под влиянием политических и экономических факторов формировались новые территориальные объединения, этнографические особенности территорий, усугублялись диалектные различия, зарождались признаки разделения народов на этнические группы, появлялись новые термины для их обозначения. «В конце XIII века на долгие столетия разошлись исторические государственные судьбы Юго-Западной и Северо-Восточной Руси» [8, с. 16].

Многие российские историки XVIII-XIX вв. (В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и т. д.) придерживались взгляда, что роль государствообразующей (титульной) нации от Древнерусского государства принял русский народ. Они не описывали обособление народов внутри восточнославянской общности на великорусов, белорусов и малорусов, хотя в их эпоху эти различия уже существовали.

По мнению российского историка Н.И. Костомарова и украинских историографов В.Б. Антонович и Д.И. Багалея, термины «Малороссия» и «Южная Русь» появились во времена борьбы Русского государства и Речи Посполитой (1569-1795). Они стали этнонимами для «малороссийской/южнорусской» народности, в то время как термин «украина» был топонимом для обозначения окраинных земель в обоих государствах.

Период колонизации малозаселённых земель «Поля» в XVII веке русскими и украинцами были подробно исследован украинским историком Д.И. Багалеем (1857-1932) в его «Очерке по истории колонизации степной окраины Московского государства» и воронежским историком

В.П. Загоровским (1925-1994) в работах «Белгородская черта» [5], «История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке» [6].

Заселение Черноземья можно отнести к так называемой вторичной колонизации края, поскольку, судя по исследованиям Д.И. Багалея, В.П. Загоровского, до начала XVI века постоянного населения на этой территории практически не было. «По сравнению с другими русскими землями, входившими после образования централизованного государства в пределы государственной территории России, Центральное Черноземье имело одну весьма существенную особенность: здесь на рубеже XV и XVI столетий практически (за исключением крайней западной части современной Курской области) не имелось постоянного населения, не существовало городов и сел. Это был запустевший в результате монголо-татарского нашествия и установления длительного монголо-татарского ига край» [5, с. 5].

В XVI веке Московское государство вынуждено было принять некоторые меры, чтобы «...обезопасить себя от татар и вместе с тем расширить свои южные границы за счет поля, т. е. незаселенного пустого пространства, отделявшего Московию от Татарии» [1, с. 36]. К таким мерам Багалея относит строительство новых городов, организацию станичной и сторожевой службы, возведение оборонительных линий, засек [1, с. 36–55].

Территория «Поля» во второй половине XVI в. существенно сократилась в связи с вхождением в состав России Поволжья, а также консолидации казаков в низовьях Дона. Таким образом, географически «Поле» к 80-м годам XVI в. занимало ту территорию, которую сегодня мы называем Черноземьем. В 1585 г. «на Поле» были основаны первые российские города: Воронеж и Ливны. На рубеже XVI и XVII вв. мы видим на «Поле» уже восемь городов-крепостей: к Воронежу и Ливнам добавились Елец (1592), Белгород, Оскол, Валуйки (1593), Курск (1596) и Царев-Борисов (1599) [1, с. 38].

Важным фактором появления новых городов и сел на «Поле» стало строительство Белгородской черты, на которой были поставлены основные крепости в период с 1635 по 1652 гг. Белгородская черта перекрывала пути татарских дорог: Муравского, Изюмского, Кальмиусского шляхов, и под ее защитой стали появляться и расти новые села и города. Казачья и сторожевая

службы, и города-крепости к концу 17 века утратили актуальность, потому что была построена новая Изюмская черта, и граница отодвинулась на Юг. «Сооружение Белгородской черты позволило заселить огромные черноземные массивы южной окраины России. В 80-х годах XVII в. в документе, составленном дьяками Разрядного приказа, подчеркивалось, что «ныне по той всей черте уселилось многолюдство большое» [5, с. 289].

Таким образом, Черноземье уже к началу XVIII века имело достаточно много поселений. Первопоселенцами и основателями многих сел и деревень стали бывшие служилые люди, набранные из центральных губерний России, – пушкари, казаки, стрельцы, затинщики, превратившиеся уже к концу XVII века в крестьян-однодворцев (позднее – государственных крестьян). Консолидация русского населения, обосновавшегося на Поле, проявилась в том, что большинство этой территории диалектологи впоследствии отнесли к ареалу восточнорязанской группы говоров, а часть ее – к межзональным говорам южного наречия: ливно-елецким и оскольским.

Значительная часть освоенной территории Поля была заселена черкасами – казаками слободских украинских полков: Сумского, Ахтырского, Изюмского, Харьковского, Острогожского. Мотивы, которые вынудили украинских казаков переселиться на юго-восток, под покровительство московского царя, заключаются в усилении гнета польско-литовской шляхты Речи Посполитой – с одной стороны, турками Османской империи – с другой. Так в 1652 г. большая группа черкасс во главе с Иваном Дзиньковским в результате польского нашествия была вынуждена проситься «на вечную службу» Руссийского государства. Они основали город Острогожск на Тихой Сосне в Воронежской губернии, а позже, после расформирования полка в XVIII веке, компактно селились в малозаселенных районах к югу от Белгородской черты: за Тихой Сосной, по рекам Черная Калитва, Богучарка (правые притоки Дона) и Толучеевка (левый приток Дона). Свои зоны влияния и территории на русском «Поле» имели: Сумской и Муравский полки. В зоне влияния слободских полков поселенцы были освобождены царским правительством на 15 лет от налогов, то есть были «слободны» за готовность выступить в любой момент на защиту границ России. В мирное время высшее руководство – полковники – управляли всеми хозяйственными,

судебными и гражданскими правами на закрепленной за полком землёй, а вся подчиненная полкам территория получила название «Слобожанщина» как часть Малороссии.

Название Малороссия укрепилось в общественном сознании после создания в Российской империи двух Малороссийских губерний. Первая существовала с 1764 г. по 1781 г., в нее вошли земли Киевщины и Левобережной Украины (10 полков). Вторая Малороссийская губерния (1796-1802) была значительно расширена, но Киевщина была исключена. Поскольку малороссийские губернии охватывали значительную часть Украины, то и ее жителей стали называть малороссами.

Более ранний экзоэтноним – черкасы – известен с XV века, и имел несколько значений. Черкасами могли называть: казаков Малороссии, казачество в целом, а по мнению историка Г.В. Вернадского (1887-1973), который опирался на московские документы XVI-XVII вв., так называли и казаков неславянского происхождения, например черкесов.

Одно время Российское государство отличало черкас от Малороссийского населения: «Буде ж кто из помещиков, захватя в своё владение из порозжих Государевых земель, поселили на тех землях разных наций людей, яко то Малороссиян и Черкас и другого звания, которых в вечность за собою укреплять запрещено, а они за ними остаться и ныне пожелают, то и на оных Малороссиян и Черкас отмерить же земли на число душ предписанную...» [7, п. 14].

Третье административное образование на территории Российской Империи из числа южнорусского-малороссийского народа – это Слободская губерния (1765-1780). Слобожанщина как регион охватывала земли на стыке Малороссии и бывшего «Поля» (Черноземья). В 1796 году Слободско-Украинская губерния была учреждена во второй раз, а в 1835 году была преобразована в Харьковскую губернию, но уже территориально уменьшена.

Проживающие на «Слобожанщине» казаки-черкасы, отличающиеся не только говором и бытовой культурой, но и имеющие признаки самостоятельного украинского этноса, образовали крупные зоны компактного расселения украинцев на территории Черноземья. Сегодня это следующие районы (с современным административным названием):

- в Курской области – Обоянский, Беловский, Суджанский, Кореневский, Глушковский, Рыльский, Хомутовский;
- в Белгородской области – Борисовский, Грайворонский, Чернянский, Новооскольский, Волоконовский, Валуйский, Вейделевский, Ровеньковский, Алексеевский, Красногвардейский;
- в Воронежской области – Острогожский, Каменский, Лискинский, Подгоренский, Ольховатский, Россошанский, Кантемировский, Богучарский, Калачеевский, Петропавловский, Воробьёвский.

Историческое обособление украинских поселений на территории России послужило поводом для включения районов бывшей Слобожанщины в процесс так называемой украинизации, которая проводилась в первые годы Советской власти до 1932 года. Смысл политики украинизации – в укреплении национальной идентичности: культуры, языка.

В диссертации «Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье» К.С. Дроздов выделяет три этапа государственной политики украинизации на территории РСФСР. На первом этапе (1923-1925) происходила организационная перестройка государственных структур, на втором (1926-1929) – перевод делопроизводства и подготовка к переводу образования на украинский язык, на третьем (1930-1932) – ликвидация всеобщей неграмотности [4]. Так, на волне украинизации (сначала ее именовали коренизацией) были открыты украинские педагогические техникумы в 1926 году в Россоши Воронежской области, в Борисовке и Волоконовке Белгородской области. Выходили газеты на украинском языке, или вкладки в русские издания. Так, например, Белгородская правда 2 раза в неделю публиковала вкладки на украинском языке «За колгосп» («За колхоз»), причем материалы не дублировались на русском языке [2].

В августе 1932 года И.В. Сталин заявляет о серьёзном неблагополучии в украинских партийных организациях и о засилье в них скрытых националистов и иностранных агентов. Огромную роль в укреплении националистической идеологии сыграл основоположник украиноцентризма М.С. Грушевский (1866-1934), создавший четырёхтомник «Історія України – Руси», «История украинского казачества до соединения с Московским государством» в 2-х томах. В своих работах М.С. Грушевский разработал собственную теорию

происхождения и развития государственности Киевской Руси и её народа [3]. Он утверждал, что преемниками древнерусской общности являются именно украинцы, в генезисе русской нации наиболее значительная составляющая принадлежит финно-уграм и тюркам, а доля славянского субстрата ничтожно мала. Эта теория не была принята международным научным сообществом, и распространялась исключительно на Украине, и новый импульс к её популяризации был получен после распада СССР. В 1933 году на фоне растущего национализма политику украинизации начинают сворачивать. Начинается обратный процесс – полный перевод всех школ на русский язык.

После отмены украинизации началась массовая смена идентичности: быть русским считалось безопаснее, чем украинцем, поскольку русских нельзя обвинить в национализме. Этот процесс обострился после Великой Отечественной войны. К моменту распада СССР большинство украинцев стали называть себя русскими по политическим соображениям.

По данным переписи населения разных лет видно, что доля украинцев в начале XX века была высока, а после украинизации резко пошла на спад. Так, например, по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Воронежской губернии было 36,2 % украинцев говорящих на своём национальном языке, а в Курской губернии – 22,9 % от общего состава населения [8, с. 38]. По переписи 2010 года доля украинского населения составила в Воронежской области - 1,84 %, в Белгородской – 2,73 %, в Курской – 1,21 %. Но тем не менее исследования показали, что в украинских районах по всем маркерам большинство жителей являются носителями именно украинской культуры. Многие из них затрудняются с самоопределением, однако четко противопоставляют себя не только «москалям», но и украинцам, живущим на Украине, считают себя «пэрэвэртнямы», «ни те, ни се»: «Мы балакаем на украинськом, а самы русскымы считаемось»¹, «Мы пэрэвэртни. Украинцы ж воны нэ так. Нэ так кажуть, у них разговор мягче, у хохлов голос грубый, слова грубые»². При этом у русских прозвище «хохлы» предназначается любым украинцам.

¹ Записано С. Филонович в 2012 г. в с. Гuevo Суджанского района Курской области от Шаповаловой Г.С., 1936 г. р. Архив КНМ ВГИИ, № 2078-012/74.

² Записано Сысоева Г.Я., Филонович С.А. и др. в 2013 г. в с. Твердохлебово Богучарского района Воронежской области от Тимошенко Е.Н., 1930 г. р. Архив КНМ ВГИИ, № 2227-1/5.

Итак, исследования в зоне украинско-русского пограничья на территории Черноземья показали:

1. Процессы освоения малозаселенной территории, называемой «Подем» происходили одновременно с обособлением украинского и русского этносов, несмотря на общие восточнославянские корни, общую начальную историю в период Древней Руси.

2. Совместное освоение территории Черноземья («Поля») русскими и украинскими переселенцами началось в XVII веке, что и привело к образованию обширных зон украинского населения в Курской и Воронежской губерниях, которые сохраняли свой язык и культуру.

3. Процесс украинизации с 1923 по 1932 годы вызвал подъем националистических украинских идей, а со времени их запрета способствовал стремительной ассимиляции украинцев с русскими.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багалей, Д. И. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства / Д. И. Багалей. – М., 1887. – 616 с.

2. Бондарева, О. Почему «Белгородская правда» печаталась на двух языках [Электронный ресурс] / О. Бондарева // Информационный сайт «Белгородская Пресса». – Режим доступа: www.belpressa.ru/news/news/pochemu-belgorodskaya-pravda-pechatalas-na-dvuh-yazykah15002/.

3. Верб, В. Грушевський Михайло Сергійович. Енциклопедія історії України: Т. 2: Г–Д / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; НАН України. Інститут історії України. – К. : Наукова думка, 2004. – 688 с.

4. Дроздов, К. С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Дроздов Константин Сергеевич. – М., 2010. – 30 с.

5. Загаровский, В. П. Белгородская черта / В. П. Загаровский. – Воронеж : ВГУ, 1969. – 303 с.

6. Загаровский, В. П. История вхождения центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. / В. П. Загаровский. – Воронеж : ВГУ, 1991. – 272 с.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (1649-1825). – Т. XVII. – № 12.519. – п. 14.

8. Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – М. : Наука, 2005. – 828 с.

9. Чижикина Л.Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. / Л.Н. Чижикина. – М.: Наука, 1988. – 253 с.

REFERENCES

1. Bagaley D.I. *Ocherki po istorii kolonizacii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow state]. M., 1887. 616 p.
2. Bondareva O. Pochemu «Belgorodskaya pravda pechatalas' na dvuh yazykah» [Why “Belgorod Truth” was printed in two languages] Available at: [//www.belpressa.ru/news/news/pochemu-belgorodskaya-pravda-pechatalas-na-dvuh-yazykah15002/](http://www.belpressa.ru/news/news/pochemu-belgorodskaya-pravda-pechatalas-na-dvuh-yazykah15002/). (In Russian).
3. Verba V. *Grushevs'kij Mihajlo Sergijovich. Enciklopediya istorii Ukraïni*: [Grushevsky Mikhaïlo Sergeevich. Encyclopedia of history of Ukraine: Vol.2: G-D]. Kiev: «Naukova dumka», 2004. 688 p.
4. Drozdov K.S. *Gosudarstvennoe regulirovanie russko-ukrainskih nacional'nyh otnoshenij v Central'nom CHernozem'e (1923-1933 gg.)* [State regulation of Russian-Ukrainian national relations In the Central Black Earth Region (1923-1933)]: abstract. diss. ... Cand. hist. sciences: Moskva, 2010. 30 p.
5. Zagorovsky V.P. *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]. Voronezh: VGU, 1969. 303 p.
6. Zagorovsky V.P. *Istoriya vhozhdeniya central'nogo CHernozem'ya v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVI v.* [The history of the Central Black Earth Region joining The Russian State in the XVI century]. Voronezh: VGU, 1991. 272 p.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Full collection of laws of the Russian Empire], Collection 1 (1649-1825), vol. XVII, no. 12.519. p. 14.
8. *Russkie* [Russians]. Ed. by V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk. M.: Nauka, 2005. 828 p.
9. Chizhikova L.N. *Russko-ukrainskoe pogranch'e: istoriya i sud'by tradicionno-bytovoï kul'tury* [The Russian-Ukrainian border: the history and fate of traditional and everyday culture]. M.: Nauka, 1988. 253 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Филонович С.А. История заселения Центрального Черноземья в зоне русско-украинских контактов / С.А. Филонович // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 135–144.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Filonovich S.A. The History of the Settlement of the Central Black Earth Region in the Area of Russian-Ukrainian Contacts // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 135–144. (In Russian).

УДК-94(4):94(470.6)

Хлудова Людмила Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,
младший научный сотрудник
управления научно-исследовательской
деятельности ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Khludova Lyudmila Nikolaevna

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Research
Assistant of the Department of
Scientific Research, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)

**Цыбульников Анастасия
Александровна**

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей и
отечественной истории ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

**Tsybulnikova Anastasia
Aleksandrovna**

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Department
of General and National history,
Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
И ЭВОЛЮЦИИ В XVIII–XIX ВЕКАХ
ЕВРОПЕЙСКОГО И
РОССИЙСКОГО
ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ
О ЧЕРКЕШЕНКАХ**

**ON THE FORMATION AND
EVOLUTION OF EUROPEAN AND
RUSSIAN HETEROSTEREOTYPES
ABOUT CIRCASSIAN WOMEN
IN XVIII–XIX CENTURIES**

Аннотация:

В статье рассматриваются исторические аспекты формирования в Европе и Российской империи системы восприятия национально-культурных черт горцев Северо-Западного Кавказа, в частности этнокультурного облика девушки-черкешенки. Авторы анализируют общее и особенное в формировании и развитии как авто-, так и гетеростереотипов о черкешенке, рассматривая в комплексе не только специфику национально-культурного развития народов,

Abstract:

The article deals with the historical aspects of the formation of the system of perception of national and cultural features of the Gortsy of the North-West Caucasus in Europe and the Russian Federation, in particular the ethno-cultural appearance of the Circassian girl. The authors analyze the general and special features in the formation and development of both auto- and heterostereotypes about the Circassian girl, considering in a complex not only the specifics

но и степень влияния на формирование рассматриваемых этностереотипов объективных геополитических процессов и поэтапной смены художественных стилей.

of national and cultural development of peoples but also the degree of influence of objective geopolitical processes and the gradual change of artistic styles on the formation of the considered ethnic stereotypes.

Ключевые слова:

эностереотип, автостереотип, гетеростереотип, Северный Кавказ, черкешенка, идеал женской красоты.

Keywords:

ethnic stereotype, self-stereotype, heterostereotype, the North Caucasus, the Circassian girl, the ideal of feminine beauty.

Вопросы, связанные с культурным обменом, восприятием других народов и культур, этнокультурной идентичностью, сохранением традиционных ценностей и формированием этнических образов и стереотипов обсуждаются сегодня представителями различных областей социогуманитарного знания. Изучение авто- и гетеростереотипов, исторических обстоятельств и факторов, которые влияют на формирование и эволюцию этнокультурных образов народов позволит облегчить процесс коммуникации с внешним миром в условиях глобализации, создать необходимый ресурс для инновационного развития любого региона, его модернизации с учетом локальной национальной специфики.

Как известно, этностереотипы, национальные стереотипы это исторически сложившиеся внешние (гетеростереотипы) или собственные (автостереотипы) представления о менталитете и стандартном поведении представителей того или иного этноса [7, с. 246–252]. Такие стереотипы основываются на представлениях, которые формируются фольклорно-мифологическим сознанием, составляющих основу традиционной культуры. Значительное влияние на них оказывают и исторические условия, особенности образа жизни и религии, также характер взаимоотношений с другими странами. Изменение условий контактной ситуации может внести в существующие представления о соседних этнических общностях новое содержание [8].

Структура этнического стереотипа поведения основана на довольно строгой системе определенных отношений, в которой нашли отражение

разные типы социальных связей в этнической общности. Перемены в жизни этнической общности влияют на изменение норм поведения, этнических представлений и социально-психологических установок. Факторами, влияющими на изменения поведения этнической группы, могут выступать исторические, экономические, политические, демографические, религиозные, а также технические и экологические факторы. Можно сказать, этнические стереотипы поведения так же подвержены изменениям, как и сам этнос. Рассмотрим в качестве примера специфику формирования и эволюции авто- и гетеростереотипов о черкешенке Северо-Западного Кавказа.

Внешний облик черкешенки формировался под выраженным турецким влиянием, поэтому в XVII-XVIII вв. он предполагал, например, такие характерные детали как подведенные черным брови и глаза, множество косичек, в костюме – шаровары и шапочку в форме тюбетейки [14]. По справедливому замечанию адыгского писателя Султана Хан-Гирея, описывающего черкесскую красавицу: «Она была прекраснейшее создание... Однако же при всей своей очаровательности она, как говорит предание, казалась недоступной, гордой, созданной повелевать, а не повиноваться!..» [13, с. 7].

Содержательная часть автостереотипа черкесов в значительной степени базировалась на представлениях о том, что истинная красота, понятие «красивого» предполагает не только и не столько внешнюю сторону, внешний вид предметов, явлений или человека, но, прежде всего, их внутреннюю суть и содержание – для человека, для общества в соответствии с традиционными и религиозными нормами. Поэтому, несмотря на то, что традиционное адыгское общество было крайне патриархально, отживающие свое в рассматриваемый период адаты (обычное право) сохраняли за некоторыми женщинами условное «старшинство» в их маскулинном мире. Пожилая женщина – старшая среди женщин своей семьи, мать достойных сыновей, вдова – такая черкешенка могла получить право выступить в качестве третейского судьи, предотвратить кровопролитие или убийство. Именно за такой женщиной обычаем закреплялось право на прекращение кровной мести между родами.

Постепенное приобщение черкесских племен к мусульманской религии и культуре вело к закреплению в их среде норм шариата. Например, по мере

постепенной мусульманизации черкесских племен в XVIII-XIX веках в общении между полами заметно ужесточились рамки дозволенности. В середине XVII века побывавший у черкесов путешественник Я.Я. Стрейс писал: «...Я видел много женщин, но нигде не видел таких приветливых, любезных и услужливых в отношении чужеземцев, как здесь. Некоторые принялись играть и шутить с ними, а иногда и вступать с ними в более близкие отношения, что они охотно допускали, смеясь: но тот, кто хотел добиться большего вынужден был отступить...» [12, с. 58–60].

К XIX веку женское общество становится все более закрытым для противоположного пола, наказание за прелюбодеяние ужесточается, автостереотип черкешенки приобретает новые черты, во многом диктуемые не обычным правом (адатами), а исламом. Замужняя женщина, мать (сыновей!), хранительница домашнего очага, верная мужу и строгим традициям – только такая черкешенка пользовалась уважением со стороны окружающих.

О нравственной чистоте адыгских девушек писали многие авторы XIX века [1]. По представлениям черкесов, девочка, в независимости от того, в какой семье она родилась, знатной или просто крестьянской, должна была быть воспитана по определенным правилам и нормам, сложившимся веками. Взаимоотношение мальчиков и девочек, юношей и девушек, женщин и мужчин, а равно отношение родителей к своим детям определяла диалектичность, предполагавшая присутствие в них гаммы разных чувств, нередко внутренне противоречивых. Часто, будучи куда более строгими к дочери, чем к сыну, родители проявляли заботу о ней иначе. Один из российских авторов писал по этому поводу: «Замужние женщины изнемогают от работы, а девушки, напротив, ничего не делают. Их не посылают, не на поле, не в лес, не заставляют дома делать что бы то ни было тяжелое; они только шьют и вышивают, и в этом доходят до большого совершенства. Странно встретить в бедной соломою крытой сакле девушку с белыми нежными руками». Здесь отчетливо видно, с одной стороны, стремление родителей до поры до времени уберечь дочь от тяжелого труда, который неизменно ляжет на ее плечи, а с другой – желание представить дочь в «лучшем виде», что должно было сказаться на ее будущей свадьбе и естественно, чем лучше будет она выглядеть, чем больше приближена к канонам красоты

и воспитания, тем больший, калым за нее заплатят. Фредерик Дюбуа де Монпере замечает следующее: «Дочери кабардинских князей воспитываются так же как сыновья: их отдают воспитательницам, которые обучают их всему необходимому для их пола и выдают их замуж, заботясь о том, чтобы подобрать им приличествующего супруга, поскольку так же отвечают за это головой» [11, с. 150–151]. Следует отметить что, только богатые и знатные семьи отдавали своих дочерей на воспитание, а беднота сама занималась воспитанием черкешенки. Одной из важных линий воспитания девочки являлось привитие почтительности и уважения к мужчине как таковому. Ведь в семейном быту, в отличие от быта общественного, все же больше знаков внимания уделялось не женщине, а мужчине. Большое значение имел сам факт патриархального, авторитарного устройства семьи, во главе которой стоял старший по возрасту мужчина и ему беспрекословно подчинялись все другие члены семьи, и в том числе, жена. Почтительность распространялась и на мальчиков сверстников. Преодоление девушкой порога совершеннолетия многое меняло в ее рамках дозволенности, а так же в отношении к ней семьи и окружающих. Вступление в особую пору жизни открывало новые возможности, представить себя окружающим, заявить о себе в отличном от прежнего качестве. Лет с 14 девушку приглашали на соседские свадьбы, а также праздники, что считалось у черкесов знаком признания ее взрослой. Юная черкешенка общалась с противоположным полом, но это общение происходило под строгим присмотром родителей и жителей аула или селения, в котором она проживала. Таким образом, важными чертами этнокультурного автостереотипа черкесской девушки были не только красота, внешняя и внутренняя, высокая нравственность, скромность и воспитанность, но также, небоязнь и умение общаться с противоположным полом с должной скромностью и уважением [15].

Европейский гетеростереотип о черкешенках заметно отличался от автостереотипа. Начнем с того, что этот этностереотип был во многом сформирован и растиражирован на волне ориентализма, получившего популярность в западной историографии в конце XVIII – начале XIX века. Исследования ученых, труды широкого круга авторов создавали специфическую ментальность в отношении Востока, не следующую логике «объекта», а, скорее,

подчинявшуюся логике исследователя. В рассматриваемый период «Черкесия» (так европейцы называли территорию Северо-Западного Кавказа) в глазах западной цивилизации была частью мира Востока, слабоизученной и достаточно изолированной. Кроме того, интерес Запада подогревался еще и особым стратегическим значением данного региона в условиях перманентного соперничества великих колониальных держав – Британии, Франции, а также Российской империи [9].

«Идеал женской красоты», иначе говоря, «красавица» – одна из устойчивых характеристик для всех гетеростереотипов о внешности черкешенки, что косвенно подтверждают соответствующие статьи русской и англоязычной Википедий (аналогично только «русская красавица»). Эта репутация, согласно статье указанного интернет-ресурса, берёт своё начало в позднем Средневековье, и связана с колонизацией генуэзцами Северо-Восточного Причерноморья. Брачные отношения между аристократическими родами черкесов и генуэзской знатью не были редкими, в частности, итальянец Симон де Гизольфи стал очень влиятельным управителем городка Матреги (в прошлом Тмутаракани, в будущем – Тамани) благодаря женитьбе его сына Винченцо на дочери черкесского князя Берозоха. А основатель династии Медичи – Козимо Медичи Старый обрёл внебрачного сына от черкесской рабыни. О прекрасных черкешенках высказывались самые разные авторы, среди которых ученые и путешественники, этнографы и историки, писатели и поэты, военные и гражданские. Поддавшись популярному на тот момент веянию романтизма, черкесских женщин откровенно идеализировали. Например, в первой половине XVIII века эсквайр Петр Генри Брус записал, что женщины-кабардинки «удивительно хорошо сложены, с чрезвычайно тонкими чертами, гладкой светлой кожей и прекрасными черными глазами» [4, с. 148–150]. В 1830-х годах венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс отметил, что черкешенки «красивы, у них легкие и тонкие фигуры, красивейшие в свете глаза, брови красивого рисунка и длинные ресницы» [2, с. 329–352]. По мнению Жана Стрюи, «кавказские женщины... красивы и отличаются белизною тела, и эта белизна смешана с таким прекрасным колоритом, что только лилия и роза необходимы для того, чтобы составить красоту совершеннее» [13, с. 79–80]. Н. Данилевский

в 1840-х годах записал: «Кто хочет в наше время иметь понятие об изяществе красоты, кто хочет видеть воплощенный идеал красоты классической, тот должен видеть Черкешенку» [5, с. 192].

Пришедшая на смену романтизму культура реализма придала гетеростереотипам европейцев о черкешенках большую разносторонность. В середине XIX века французский путешественник Тебу де Мариньи делает вывод, что европейки «им ни в чем не уступают...». Бюст черкешенок «лишен у девушек своего основного украшения, чрезвычайно тонкий и гибкий, зато у многих женщин нижняя часть корпуса очень большая, что почитается за большую красоту на востоке и что мне показалось уродством у некоторых из них. Тем из женщин, кто пропорционально сложен, нельзя отказать в благородстве в осанке и в большой привлекательности... Но чтобы восхищаться ими, их нужно видеть только вписанными в интерьер их дома, так как когда они выходят из своего дома, их медленная походка и ленивый вид, налагающий отпечаток на все их движения, поражают взгляд европейца, привыкшего к живости и элегантности наших дам» [10, с. 56].

Российская интеллигенция во второй половине XIX века тоже совершает некоторую переоценку ценностей. Вот мнение Н.Ф. Дубровина: «Конечно, понятие о красоте женщин есть понятие относительное; нельзя сказать, чтобы все черкесские женщины без исключения были красивы, но, во всяком случае, они служат лучшими представительницами прекраснейшего белого, или так называемого кавказского, племени. Красоте их очень много вредила оспа, для предохранения от которой не предпринималось никаких мер; плоскость стана отнимала также много красоты» [6, с. 138]. Кстати, именно плоская грудь – следствие ношения корсета до замужества – стала одним из негативных компонентов европейских и русских гетеростереотипов о внешности черкешенок. Согласно описанию Фредерика Дюбуа де Монпере, у черкесов «уже лет с 10-12 девочки начинают носить как бы корсет, или широкий пояс из кожи, который зашивается на теле; девушки-дворянки застегивают этот пояс серебряными застегками. Этот корсет так сжимает талию, что едва ли найдутся другие женщины, у которых она была бы такой тонкой; вместе с тем пояс этот сильно стесняет грудь, что может совершенно остановить ее развитие. Все молодые черкешенки отличаются такой плоской

грудью, что это невольно бросается в глаза и поражает. Только в день свадьбы супруг имеет право острием кинжала расшить корсет своей молодой жены. Ради гибкости и тонкости талии, неперемного условия красоты, по мнению черкесов, молодых девушек кормят впроголодь: им дают только молоко, пироги, тесто из проса. Если женщины должны иметь тонкий стан выше бедер, то нижняя часть тела должна быть широкой и живот выдаваться вперед, что нам показалось бы уродством» [11, с. 148]. Подчеркивая свое негативное отношение к традиции ношения корсета, некоторые авторы подчеркивали отсутствие данной традиции у ряда «демократичных» племен, не имевших в рассматриваемый период высшей аристократии: «У абадзехов и у некоторых шапсугских фамилий девушки не носили корсетов, оттого и женщины их более красивы и кокетливы» [6, с. 138–139]. Впрочем, несмотря на то, что в европейском гетеростереотипе закрепилось представление о повсеместном ношении черкешенками корсетов до замужества, на самом деле эта традиция была характерна большей частью для высшей аристократии, а крестьянские девушки «вовсе и не носят кожаных корсетов» [3, с. 353–434].

Таким образом, европейский и российский гетеростереотипы о внешности черкешенки прошли заметный эволюционный путь от крайней идеализации, до некоторой разносторонности, сохранив при этом главный посыл – большинство черкесских женщин являлись загадочными восточными красавицами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – № 51, 65, 89, 92, 220, 265, 297, 309, 310, 342, 441, 507, 588, 610 и др.
2. Бесс, Ж.-Ш. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и Константинополь в 1829 и 1830 гг. / Ж.-Ш. Бесс // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – С. 329–352.
3. Бларамберг, И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И. Ф. Бларамберг // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – С. 353–434.

4. Брус, П. Г. Воспоминания Петра Генри Бруса, эсквайра офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, с рассказом о путешествии по Германии, России, Татарии, Западной Индии и т. д. / П. Г. Брус // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – С. 148–150.
5. Данилевский, Н. Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении / Н. Я. Данилевский. – М., 1846. – С. 192.
6. Дубровин, Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Книга 1 (СПб., 1871–1888) / Н. Ф. Дубровин // Н.Ф. Дубровин о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик : Эль-Фа, 2002.
7. Кашкин, В. Б. Табуированные темы и этностереотипы в межкультурной коммуникации / В. Б. Кашкин, Е. М. Смоленцева // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации : сб. ст. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 246–252.
8. Кринко, Е. Ф. Происхождение этнических стереотипов и их роль в процессах межэтнического взаимодействия на Кубани [Электронный ресурс] / Е. Ф. Кринко. – Режим доступа: <http://ruplace.ru/knigi-teksty/108-voprosy-kazachej-istorii-i-kultury-2002/907-proiskhozhdenie-etnicheskikh-stereotipov-i-ikh-rol-v-protsessakh-mezhetnicheskogo-vzaimodejstviya-na-kubani.html>
9. Любимов, Ю. В. Образ Другого (Восток в европейской традиции) [Электронный ресурс] / Ю. В. Любимов. – Режим доступа: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130329/>.
10. Мариньи, Т. Путешествие по Черкесии / Т. Мариньи // Серия «КЛИО». Раздел «История». Вып. 7. Т. 1. – Нальчик : Эль-фа, 2002. – С. 56.
11. Монпере, Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т. 1 / Ф. Д. Монпере // Серия «КЛИО». Раздел «История». Вып. 7. Т. 1. – Нальчик : Эль-фа, 2002.
12. Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVIII в. : сборник материалов. – Нальчик : Эль-Фа, 2006. – С. 58–60.
13. Сукунов, Х. Х. Черкешенка / Х. Х. Сукунов, И. Х. Сукунова. – Майкоп : Адыгея, 1992.
14. Ballou, M. M. The Circassian Slave, or, the Sultan's favourite: a story of Constantinople and the Caucasus / M. M. Ballou. – Published by Echo Library, United States, 2000.
15. Mitchell-Foust, M. Circassian Girl / M. Mitchell-Foust. – Published by Elixir Press, Minneapolis, 2001.

REFERENCES

1. *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII-XIX vekov* [Adyghe, Balkars and Karachais in proceedings of European authors of the XIII-XIX centuries]. Nal'chik: Elbrus, 1974, nos. 51, 65, 89, 92, 220, 265, 297, 309, 310, 342, 441, 507, 588, 610, etc.
2. Bess J.-S. Travel to Crimea, the Caucasus, Georgia, Armenia, Asia Minor and Constantinople in 1829 and 1830. *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII-XIX vv.* = *Adyghe, Balkars and Karachais in the proceedings of European authors of the XIII-XIX centuries*. Nalchik: Elbrus, 1974, pp. 329-352. (In Russian).
3. Blaramberg I.F. Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus. *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII-XIX vv.* = *Adyghe, Balkars and Karachais in the proceedings of European authors of the XIII-XIX centuries*. Nalchik: Elbrus, 1974, pp. 353-434. (In Russian).
4. Brus P.G. Memories of Peter Henry Brus, Esquire officer in the service of Prussia, Russia and Great Britain, with a story about a trip to Germany, Russia, Tatars-tan, Western India, etc.. *Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov XIII-XIX vv.* = *Adyghe, Balkars and Karachais in the proceedings of European authors of the XIII-XIX centuries*. Nalchik: Elbrus, 1974, pp. 148-150. (In Russian).
5. Danilevskij N.YA. *Kavkaz i ego gorskie zhiteli v nyneshnem ih polozhenii* [The Caucasus and its mountain inhabitants in their current situation]. M., 1846. p. 192.
6. Dubrovin N.F. *Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze* [History of war and Russian rule in the Caucasus.]. Vol.1. Book 1. (SPb., 1871-1888). Nalchik: El-Fa, 2002, p. 138.
7. Kashkin V. B., Smolenceva E. M. Taboo topics and ethnic stereotypes in intercultural communication. *Kul'turnye tabu i ih vliyanie na rezul'tat kommunikacii* = *Cultural taboos and their influence on the result of communication: A collection of articles*. Voronezh: VGU, 2005, pp. 246-252. (In Russian).
8. Krinko E.F. *Proiskhozhdenie ehtnicheskikh stereotipov i ih rol' v processah mezhetnicheskogo vzaimodejstviya na Kubani* [The origin of ethnic stereotypes and their role in the processes of interethnic interaction in the Kuban]. Available at: <http://ruplace.ru/knigi-teksty/108-voprosy-kazachej-istorii-i-kultury-2002/907-proiskhozhdenie-etnicheskikh-stereotipov-i-ikh-rol-v-protsessakh-mezhetnicheskogo-vzaimodejstviya-na-kubani.html>. (In Russian).
9. Lyubimov Yu.V. *Obraz Drugogo (Vostok v evropejskoj tradicii)* [The image of the Other (the East European tradition)]. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130329/> (In Russian).

10. Marin'i T. *Puteshestvie po Cherkessii* [Tour of Circassia]. Series "KLIO". Section "History". Issue 7, vol.1. Nalchik: El-fa, 2002, p. 56.
11. Monpere F.D. *Puteshestvie vokrug Kavkaza, u cherkesov i abkhazov, v Kolhide, Gruzii, Armenii i Krymu* [Tour of the Caucasus, Circassians, Abkhazians, around Colchis, Georgia, Armenia, Crimea]. Vol.1. Series "KLIO". Section "History". Issue 7, vol.1. Nalchik: El-fa, 2002.
12. *Severnyj Kavkaz v evropejskoj literature XIII-XVIII v. Sbornik materialov*. [The North Caucasus in the European literature of the XIII-XVIII centuries. A Collection of materials]. Nalchik: El-Fa, 2006, pp. 58-60. (In Russian).
13. Sukunov H.H., Sukunova I.H. *CHerkeshenka* [A Circassian girl]. Majkop: Adygeya, 1992.
14. Ballou M.M. *The Circassian Slave, or, the Sultan's favourite: a story of Constantinople and the Caucasus*. Published by Echo Library, United States, 2000.
15. Mitchell-Foust M. *Circassian Girl*. Published by Elixir Press, Minneapolis, 2001.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Хлудова Л.Н. К вопросу о формировании и эволюции в XVIII-XIX веках европейского и российского гетеростереотипов о черкешенках / Л.Н. Хлудова, А.А. Цыбульникова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 145–155.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khudova L.N., Tsybulnikova A.A. On the Formation and Evolution of European and Russian Heterostereotypes About Circassian Women in XVIII-XIX Centuries // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2019, No. 1, pp. 145–155. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» (г. Махачкала); e-mail: mibil@mail.ru

Bilalov Moustapha Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Ontology and the Theory of Cognition, Dagestan State University (Makhachkala); e-mail: mibil@mail.ru

Ветров Юрий Павлович – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: yurvetrov@yandex.ru

Vetrov Yury Pavlovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-rector for Research and Innovative Activity, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: yurvetrov@yandex.ru

Высоцкий Александр Александрович – студент ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: plamitar12@gmail.com

Vysotsky Alexander Alexandrovich – student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: plamitar12@gmail.com

Гурова Евгения Александровна – директор Центра археологических исследований ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», старший преподаватель (г. Армавир); e-mail: gurova.evgenija@mail.ru

Gurova Evgenia Alexandrovna – Director of the Center for Archeological Research, Armavir State Pedagogical University, Senior Lecturer (Armavir); e-mail: gurova.evgenija@mail.ru

Дегтярева Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (г. Тихорецк); e-mail: kondeg@mail.ru

Degtyareva Elena Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Kuban State University (branch in Tikhoretsk); e-mail: kondeg@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – doctor of historical sciences, professor, professor of the department of general and national history of Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dudarev51@mail.ru

Зуев Вячеслав Анатольевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: zuevslava@mail.ru

Zuyev Vyacheslav Anatolievich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: zuevslava@mail.ru

Исмаилов Нурмагомед Омарович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: nur.is.filosof@rambler.ru

Ismailov Nurmagomed Omarovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Humanitarian Sciences, Armavir State Philosophical University (Armavir); e-mail: nur.is.filosof@rambler.ru

Клоков Андрей Николаевич – студент ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: a.n.klokow@yandex.ru

Klokov Andrey Nikolaevich – student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: a.n.klokow@yandex.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты, доктор философских наук, доцент (г. Шахты); e-mail: amrudenko@list.ru

Kotlyarova Viktoria Valentinovna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty, (Shakhty); e-mail: amrudenko@list.ru

Кулакова Бэлла Эльбрусовна – кандидат философских наук, ведущий инженер дирекции Армавирского механико-технологического института (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (г. Армавир); e-mail: bellakull1968@mail.ru

Kulakova Bella Elbrusovna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Engineer of the Directorate of Armavir Mechanical and Technological Institute, Kuban State Technological University (branch in Armavir); e-mail: bellakull1968@mail.ru

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Panarina Elena Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: panarina.ist@mail.ru

Понарина Наталья Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: natasha021072@bk.ru

Ponarina Natalia Nikolaevna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: natasha021072@bk.ru

Руденко Андрей Михайлович – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты, доктор философских наук, доцент (г. Шахты); e-mail: amrudenko@list.ru

Rudenko Andrey Mikhaylovich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty, (Shakhty); e-mail: amrudenko@list.ru

Хлудова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lusi-nik@list.ru

Khludova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Research Assistant of the Department of Scientific Research, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lusi-nik@list.ru

Тлячев Анатолий Анатольевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: tlyachev@mail.ru

Tlyachev Anatoly Anatolyevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: tlyachev@mail.ru

Турсунбаев Салахидин Умарович – директор МБУ ДО «Центр творческого развития и гуманитарного образования» (г. Сочи); e-mail: sashaum@mail.ru

Tursunbayev Salakhidin Umarovich – Director of the Center of Creative Development and Humanitarian Education (Sochi); e-mail: sashaum@mail.ru

Филонович Светлана Александровна – преподаватель кафедры этномузыкологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный институт искусств» (г. Воронеж); e-mail: skifa555@yandex.ru

Filonovich Svetlana Aleksandrovna – Lecturer of the Department of an Ethnomusicology, Voronezh State Institute of Arts (Voronezh); e-mail: skifa555@yandex.ru

Цыбульников Анастасия Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: ana555000@yandex.ru

Tsybulnikova Anastasia Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and National history, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: ana555000@yandex.ru

Чубатов Андрей Алексеевич – старший преподаватель кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: chaa@inbox.ru

Chubatov Andrei Alexeevich – Senior Lecturer of the Department of Mathematics, Physics and Methods of teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: chaa@inbox.ru.

Ширина Лидия Васильевна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: seredalid_8995@mail.ru

Shirina Lidiya Vasilyevna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: seredalid_8995@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 мая 2019 года.

Дата выхода журнала – июнь 2019 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Философские науки

Исторические науки и археология

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2).

В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов¹, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **100 рублей**.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *.doc.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7-10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3-6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (не менее 8 страниц без списка литературы).

9) Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).

¹ Как выяснить примерный объем статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1800 и получаем количество страниц.

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoie khozyaistvo* = *Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54-57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikoniants L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуются пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 12.00.01
УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир,
Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир,
Российская Федерация

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Linguistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Keywords: human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Koni is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16],

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с.
2. Карцев Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 [Электронный ресурс] / С. Фрэнк. – Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy* = *European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical university, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru.

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных

системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____»
(название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1 2019

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 19,77. Уч.-изд. л. 8,55. Тираж 300 экз.
Заказ № 27/19.

Издатель:
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net